

500 ВЕЛИКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ

500 великих

Андрей Низовский

500 великих путешествий

«ВЕЧЕ»

2013

Низовский А. Ю.

500 великих путешествий / А. Ю. Низовский — «ВЕЧЕ»,
2013 — (500 великих)

Стремление к поиску неведомых земель и исследованию дальних стран, наверное, присуще человечеству со времен его зарождения. Во все времена находились люди, бросавшие вызов неизведанному и смело отправлявшиеся навстречу приключениям и опасностям. Книга, продолжающая популярную серию «500 великих», рассказывает об удивительных судьбах и открытиях великих путешественников и землепроходцев – от древности до наших дней. Читатель встретит среди героев книги Марко Поло и Ибн-Баттуту, Афанасия Никитина и Эрнана Кортеса, Витуса Беринга и Семенова-Тян-Шанского, Николая Пржевальского и Миклухо-Маклая, Роберта Пири и Руала Амундсена.

© Низовский А. Ю., 2013

© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Легенды, ставшие реальностью...	8
Вслед за аргонавтами	8
По следам Одиссея	12
Дорогой Энея	15
Вокруг «Ливии»	17
Через Атлантику со Святым Бренданом	19
Восьмое путешествие Синдбада	22
«Хокулеа» идет по следам предков	26
...И реальность, ставшая легендой	30
Хирхуф открывает Нубию	30
Корабли идут в Пунт	32
Станный отчет царевича Сатаспа	35
За Геркулесовыми Столбами	38
Аристей у исседонов	39
Загадочный Эвтимен	42
Плавание Ганнона к «Колеснице богов»	44
Гимилькон в Атлантике	49
Путешествие Пифея-лжеца	50
«Оранг малайу» – морские кочевники	53
Павлины в Вавилоне, или Древние индийские мореходы на	57
Великой муссонной дороге	
«Карийский капитан» Скилак	59
Неарх идет на запад	61
Плавание Евдокса	63
Путешествие в страну Агасимба	67
«И Туле не будет пределом земли...»	68
Открытие Эллады	70
По поверхности плоской земли	71
Путешественники из поднебесной	73
Кенгуру при дворе китайского императора	73
Плавание к острову Бессмертных	75
Странствия Сыма Цяня	77
Тридцатилетняя одиссея Бань Чао	79
Китайский Колумб	82
Странствия Фа Сяня	84
Сюаньцзан в «странах Запада»	86
Через Гоби и Тянь-Шань	88
Удивительные путешествия адмирала Чжэн Хэ	90
Горы и реки	92
Путешественники арабского Востока	94
Путешествие к «стене Гога и Магога»	94
По следам Сулеймана из Басры	97
Аль-Якуби в стране золота	98
«Арабский Геродот»	99
Ибн Фадлан в стране болгар	101
Ибн Хаукал: купец или разведчик?	104

Ал-Усвани за порогами Нила	105
У врат Тропической Африки	110
«Слоновий лекарь» исследует мир	111
Арабские моряки в Атлантическом океане	113
Ибн-Баттута: по заветам Корана и по зову сердца	115
Путешественники Средневековья	118
За тридцать земель с Вениамином Тудельским	118
Необыкновенное странствие бродячего миннезингера	120
Путешествие монаха Юлиана В поисках «Великой Венгрии»	123
Путешествие Плано Карпини в страну монголов	125
Андре Лонжюмо идет в «монгольские страны»	128
Миссия Гильома Рубрука	130
Джованни Монтекорвино, архиепископ Китая	132
«Марко-миллионе»	133
Путешествие Гильома Адана	137
От Падуи до Пекина	139
В гостях у великого хана	141
Скитания Иоганна Шильтбергера	142
Жильбер де Ланнуа: полвека в дороге	144
Николо Конти: четверть века на Востоке	148
«За три моря» с Афанасием Никитиным	150
Приключения Лодовико ди Вартема	152
Олай Магнус открывает Скандинавию	155
Поход на Север	156
Открытие Востока	158
Из Голштинии в Персию и обратно	158
Карстен Нибур в Йемене	160
Путешествие Али-бея по Аравии	162
Ульрих Гаспар Зетцен: приключение с трагическим финалом	165
Шейх Иоганн	168
Опасный путь в Персию	171
Марш через Аравийский полуостров	173
Барон Вреде в песках Хадрамаута	174
Георг Валлин в Аравии	176
Карло Гуармани в городе «темнокожих иудеев»	179
Азиатские странствия Арминия Вамбери	181
Вокруг света	183
«Ты первый обошел вокруг меня»	183
Первое плавание русских кораблей вокруг света	187
Плавание «Урании»	189
Отто Коцебу: три витка вокруг планеты	191
Экспедиция на «Бигле»	193
Семилетняя одиссея «Спленидо»	195
Долгий путь к Америке	197
Сага об Ари, сыне Марса, доблестном викинге	197
Путешествие в страну Винланд	200
Загадка принца Мадога	203
Фантастическое плавание братьев Дзено	205
Открытие Индии, которая оказалась Америкой	207

Золотой мираж Индии	211
Пинсон идет по следам Колумба	214
Три плавания Алонсо де Охеды	217
Несчастье Америго Веспуччи	219
Наперегонки с Колумбом	221
Джованни да Вераццано в устье Гудзона	223
Жак Картье открывает Канаду	225
Конец ознакомительного фрагмента.	226

Андрей Низовский

500 великих путешествий

©Низовский А.Ю., 2013

©ООО «Издательский дом «Вече», 2013

©ООО «Издательство «Вече», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Легенды, ставшие реальностью...

Вслед за аргонавтами

...Отправляя в далекое и опасное путешествие отважного Ясона, жестокий узурпатор Пелий рассчитывал таким образом избавиться от опасного соперника: Ясон, законный наследник царя Эсона, пользовался поддержкой граждан греческого города Иолк. Пелий поставил условие: прежде чем занять трон, Ясон должен был отправиться в далекую Колхиду и завладеть золотым руном. Это путешествие обещало быть очень опасным, и узурпатор в глубине души надеялся, что Ясон сгинет где-нибудь в пути. Но судьба распорядилась иначе.

Вокруг Ясона собралось множество героев – знаменитый Тесей, победитель Минотавра; неразлучные братья Кастор и Полидевк; легендарный охотник Мелеагр из Калидона; крылатые Калаид и Зет – сыновья бога ветров Борея; могучие богатыри Анкей, Адмет, Теламон, великий певец Орфей. Даже величайший из греческих героев, Геракл, согласился принять участие в походе. А опытный и умелый кораблестроитель Арг построил для Ясона и его спутников корабль. Корабль получил название «Арго», а герои, принявшие участие в походе, по его имени стали зваться аргонавтами.

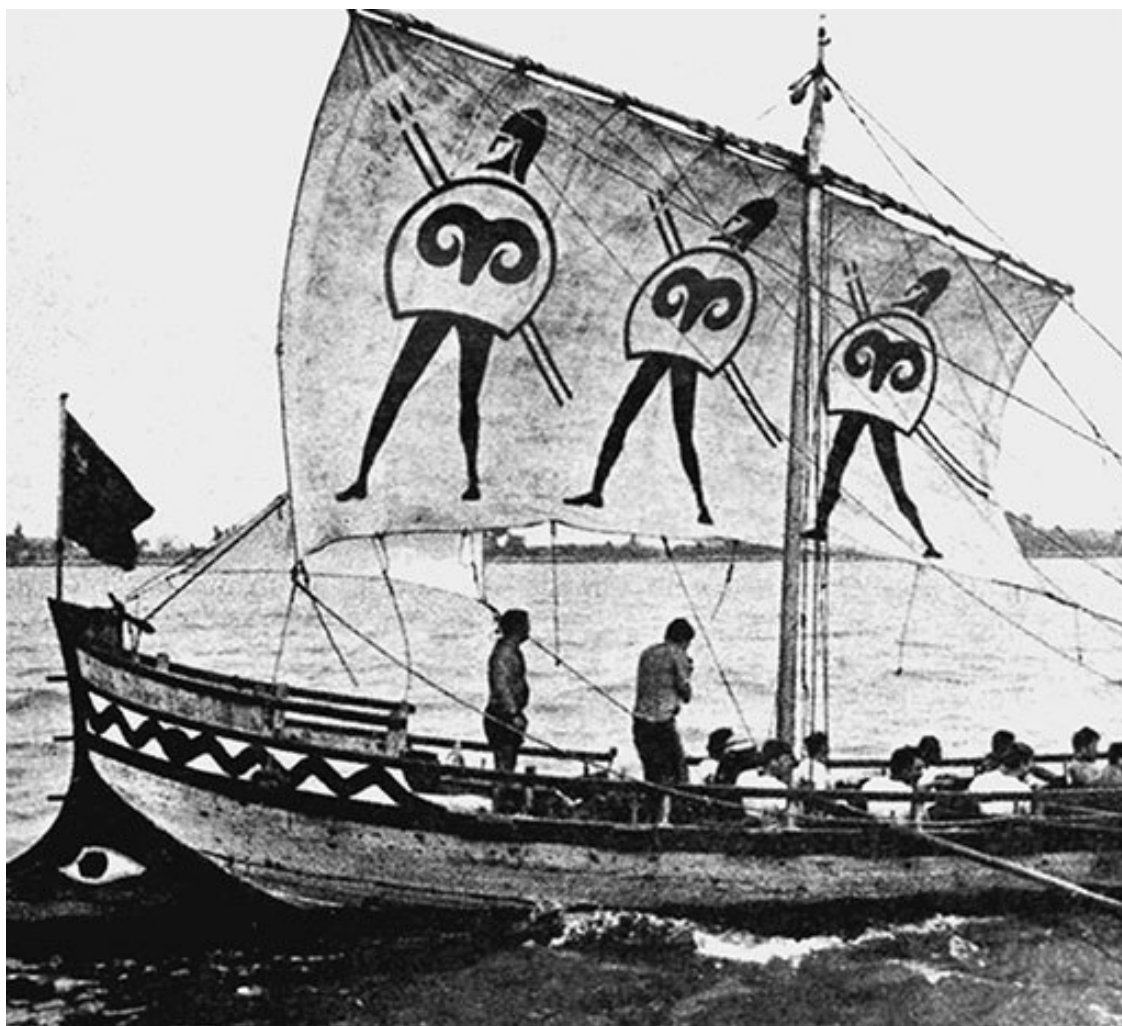
Ясон и аргонавты

На пути к Колхиде Ясон и его товарищи преодолели множество препятствий. На побережье Малой Азии им встретились шестирукие великаны, бросавшие в корабль огромные камни, а для того, чтобы попасть в Черное море, аргонавтам пришлось миновать опасные скалы Симплегады. Они находились в постоянном движении – то расходились, то сходились вновь, ударяясь друг о друга со страшным грохотом. Но «Арго» благополучно миновал и это препятствие, лишь конец руля раздробили сомкнувшиеся за его кормой скалы...

Достигнув Колхиды, аргонавты при помощи царевны Медеи, полюбившей Ясона, завладели золотым руном. Назад они возвращались через Дунай, поднявшись вверх по течению великой реки и там по одному из ее рукавов спустившись в Адриатическое море. Огибая Балканский полуостров, аргонавты побывали на острове волшебницы Цирцеи, благополучно прошли между Сциллой и Харибдой, миновали остров сирен, чары которых преодолел своей песней Орфей, проплыли через узкий пролив Планкты, под сводами огромных утесов, где волны кружились в исполинском водовороте, порой вздымаясь до вершушек скал... Когда вдали уже показались берега Пелопоннеса, «Арго» подхватил небывалой силы вихрь. Он долго нес корабль по безбрежному морю и наконец выбросил его на побережье жаркой Ливии (так в

древности именовалось побережье Северной Африки к западу от Египта). Двенадцать дней на своих плечах несли аргонавты корабль через знойную пустыню, изнемогая от жары и жажды. Наконец они достигли страны гесперид. Здесь герои запаслись водой, провизией и вышли в открытое море. Пережив еще ряд приключений, они в итоге благополучно дошли до гавани Иолка...

Ирландец Тим Северин многие годы занимался историческими реконструкциями древних морских путей различных народов. Одним из его предприятий стало путешествие в 1984–1985 гг. на точной копии древнегреческого судна по маршруту аргонавтов. Тим Северин назвал свой корабль «Арго» – точно так же, как назывался корабль Ясона и его друзей.

«Арго» Тима Северина

Ученые уже давно рассматривают миф об аргонавтах как вполне достоверный рассказ о греческих путешественниках – скорее всего, о тех, кто впервые вышел в Черное море. С течением времени легенда о Ясоне обросла различными подробностями и претерпела множество трансформаций, в нее вплелись и мотивы, связанные со странствиями Одиссея, и сюжеты, повествующие о подвигах других мореплавателей древности, ходивших и к берегам Северной Африки, и в Адриатику. Таким образом, повесть об аргонавтах стала своеобразным сводом легенд о первых мореходах, отправившихся покорять далекие моря, а корабль Ясона «Арго» вплоть до конца античных времен считался «первым плавающим кораблем» в мире. Сегодня исследователи склоняются к мысли, что он принадлежал к типу 20-весельной эйкосоры. Это было быстроходное и довольно вместительное судно: кроме полусотни воинов (они же были и

гребцами) корабли подобного типа были способны перевозить пассажиров, съестные припасы, вооружение и даже жертвенных быков. Приспособленность эйкосоры к дальним плаваниям подтвердила экспедиция Тима Северина: его «Арго» с интернациональным экипажем продемонстрировал отличные мореходные данные и достиг берегов Колхиды – современной Грузии. Именно здесь, в бассейне реки Риони (Фазиса), в древности был распространен необычный метод промывки золота: бараньи шкуры погружали в проточную воду, чтобы несомые течением крупинки золота застревали в густой шерсти. Из этого обычая, по-видимому, и родился миф о золотом руне. И даже в кажущемся совсем уж фантастическим рассказе о пути, которым Ясон возвращался домой, очевидно, тоже есть доля истины. Чуть ли не со времен каменного века существовала торговая дорога, которая через Дунай и Саву вела к Адриатическому побережью. Тот, кто побывает в этих краях, может воочию увидеть остатки доисторического колесного волока на последнем отрезке пути – близ побережья Адриатики.

По следам Одиссея

Знаменитая «Одиссея», созданная около VII в. до н. э., считается одним из первых приключенческих романов в истории человечества. Ее автор, слепой певец Гомер, не только имел дар стихосложения, но и прекрасно разбирался в искусстве кораблевождения. Правда, некоторые исторические факты, приведенные в поэме, сомнительны, географические сведения – туманны. Тем не менее «Одиссея» является настоящей энциклопедией географических представлений древних греков.

Где побывал Одиссей во время своих странствований? Есть все основания предполагать, что в поэме описано реальное путешествие – одно или несколько – древних мореплавателей по Средиземному и Черному морям. Многие исследователи пытались вычертить его маршрут. Одной из наиболее разработанных и даже проверенных на собственном опыте является гипотеза известного ирландского путешественника и исследователя Тима Северина. Он попытался воспроизвести путешествие Одиссея, отправившись в плавание с командой из 13 человек на 18-метровой галере «Арго» – точной копии древнегреческого судна. По мнению Северина, Одиссей, отойдя от берегов Малой Азии, повел свои корабли на северо-запад вдоль побережья Фракии. Беды начались за мысом Малея, юго-восточным «клыком» Пелопоннеса – это последняя точка, до которой можно проследить его путь, опираясь на географические реалии, содержащиеся в тексте Гомера. От Малеи штормовые ветры помчали Одиссея на юг: «Девять дней гнали меня проклятые ветры через море, кишасщее рыбой. Но на десятый день прибыли мы в страну лотофагов». Десять дней – вполне реальный срок для того, чтобы при скорости от 1,5 до 2 узлов в час добраться от Пелопоннеса до побережья Киренаики, где большинство современных исследователей помещают страну лотофагов.

Штормовые ветры сбили Одиссея с курса, но при этом солнце, звезды и волнение на море указывали опытным мореплавателям направление дрейфа. Как только улучшилась погода, они могли проследовать тем же путем обратно до мыса Малея, как поступали позднее греческие мореплаватели, возвращаясь из Киренаики. Их путь лежал через остров Крит. Где-то на его побережье Одиссей и его спутники встретились с циклопами: в местном фольклоре до сих пор важное место занимают истории о великанах-людоедах. Впрочем, привязка к Криту вовсе не окончательна: по свидетельству Тима Северина, во многих уголках Эгейского моря и даже у берегов моря Черного местные жители, указывая на огромные валуны возле берега, говорили путешественнику: «Эти камни бросали циклопы в Одиссея». В Сугие, на южном берегу Крита, Тиму Северину показывали пещеру, связанную с легендами о циклопах. Она так и называется – пещера Циклопов. По преданию, великаны держали в ее подземных залах свои стада, насчитывавшие тысячи овец. Сходство пещеры с описанной Гомером поразило путешественника: «Огромный скальный обломок почти прикрывал вход. Сводчатая крыша высоко над головой была закопчена дымом бесчисленных пастушьих костров. Свежая вода капала с потолка в емкость, выдолбленную из полена, здесь также был выложенный из грубых камней загон, где доили овец».

Следующая остановка Одиссея была на острове Эола, повелителя ветров. По мнению Тима Северина, гомеровскому описанию этого острова более всего соответствует остров Грабуза в северо-западной оконечности Крита. Скалы здесь будто сложены человеческими руками, а лучи заходящего в море солнца придают им такой характерный сочный красно-коричневый оттенок, что можно вспомнить о бронзовой стене, опоясывающей остров, которую описывал Гомер. Древние греки называли этот остров Корикосом, что в переводе означает «кожаный мешок» – напоминание о подаренном Эолом Одиссею кожаном мешке с запакованными в него бурями.

Если, отправляясь отсюда, Одиссей избрал кратчайший путь домой, то он мог пойти только на север. Взяв курс к северу от Грабузы, «Арго» Тима Северина отыскал «бухту лестригонов». Как повествует Гомер, она представляла собой залив, закрытый со всех сторон сплошным кольцом обрывистых скал, а «при входе стояли друг против друга два утеса, оставляя лишь узкий пролив». Невдалеке от полуострова Мани команда Тима Северина обнаружила удивительный залив Мехалос. «Два скальных массива закрывали вход в округлый водоем, достаточно обширный, чтобы там поместились галеры Одиссея. Утесы метров 30 высотой злобеще нависали над ним... В самой бухте, казалось, не хватало воздуха – она была замкнутой, воздух над ней – душным и каким-то безжизненным...»

Вырвавшись из этой бухты, единственный корабль Одиссея, спасшийся от нападения лестригонов, достиг острова Эя, где обитала волшебница Цирцея. Ключом к разгадке тайны этого острова Северин считает эпизод, когда Цирцея посылает Одиссея и его товарищей в царство мертвых, к слепому прорицателю Тиресию. После дня плавания они попали в устье реки Ахерон. Там они высадились на берег и поднялись вверх по реке до ее слияния с реками Пирифлегетон – Рекой Пылающего Огня и Коцитом – Рекой Плача. Здесь у подножия огромной скалы Одиссей совершил жертвоприношение и беседовал с тенью Тиресия.

Цирцея указала Одиссею путь домой: вначале он должен был плыть до острова сирен, а затем либо идти через сходящиеся скалы, либо проскочить по узкому проливу между Сциллой и Харибдой. Говоря современным языком, волшебница давала указания Одиссею, как добраться до Итаки, минуя остров Лефкас, находящийся в 24 милях к югу от реки Ахерон. Первый вариант – плыть открытым морем мимо островка Сесула, который действительно напоминает сходящиеся скалы: он представляет собой утес, разделенный надвое вертикальной трещиной шириной примерно метра три, плоские стенки которой уходят под воду на глубину около 30 метров. Второй вариант пути – пробираться по узкому проливу между островом Лефкас и материком, мимо мыса Сцилла. Над проливом возвышается гора Лемия, что в переводе означает «чудовище», в ней же есть упомянутая в поэме пещера. Харибдой же может быть отмель с выходом скальных пород на поверхность, окруженная пенящимися бурунами.

Но где же тогда обитали сирены? По мнению Тима Северина – на северной оконечности острова Лефкас, там, где сейчас стоит небольшой городок Гираветра («Вращающиеся скалы»). На картах здесь обозначены три древних могильных холма, которые вполне можно ассоциировать со скопищем скелетов, описанным Гомером.

Далее Одиссей высадился на острове Тринакрия. Прототипом его мог послужить остров Меганиси: если приближаться к нему с севера, то можно увидеть три возвышенности, стоящие одна за другой. Где-то в этих местах корабль Одиссея разбило бурей, а самого путешественника течение выбросило на остров Огигия, где он семь лет провел в плену у нимфы Калипсо. Но на современных картах тоже существует остров Огигия, и, как считает Северин, нет никаких оснований отказывать ему в праве считаться тем самым «гомеровским» островом!

Одиссей на своём корабле

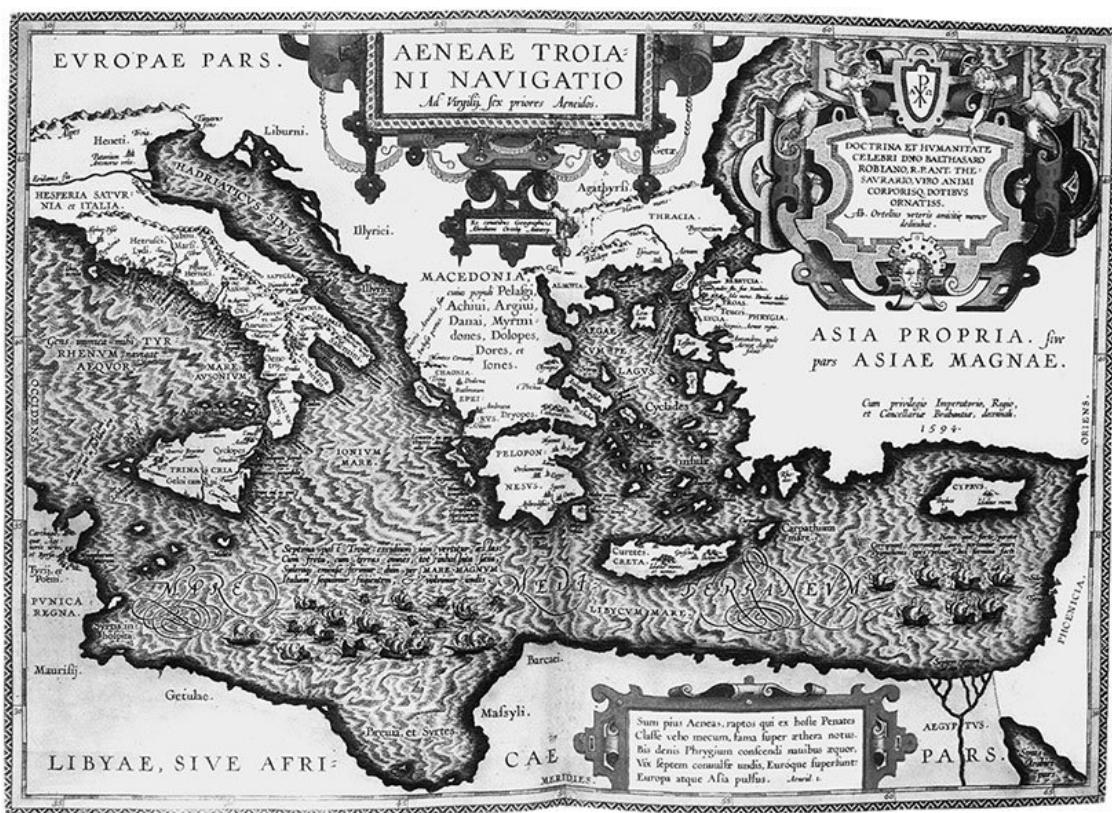
Царством феакийцев, являющимся следующим пунктом путешествия Одиссея, традиционно считается остров Корфу, и здесь Тим Северин не видит никаких других вариантов. А вот царство Одиссея, по его мнению, находилось не на Итаке, а на юго-западном побережье острова Корфу. Со всеми этими вводами можно соглашаться или не соглашаться, но как бы то ни было, реконструкция Тима Северина не просто создана умом ученого или прочувствована сердцем романтика, но и пройдена физически в условиях, приближенных к тем, в которые был поставлен Одиссей...

Дорогой Энея

Со Средиземным морем связаны многие морские эпопеи древности, как полуфантастические, так и вполне реальные. Великое путешествие совершил и Эней, один из главных защитников Трои, легендарный родоначальник Рима, которому посвящена «Энеида» Вергилия.

Вергилий начал свою «Энеиду» там, где Гомер закончил «Илиаду». В «Илиаде» Гомер называет Энея в числе славнейших троянских героев. Когда греки ворвались в Трою, Эней решил сражаться до последнего вздоха, но боги приказали ему покинуть обреченный город, чтобы отправиться на поиски новой родины, где Энею суждено стать основателем нового великого государства. Эней подчинился воле богов. Он собрал несколько десятков уцелевших троянцев, спешно снарядил двадцать кораблей и вышел в открытое море, не забыв в суматохе прихватить священные реликвии Трои. Согласно римской традиции это произошло в 1198 г. до н. э.

Эней решил довериться воле судьбы и плыть туда, куда несет их попутный ветер. Сперва они пристали к берегам Фракии, затем остановились у острова Делос, где находился оракул Аполлона. Эней обратился к оракулу с вопросом: «О, мудрый Аполлон! Куда нам плыть? Где обретем мы приют?» Ответ оракула недвусмысленно указывал на необходимость вернуться на землю далеких предков троянцев. Но где же ее искать? Старый Анхис, отец Энея, сказал: «Послушайте меня, благородные троянцы! Слышал я от своего деда, что наши далекие предки в те незапамятные времена, когда на месте Трои еще была пустынная долина, прибыли туда с острова Крит. Направим же на Крит наши корабли!»

Карта части Средиземного моря, в которой бывал Эней

Исполненные надежды троянцы пустились в путь. На рассвете третьего дня пути они уже были у берегов Крита. Казалось, они достигли цели своих странствий. Остров был красив,

земля плодородна. Троянцы построили город, распахали поля и засеяли их зерном. Но неожиданно наступила засуха, а потом началась чума. Иссохли едва взошедшие посевы, люди стали умирать от страшной болезни. Эней был в отчаянии. Он хотел вернуться на Делос и молить Аполлона об избавлении от бедствия, но тут во сне ему явились пенаты – боги его домашнего очага – и сказали: «Вы неверно поняли слова оракула. Твоя прародина, благородный Эней, не остров Крит, а Италийская земля, которую иначе называют Гесперией. Там родился твой далекий предок – сын Зевса Дардан». Столь ясное указание обрадовало Энея, и троянцы снова отправились в путь. Вскоре началась буря. Впрочем, ветер оказался попутным, и спустя трое суток штормовое море принесло корабли Энея к берегам Строфадских островов, на которых обитали чудовищные гарпии – хищные птицы с женскими головами. Отсюда Эней направил свои корабли к побережью Эпира, где жил мудрый прорицатель Гелен. Он предрек, что после многих испытаний Эней достигнет Италийской земли и обретет там родину, счастье и славу. Вдохновленные этим предсказанием, троянцы двинулись на запад. Но по просьбе коварной богини Юноны (Геры) бог ветров Эол устроил на море ураган, унесший корабли Энея далеко на юг. Лишь помощь бога морей Нептуна спасла их от гибели. В итоге изрядно потрепанный флот троянцев оказался в гавани Карфагена. Из двадцати кораблей, вышедших из Трои, уцелело только семь.

В Карфагене правила прекрасная царица Дидона. Она была вдовой, но продолжала хранить верность умершему супругу. Эней и его спутники предстали перед царицей. И тут мать Энея, Венера, окружила его ярким сиянием и наделила такой блистающей красотой, что Дидона, раз взглянув на него, уже не могла отвести глаз. Полгода провел Эней в Карфагене, наслаждаясь любовью прекрасной царицы. Дидона предложила ему стать ее мужем и царем Карфагена. Но боги прислали к Энею своего крылатого вестника Меркурия (Гермеса), который сказал: «Увы, Эней! Ты позабыл свое назначение. Но если ты готов отказаться от собственной славы, то подумай о своем сыне Аскании. Ему в наследство должен ты оставить итальянские земли, его потомкам суждено стать царями великого государства!»

Эней начал собираться в дорогу. Дидона просила его повременить хоть немного, и мягкосердечный Эней уже готов был уступить, но боги укрепили его дух. Наконец настал день разлуки. Едва рассвело, троянцы отплыли от Карфагена. Возмущенная и оскорбленная Дидона прокляла Энея и его потомков и объявила им вечную войну. Много веков спустя, во время Пунических войн, римляне ссылались на то, что это царица Карфагена первая объявила им войну, да еще вечную...

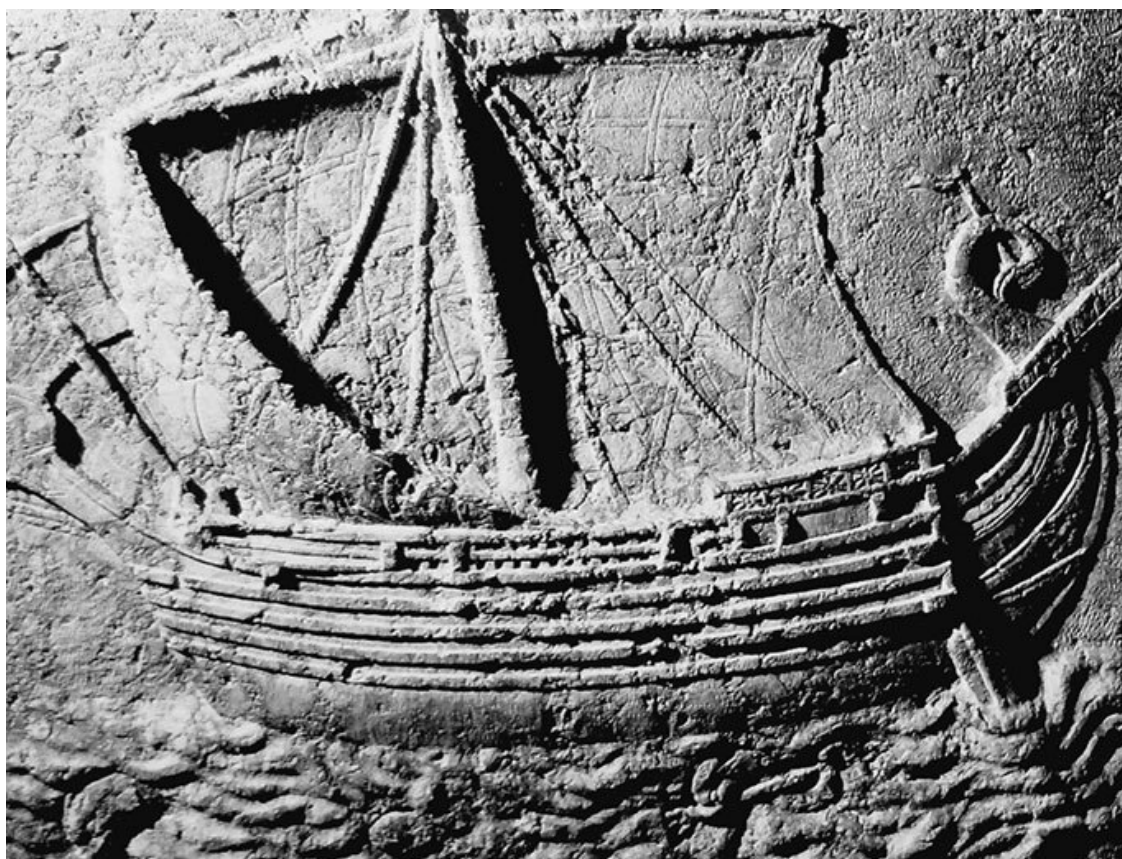
Покинув Карфаген, троянцы благополучно достигли берегов Италии и вошли на веслах в устье Тибра, на берегах которого через несколько веков был построен Рим. Италийскими землями в те времена правил сын бога лесов Фавна, царь по имени Латин. У него была дочь Лавиния. Однажды ночью Латину явился во сне его отец Фавн и повелел выдать Лавинию замуж за чужестранца, который вскоре прибудет на Италийскую землю. Этим чужестранцем оказался Эней. Латин выдал за него дочь, и Эней стал управлять Италией вместе с Латинем. Наследником Энея стал его сын Асканий. Он основал город Альба-Лонга, ставший столицей Италии. Потомки Энея правили там на протяжении многих веков. Позже славу Альба-Лонги унаследовал великий Рим. Считалось, что некоторые из наиболее знатных римских родов происходили от троянцев, бежавших из Малой Азии на запад после разграбления Трои ахейцами.

Вокруг «Ливии»

Во второй половине XX столетия исследователи все чаще начали прибегать к историческому моделированию, то есть, опираясь на имеющиеся данные, пытаться реконструировать древние орудия труда, объекты и технологии. Это неоднократно делали Т. Северин, Т. Хейердал, этим занимались многие другие энтузиасты. А два французских путешественника – Анри Жиль-Артаньян и Рене де Торлак – построили 24-метровое судно – реконструкцию финикийской парусной галеры. И повторили на нем плавание, которое, как полагают, было совершено еще в VI в. до н. э. . .

Около 596–594 гг. до н. э. фараон Нехо, пытавшийся поднять утраченный престиж страны, приказал финикийским мореходам, находящимся у него на службе, обогнуть Африку с юга. Это было крупнейшим географическим предприятием древности. «Ливия, оказывается, кругом омывается водой, за исключением той части, где граничит с Азией. Первым доказал это, насколько мы знаем, египетский царь Нехо. Приостановив рытье канала из Нила в Аравийский залив, он отправил финикийян на судах в море с приказанием приплыть обратно через Геркулесовы Столбы. . . Финикийяне отплыли из Эритрейского моря и вошли в Южное море. При наступлении осени они приставали к берегу и, в каком бы месте Ливии ни высаживались, засевали землю и дожидались жатвы. После уборки хлеба плыли дальше. Так прошло в плавании два года, и только на третий год они обогнули Геркулесовы Столбы и вернулись в Египет. Рассказывали также – чему я не верю, – что во время плавания вокруг Ливии финикийяне имели солнце с правой стороны».

Так рассказывает Геродот об этом удивительном плавании вокруг Африки, совершенном в VI в. до н. э. Но «отец истории» записал все это спустя полтора века, да и то со слов древнеегипетских жрецов. Больше о плавании не упоминал никто. Сообщение Геродота вызывало сомнения в истинности изложенного уже в греко-римскую эпоху. Античные авторы оспаривали его, так как, по их убеждению, Африка смыкалась где-то на юге с Азией. Кроме того, они считали наименее вероятной именно ту часть рассказа, которую современные исследователи считают доказательством подлинности плавания. Имеется в виду сообщение о том, что путешественники, плывущие на запад, видели солнце справа, то есть на севере. Придумать такое нельзя – следовательно, корабли Нехо зашли далеко на юг. Некоторых исследователей, правда, смущало пройденное финикийскими кораблями расстояние – чтобы обогнуть Африку по морю, надо преодолеть 25 тысяч километров. Но почему бы не предположить, что суда постоянно держались вблизи берегов? К этому можно добавить, что плавание протекало в целом благоприятных для судоходства водах, чего не скажешь, например, о плаваниях полинезийцев, преодолевавших на своих каноэ огромные пространства открытого океана, который по чистому недоразумению называется Тихим.

Финикийское судно. Барельеф саркофага

Попытаемся приблизительно восстановить маршрут финикийских моряков. Они могли отплыть осенью из района современного Суэца. Вскоре они достигли мыса Гвардафуй. Течения и ветры этого района африканского побережья помогли мореходам – им даже не понадобились весла. Ветер ударил в паруса и погнал корабли на юг. Приближаясь к экватору, они некоторое время сопротивлялись северо-восточному пассату, а потом их подхватило Мозамбикское течение и донесло до юга Африки. К большому удивлению моряков, солнце здесь было видно справа, то есть на севере. Поздней весной они прибыли в район бухты Святой Елены и первый раз за много месяцев ступили на твердую землю. Вырастив урожай пшеницы (в субтропическом климате этих мест он созрел к ноябрю), они отплыли от берега и тут же попали в Бенгальское течение, которое донесло корабли до устья Нигера в Гвинейском заливе. В конце марта в районе этой реки они вновь увидели в зените полуденное солнце. Работая веслами – здесь им встретилось противотечение, – путешественники обогнули мыс Пальмас (современная Либерия). Следующий этап пути был нелегким, так как пришлось бороться с пассатом и Канарским течением. Но солнце, сиявшее так, как оно светило на родине, вселяло в путешественников надежду на скорый конец плавания. В ноябре они достигли берегов Марокко и здесь снова сделали долгую остановку, чтобы посеять хлеб и запастись провизией. В июне следующего года урожай был собран, и корабли двинулись дальше на север. Вскоре они миновали Гибралтарский пролив и вошли в Средиземное море. Экспедиция вернулась в Египет, когда Нехо уже не было в живых и некому было оставить на стене храма традиционную надпись, повествующую о содеянном...

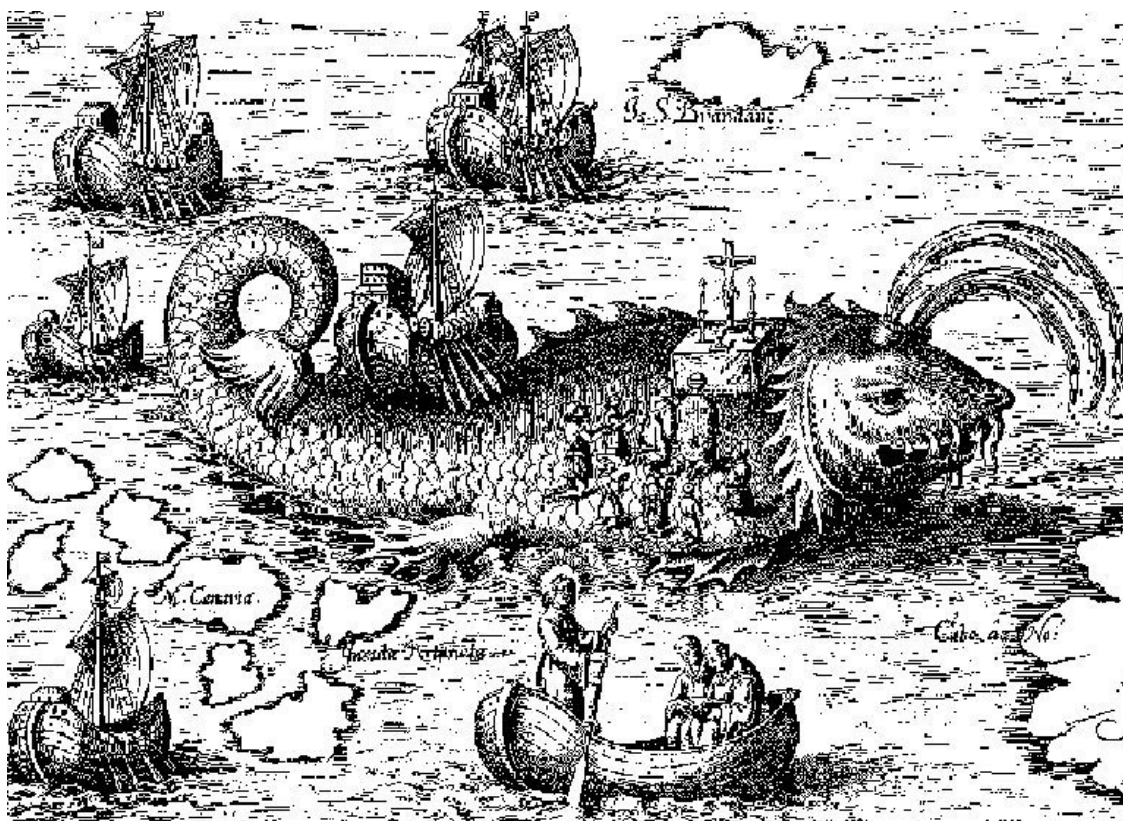
Через Атлантику со Святым Бренданом

Среди ирландских эпических сказаний о мореплавателях, совершавших далекие, полные приключений путешествия, наибольшую популярность приобрел рассказ о плавании святого Брендана. Это повествование сложилось в VI–VII вв. и, как считают современные исследователи, основано на вполне реальных событиях. Вполне реален и его главный герой: святой Брендан, аббат монастыря в Клонферте (Ирландия). Он родился в 484 г. в графстве Керри; в юности много учился, овладел основами математики, астрономии и навигации. Став взрослым, Брендан решил посвятить себя Богу. Много лет спустя Брендан стал настоятелем большого монастыря, возглавив общину из 3000 монахов. Однажды его посетил монах Барринд и рассказал о своем плавании к «земле обетованной». Плывая на запад, монахи прошли сквозь полосу густого тумана и достигли земли, изобилующей плодами и цветами. Пятнадцать дней бродили они по этой земле, пока не достигли большой реки, текущей с востока на запад...

Выслушав Барринда, Брендан сказал, что страстно желает посетить «землю обетованную». Участвовать в путешествии вызвались еще 14 монахов. Они построили лодку, обтянув деревянный остов бычьими кожами, продубленными настоем дубовой коры, и промазав все швы жиром, установили мачту, натянули паруса, поставили руль, погрузили припасы на 40 дней и отправились в далекое, полное опасностей путешествие.

Плавание было долгим и тяжелым. Первой встреченной землей стал маленький остров с «потоками воды, низвергающейся с обрывов». К этому описанию подходит остров Святой Килды из числа Гебридских островов (известно, что там было древнее ирландское монашеское поселение). Здесь странники нашли жилье и пищу. Отправившись далее, они не раз встречали в море другие острова: на одном были «стада белоснежных овец и реки, полные рыбы», на другом – «травы и белые птицы». По мнению некоторых исследователей, эти детали дают основание полагать, что Брендан и его спутники достигли Фарерских островов. На третьем острове, расположенном где-то в Северной Атлантике, они обнаружили монастырь с ирландскими монахами, давшими обет молчания.

Сильные штормы увлекли кожаную лодку Брендана дальше на север, где монахи увидели «море, как скисшее молоко» и «огромный кристалл» (по-видимому, путешественникам повстречались айсберги и битый лед). Вскоре судно пришло к «горам, извергающим пламя», и «красным скалам». Несомненно, это была Исландия. Затем шторм отнес мореплавателей еще дальше, на пустынное побережье, где они жили некоторое время «во чреве кита», то есть укрывшись за ребрами китового скелета (полагают, что этим побережьем, усеянным останками китов, была Гренландия). Наконец, после длительного плавания отважные путешественники оказались «в стране с лесами и большой рекой, уходящей внутрь страны». Такой землей, лежащей где-то поблизости от Гренландии, могла быть только Америка, а точнее – побережье полуострова Лабрадор с рекой Святого Лаврентия...

Святой Брендан и монахи в своем странствии. Средневековая гравюра

Как считают ученые, путешествуя по северным водам в поисках «обетованной земли», ирландские монахи открыли Оркнейские, Гебридские, Фарерские и Шетландские острова, Исландию, Гренландию и, возможно, достигли берегов Северной Америки. Во всяком случае, американский исследователь Л. Спайнс еще в 1925 г. доказал, что ирландские суда раннего Средневековья имели достаточный тоннаж, чтобы успешно совершить путешествие от берегов Ирландии до полуострова Ньюфаундленд. Они были даже лучше приспособлены для дальнего плавания под парусами, чем каравеллы Колумба!

Мысль о том, что в Америке какое-то время (по-видимому, непродолжительное) существовала ирландская христианская колония, обсуждается учеными вот уже более ста лет. Скорее всего, страна Хвитрамманналанд располагалась на побережье Лабрадора или Ньюфаундленда. Известно, что в 1970-х гг. на побережье Ньюфаундленда, в бухте Сент-Лунэр, археологи обнаружили загадочные знаки, процарапанные металлическим предметом на валуне. Эти знаки напоминали буквы письма, которым пользовались древние ирландцы.

Весомый вклад в разрешение загадки внес знаменитый ирландский путешественник Тим Северин. В 1975 г. он спроектировал и построил в точном соответствии с кораблями древних ирландцев кожаную карру «Брендан», водоизмещением около 5 тонн. Предполагалось, что с такой лодкой легко управится экипаж из четырех-пяти человек. Паруса, как и в далеком прошлом, были изготовлены из льна. Управление осуществлялось широколопастным веслом, закрепленным по правому борту; узкие гребные весла достигали в длину 3,5 метра. Планширы были изготовлены из дуба, стрингеры, мачты и шпангоуты – из ясеня, мачтовые опоры – из дуба. Остов лодки был связан кожаными ремнями без применения металлических гвоздей или деревянных шипов, а затем обтянут 49 кожами. Строго следуя старинным рецептам, кожи обработали дубовым экстрактом и пропитали животным воском, а ремни – тресковым жиром. Последние были к тому же вымочены в растворе квасцов. При сшивании кож применили льня-

ные нитки; для такелажа использовали тросы из того же материала и не ошиблись: лен прекрасно зарекомендовал себя в плавании.

В 1976 г. «Брендан» вышел в море. Даже специалисты кожевенного дела сомневались в прочности и долговечности бычьих кож при постоянном соприкосновении с морской водой. Однако кожаное судно отлично выдержало многодневное плавание в холодных водах Атлантики. Но сколько мужества, хладнокровия и находчивости пришлось проявить Тиму Северину и его товарищам! Сколько критических ситуаций встретилось мореплавателям на их пути!

Надо заметить, что подвиг Северина и его спутников был во многом и труднее, и значительнее, чем путешествие кельтских монахов. Современным людям было нелегко «врастать в шкуру» средневековых мореходов, закаленных и неприхотливых, как мало кто из землян XX в.! К тому же, согласно выводам ученых, гидрометеорологические условия во времена святого Брендана были более щадящими, а климат – мягче и теплее. Паковых льдов в летние месяцы древние ирландцы наверняка не встречали. И прошли они маршрут от Ирландии до «Страны белых людей» за семь лет, переживая на суше непогоду, а экипаж «Брендана» преодолел тот же путь всего за два сезона!

Успешное плавание через Атлантику, предпринятое в 1976–1977 гг. Тимом Северином, показало, что неказистым кожаным каррам было вполне по плечу преодолевать большие расстояния. Так что вполне возможно, что в VI в. ирландские монахи действительно высадились на побережье Северной Америки – за 900 с лишним лет до Колумба! А подспорьем для них в этом далеком и опасном путешествии стал кожаный мешок, натянутый на деревянный каркас...

Восьмое путешествие Синдбада

Плавание на парусном корабле «Сохар», построенном по образцу тех, на которых плавал легендарный арабский мореплаватель Синдбад, Тим Северин задумал почти сразу же после успешного похода на «Брендане». Известно, что средневековые арабские мореплаватели уходили в морские просторы примерно в ту же эпоху, что и современники святого Брендана. Экзотические страны и народы, встреченные Синдбадом, являли удивительное сходство с реально существовавшими землями, описанными арабскими географами.

Чем глубже проникался Тим Северин легендой о Синдбаде, тем больше убеждался, что это не просто герой сказок. Несомненно, Синдбад – это собирательный образ арабских моряков и купцов, затевавших дерзкие, полные опасностей предприятия в VIII–XI столетиях, в пору золотого века арабского мореплавания. В ту эпоху арабские морские торговые пути охватывали значительную часть Индийского океана. Уже в VIII в. арабские купцы появились в Китае, на Яве, на восточном берегу Африки, на Мадагаскаре. Несколько позже параллельно со знаменитым сухопутным Шелковым путем, связывающим Ближний и Дальний Восток, арабами был проложен и морской «шелковый путь» от Персидского залива до Южного Китая. Историки полагают, что плавания по этому второму «шелковому пути» нашли отражения в сказках «Тысячи и одной ночи», составной частью которых являются сказки о семи путешествиях Синдбада. Эти семь путешествий в мифологизированной форме отразили реальные плавания, которые совершали арабские мореходы. При внимательном чтении «Тысячи и одной ночи» в стране Серендиб угадывается остров Шри-Ланка, в стране Забаг – остров Суматра, в Чампе – побережье Вьетнама, в островах Михраджан – Малайский архипелаг. Названия Хинд и Син обозначали Индию и Китай.

«Путешествия Синдбада», основанные на рассказах арабских моряков и купцов, существовали самостоятельно, до того, как вошли в состав «Тысячи и одной ночи». Тим Северин нашел глубокие связи сказок о Синдбаде с реальными событиями, происходившими тысячелетие назад. «И, мечтая воссоздать путешествие Синдбада, я решил построить копию арабского торгового судна тех времен и пуститься на нем по маршруту, который был высшим достижением арабского мореходства, – по маршруту длиной шесть тысяч миль из Омана к берегам Китая, – пишет Северин. – Я надеялся, что этот опыт – шаг в прошлое на тысячу лет назад – поможет нам понять, как древние арабы строили свои корабли и плавали на них, как они ориентировались в море и как возникли сказки о приключениях Синдбада».

Для того чтобы повторить плавание Синдбада, Тиму Северину предстояло построить копию арабского купеческого судна того времени и проплыть на нем по 10 000-километровому пути по морю, идя по следам Синдбада. Завершить маршрут предполагалось в китайском городе Гуанчжоу, в устье реки Сицзян.

Арабские корабли не использовали никаких рисунков или планов. Они строили суда исключительно «на глазок», руководствуясь лишь вековым опытом. В распоряжении Тима Северина имелись только рисунки арабских кораблей, приведенные на португальской морской карте Индийского океана, датируемой 1521 г. Детали и подробности о размерах и мощности, скорости и особенностях конструкции можно было уточнить с помощью средневековых арабских текстов.

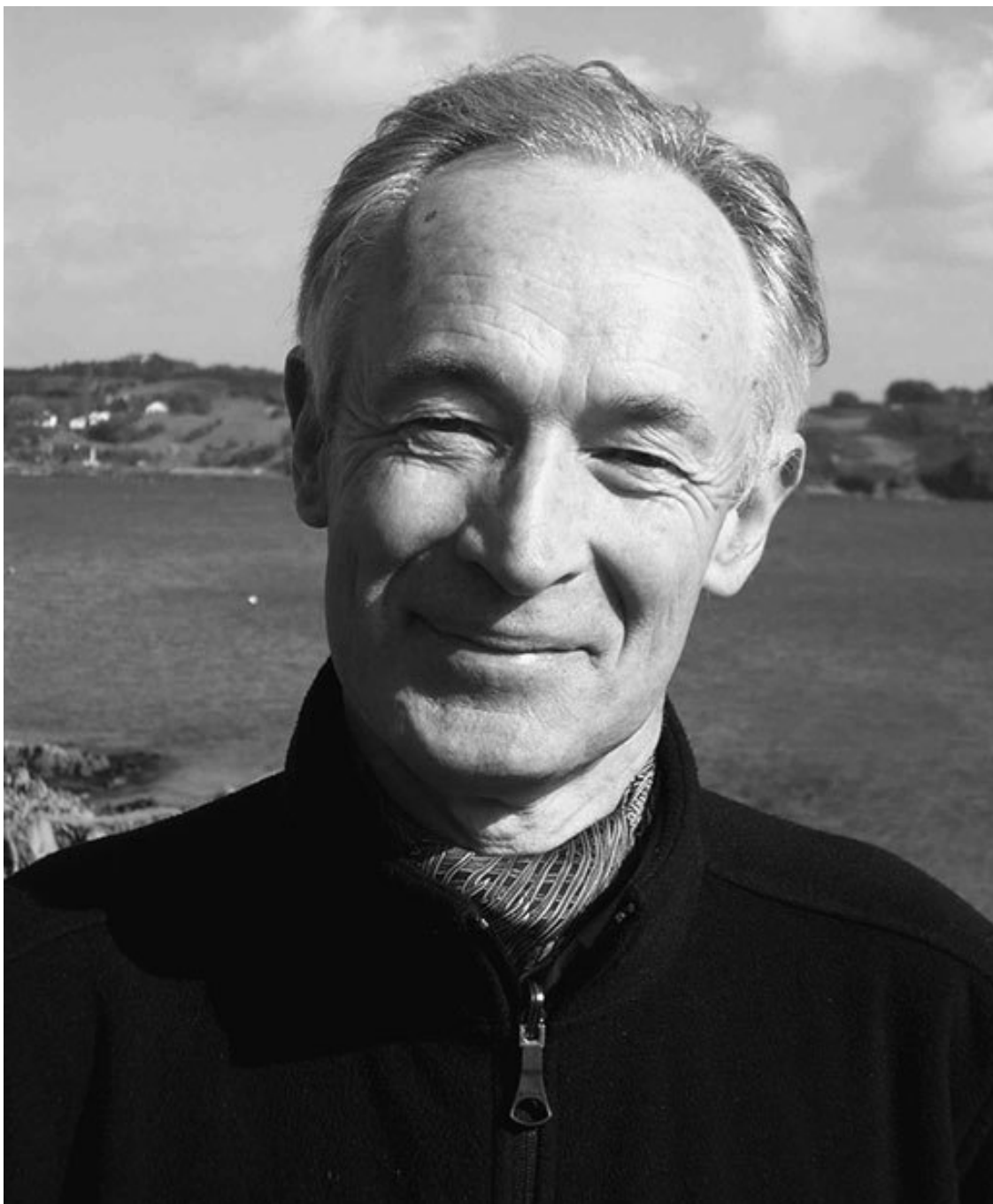
В поисках сведений об арабском судостроении Тим Северин посетил султанат Оман. Здесь, на побережье Аравии, он встретил нужные ему виды традиционных арабских кораблей и познакомился с местной судостроительной техникой. Здесь в течение столетий арабские корабли изготавливали суда, которые плавали от Занзибара на юге до Индии и Шри-Ланки на востоке в поисках древесины, специй и слоновой кости. Строить корабль Северин решил в городе Сур. Судно, названное «Сохар» – в честь города, где родился Синдбад, было заложено

1 января 1980 г. Длину корпуса определили в 26,5 метра. Двухмачтовый корабль с латинским парусным вооружением должен был нести три паруса: грот, бизань и кливер.

Корабль был построен за 165 дней. В состав его экипажа вошли восемь оманцев, повар-белудж и 10 европейцев. 23 ноября 1980 г. «Сохар» поднял паруса и вышел в открытое море, держа курс на юго-восток.

Управлять парусником оказалось очень легко, и корабль буквально летел по волнам, проходя более 100 километров в день. В середине декабря мореплаватели впервые высадились на берег – на крошечном острове Четлат в Лаккадивском архипелаге. Рождество моряки встретили в Каликуте – древнем центре торговли пряностями, а уже 21 января приблизились к гостеприимному берегу Шри-Ланки, или Серендибу, как называли этот остров арабы. Согласно сказкам «Тысячи и одной ночи», Синдбад дважды посещал Серендиб. А во время седьмого путешествия Синдбад видел, как здешнего короля сопровождала величественная процессия, а сам он восседал на огромном слоне. До сих пор на Шри-Ланке сохраняется ежегодная традиция проведения пышных парадов, когда циркачи и танцоры с факелами проходят по улицам. Шествие слонов, затянутых в парчу, становится кульминацией всего представления.

Остров Шри-Ланка был известен также своей долиной алмазов и драгоценных камней. Во время второго путешествия Синдбаду удалось избежать целого клубка змей, охранявших эту долину, и набить карманы драгоценностями. Хотя никаких алмазов на Шри-Ланке сейчас нет, местные драгоценные и полудрагоценные камни знают во всем мире – рубины, топазы, сапфиры. Как и во времена Синдбада, драгоценные камни добывают в речных отложениях. Интересно, что торговля драгоценными камнями по-прежнему находится в руках мусульман, а на здешних мусульманских кладбищах встречаются могилы арабских моряков, принесших эту религию на Шри-Ланку в VII столетии.

Ирландский исследователь Тим Северин

Спустя несколько дней «Сохар» двинулся дальше. Необходимо было поймать юго-западный муссон, который доставил бы путешественников к восточному побережью Суматры. Но муссон был уже на исходе, и это грозило всяческими неприятностями: спустя три недели «Сохар» от Суматры еще отделяли 1000 километров! Запасы пресной воды подходили к концу. Однако в первую неделю марта мореходам повезло – прошел ливень, и, расстелив брезент, им удалось собрать пресную воду и слить ее в баки.

5 апреля, спустя два месяца после того, как «Сохар» покинул Шри-Ланку, штиль наконец ослабил свою мертвую хватку. Первые же порывы юго-западного муссона натянули паруса «Сохара», и корабль начал продвигаться к Суматре.

Остров Суматра была издавна известен как Страна золота. Однако древние арабы боялись его и считали населяющих его жителей свирепыми людоедами. Синдбад, судя по всему,

побывал здесь дважды, во время своего четвертого и пятого путешествий, едва не став жертвой каннибалов...

В первой половине мая «Сохар» двинулся дальше по Малаккскому проливу, держа курс Сингапур. Когда парусник торжественно входил в порт, толпа, собравшаяся в порту, приветствовала его китайскими и малайскими песнями и танцами. Впереди был завершающий этап плавания – переход от Сингапура через Южно-Китайское море до порта Гуанчжоу (Кантона) в Китае.

Покинув Сингапур, «Сохар» отправился в моря, известные арабским путешественникам как море Кундранг и море Канхай. Из семи морей на пути к Китаю, как писалось в старых книгах, эти были наиболее опасными. Первые четыре дня по выходе из Сингапура были спокойными. А перед рассветом пятого дня внезапно налетел шквал, быстро превратившийся в настоящий шторм. Оснастка «Сохара» скрипела под сильным ветром, и опасный треск раздавался по всему кораблю. В какой-то момент морякам показалось, что корабль может перевернуться. А с запада уже надвигалась стена грозных штормовых облаков, клубящихся, как дым огромного пожара...

Три раза шквал обрушивался на «Сохар». Наконец, на горизонте показался китайский берег. Вход в устье Жемчужной реки (Сицзян) отмечала гора Дауаншан. Столетиями эта вершина служила арабам маяком на пути к большому речному порту, известному ныне как Гуанчжоу, а раньше называемому арабами Ханфу. Арабы и другие чужестранцы прибывали сюда за фарфором и шелком в таком количестве, что китайцы вынуждены были для присмотра за ними назначать специальных таможенных чиновников.

11 июля 1981 г. «Сохар», поднявшись по Жемчужной реке, бросил якорь в порту Гуанчжоу. Плавание, длившееся семь с половиной месяцев, закончилось. За кормой «Сохара» осталось 6000 миль.

«Хокулеа» идет по следам предков

Вопрос о том, каким образом полинезийцы преодолевали огромные океанские пространства долгое время оставался неразрешенным. Ведь для этого требовались немалые познания в области навигации! Первые европейские исследователи категорически отвергали саму возможность того, что полинезийцы были способны совершать дальние морские плавания. По мнению некоторых ученых, полинезийские каноэ были слишком хрупки и немореходны, их навигационные методы – слишком неточны, а их навыки судовождения – слишком элементарны для такой сложной задачи. Значительное число сторонников нашла теория о «случайном» заселении тихоокеанских островов: оно-де стало результатом «безвозвратных» плаваний моряков, заблудившихся в океане.

Те, кто пытался опровергнуть теорию «случайного заселения», сами испытывали недостаток информации относительно мореходных способностей каноэ полинезийцев, точности их навигационной системы и качества их судовождения. Споры быстро зашли в тупик. Решающий прорыв сделал новозеландец Дэвид Льюис. В 1965 г. он во время своего собственного плавания на катамаране от острова Таити к Новой Зеландии на практике проверил полинезийские легенды с их ссылками на звезды, сезоны плаваний и погодные условия. Впоследствии он предпринял обширное исследование традиционных методов навигации у полинезийцев. Результат исследования Льюиса был более чем убедителен: навигационные методы «мореплавателей солнечного восхода» позволяли им совершать рейсы практически любой степени сложности, открывать новые земли, возвращаться домой, а затем снова безошибочно находить в океане открытые ими острова. В плавании полинезийцы ориентировались по запахам, цвету воды, отблескам на небе, облакам над островами, лежащими еще за горизонтом, и т. д. У них имелись и «карты», изготовленные из веревок и раковин, различные навигационные приспособления.

Так выглядели полинезийские каноэ

Эстафету от Льюиса подхватило Общество полинезийских путешествий, созданное в 1973 г. на Гавайских островах американским ученым-антропологом Беном Финни. Он и его коллеги предприняли ряд масштабных экспериментов по компьютерному моделированию, пытаясь понять, могут ли преобладающие в Тихом океане ветры и течения способствовать заселению островов Полинезии пассажирами свободно дрейфующих каноэ. Результаты моделирования показали, что подобное попросту невозможно.

Оставалась последняя и, пожалуй, самая трудная задача: практически доказать, что каноэ древних полинезийцев могли совершать дальние океанские плавания. И тогда Бен Финни предложил дерзкий план: изготовить точную копию 40-футового двойного гавайского каноэ и проплыть на нем от Гавайев до острова Таити и обратно. Причем этот путь предстояло проделать не в один, а в оба конца, то есть протяженность маршрута удваивалась. Вдобавок группа Финни планировала использовать только традиционные, не-инструментальные полинезийские методы навигации, в то время как Хейердал во время рейса на «Кон-Тики» в 1947 г. пользовался магнитным компасом и другими современными техническими средствами и, кроме того, совершил плавание лишь в один конец, оставив вопрос о возвращении к берегам Южной Америки открытым.

Еще одной проблемой для Финни и его коллег являлось практически полное отсутствие сохранившихся образцов океанских каноэ. Тем самым нарушался базовый принцип экспериментальной археологии: отсутствовал прототип, который следовало копировать, используя современные ему инструменты и материалы. В распоряжении ученых были только несколько фрагментов древних каноэ, найденных в болотах и пещерах, где совершались погребения, и изобилующие неточностями рисунки и описания европейских исследователей XVIII–XIX вв. Все это предстояло подвести под некий «общий знаменатель» и построить пригодное для дальнейших плаваний каноэ, в основном соответствующее старинным образцам.

Конечно, современные «каноэстроители» не могли во всех деталях соблюсти древние традиции – ну, хотя бы потому, что на Гавайских островах не осталось деревьев-гигантов, пригодных для изготовления 60-футовых корпусов. Часть материалов пришлось заменить современными, например фанерой. Однако форму и вес судна удалось соблюсти достаточно точно. На некоторых отдаленных атоллах старики все еще помнили, как надо делать паруса из волокон пандануса и плести нехитрый такелаж, и экспедиция Финни охотно воспользовалась их помощью. Косые треугольные паруса, такелаж, палуба-платформа с небольшим шалашом – хале, крытым листьями панданусов, пагайе – весла с широкими лопастями и даже тики – резные фигурки богов-покровителей мореплавателей – все это ничем не отличалось от древних ваа каула.

Законченное судно было спущено на воду в 1975 г. Его окрестили «Хокулеа» – так гавайцы именуют звезду Арктур. 1 мая 1976 г. Бен Финни и его команда отправились в свое без преувеличения историческое плавание к берегам Таити. Исходной точкой послужила бухта Гонолуа, на северо-западном побережье острова Мауи. Подгоняемая легким ветром, лодка вышла из бухты и взяла курс на северо-восток в открытый океан. Теперь многое, если не все, зависело от искусства «звездного штурмана» Мау Пиаилуга и приглашенного ему в помощь новозеландца Дэвида Льюиса, ветерана одиночных океанских плаваний.

Первые три дня экспедиция плыла на северо-восток, чтобы обогнуть Мауи и Гавайи, а затем взяла курс на этак Тумур – звезду Антарес в созвездии Скорпион. Как объяснил Пиаилуг, только таким образом «Хокулеа» сможет выдерживать общее направление на Таити, несмотря на сильное западное течение. И все-таки именно в эти первые дни произошел единственный случай, когда авторитет «звездного штурмана» был поставлен под сомнение. Вахтенный рулевой заметил на рассвете несколько коричневых олушей. Поскольку он знал, что эти птицы никогда не залетают от земли дальше 50 миль, то решил, что Пиаилуг ошибся в вычислениях, и самовольно изменил курс. К счастью, проснувшийся вскоре штурман сразу же заметил это и исправил положение.

13 мая, когда «Хокулеа», по расчетам Пиаилуга и Льюиса, находилась на 6° с. ш. (фактически, как потом показали данные «Меотая», она была на 60 миль южнее), наступил полный штиль. Изнемогая от жары, мореплаватели гребли с восхода до заката, делая перерывы только для купаний да в самые тяжелые полуденные часы, когда даже под тентом было буквально нечем дышать, но за сутки каноэ проходило от силы 20–30 миль. Не помогли и ночные вахты: изнемогшие за день люди засыпали с веслами в руках, рискуя свалиться за борт.

Судно «Хокулеа»

Эта мучительная пытка продолжалась целую неделю. И лишь на 2^ю с. ш. каноэ вновь попало в полосу постоянных пассатов. Две трети пути остались позади, и команда могла позволить себе немного передохнуть. Зато для Мау Пиаилуга наступил самый ответственный этап: вывести «Хокулеа» к Таити. К концу четвертой недели плавания он считал, что каноэ находится в 180 милях к северу от архипелага Туамоту и в 350 от Таити. Но вот западнее или восточнее этих островов, штурман точно сказать не мог. Поэтому он решил применить тактику широкого поиска.

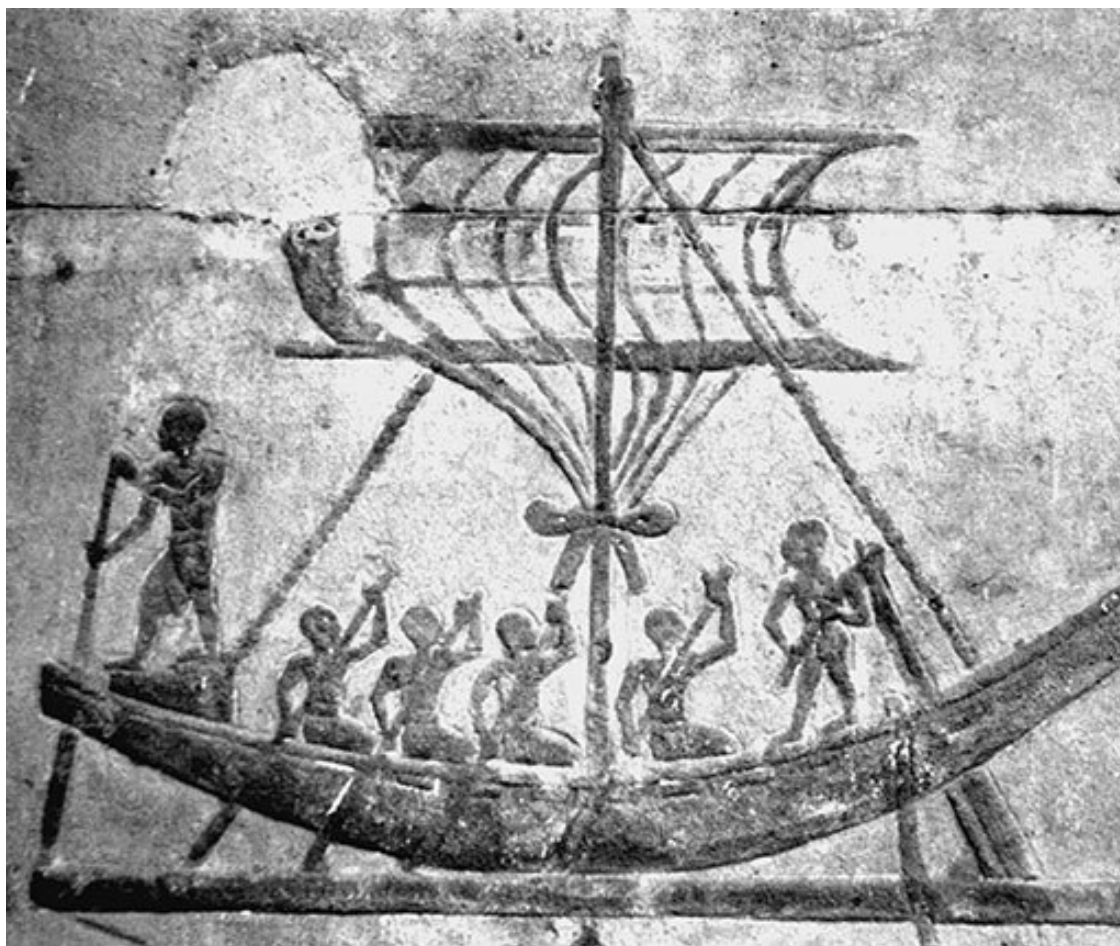
– Нам нужно четыре дня плыть на юго-запад, – предложил Пиаилуг. – Если за это время мы не увидим земли, значит, Таити остался позади. Тогда следует повернуть на северо-восток, и в конце концов мы обязательно наткнемся на этот остров или на Туамоту.

Дэвид Льюис поддержал этот план. Однако цель была найдена, как говорится, с первого захода. Вечером на следующий день Пиаилуг обратил внимание на то, что привычная зыбь с юго-востока внезапно стихла. Это могло означать только одно: «Хокулеа» вошла под прикрытие островов Туамоту. Когда первые лучи солнца скользнули по водной глади, столпившаяся на носу команда увидела впереди небольшой зеленый остров Матаива из группы Туамоту. А через сутки каноэ торжественно вошло в гавань Папееэте, административного центра Таити. Потомки отважных «мореплавателей солнечного восхода» доказали, что они достойны своих предков...

...И реальность, ставшая легендой

Хирхуф открывает Нубию

В период VI династии (XXVI–XXV вв. до н. э.) египетских фараонов в Северной Нубии возникли первые крупные межплеменные объединения, ставшие прообразами будущих государств. Древнеегипетские тексты сообщают, что один из нубийских вождей объединил под своей властью племена ирчет и сечу, а затем присоединил к ним племя вават, земли которого лежали по обоим берегам Нила и изобиловали золотом. Египетские фараоны внимательно следили за происходящим на южных границах, время от времени посылая в Нубию своих торговых и дипломатических агентов. Одним из таких агентов стал чиновник по имени Хирхуф, или Хуэфхор. Он служил фараонам Меренра I и Пиопи II и по их приказам трижды совершил далекие путешествия в Нубию. Возможно, он был первым египтянином, сумевшим проникнуть далеко на юг, выше Второго порога, в страну Нам.

Старинное изображение древнеегипетских мореходов

Первый раз он был послан сюда по приказу фараона Меренра, «чтобы открыть эту страну». Путешествие Хирхуфа длилось 7 месяцев; из своего странствия чиновник принес правителю драгоценные дары вождей Нубии. Во время второго путешествия, которое заняло 8 месяцев, Хирхуф собирал дань с племен Северной Нубии и снова посетил Нам. Во время

третьего путешествия, уже при Пиопи II, Хирхуф собирал в Северной Нубии дань скотом, затем отправился в Нама и вместе с царем этой страны принял участие в военном походе против ливийцев, «чтобы поразить ливийцев до западного края горизонта». Хирхуф сопровождал царя Нама в этом походе, а затем привел его войско в Северную Нубию. Хирхуф не только установил и закрепил союз Египта с Намом, но и заодно запугал правителя Северной Нубии мощью союзных сил. Тот увидел «силу и многочисленность войск Иама, спускавшихся со мной ко двору [царя], и [египетских] воинов, посланных со мной». После этого нубийский вождь пригнал Хирхуфу причитающуюся ему дань: крупный и мелкий рогатый скот. Кроме того, Хирхуф доставил из Нама и Северной Нубии драгоценные дары: шкуры пантер, слоновую кость, эбенное дерево. Самым же ценным подарком оказался живой пигмей, привезенный откуда-то с юга Нубии. Фараон Пиопи II, который в ту пору был еще мальчиком, несказанно обрадовался живой игрушке. Он особенно просил Хирхуфа о том, чтобы тот позаботился о карлике и доставил его в Египет здоровым и невредимым: «Сторожи его, чтобы не упал он в воду. Когда он будет спать ночью, поставь надежных людей, чтобы спали они позади него в палатке. Проверяй по десять раз ночью...»

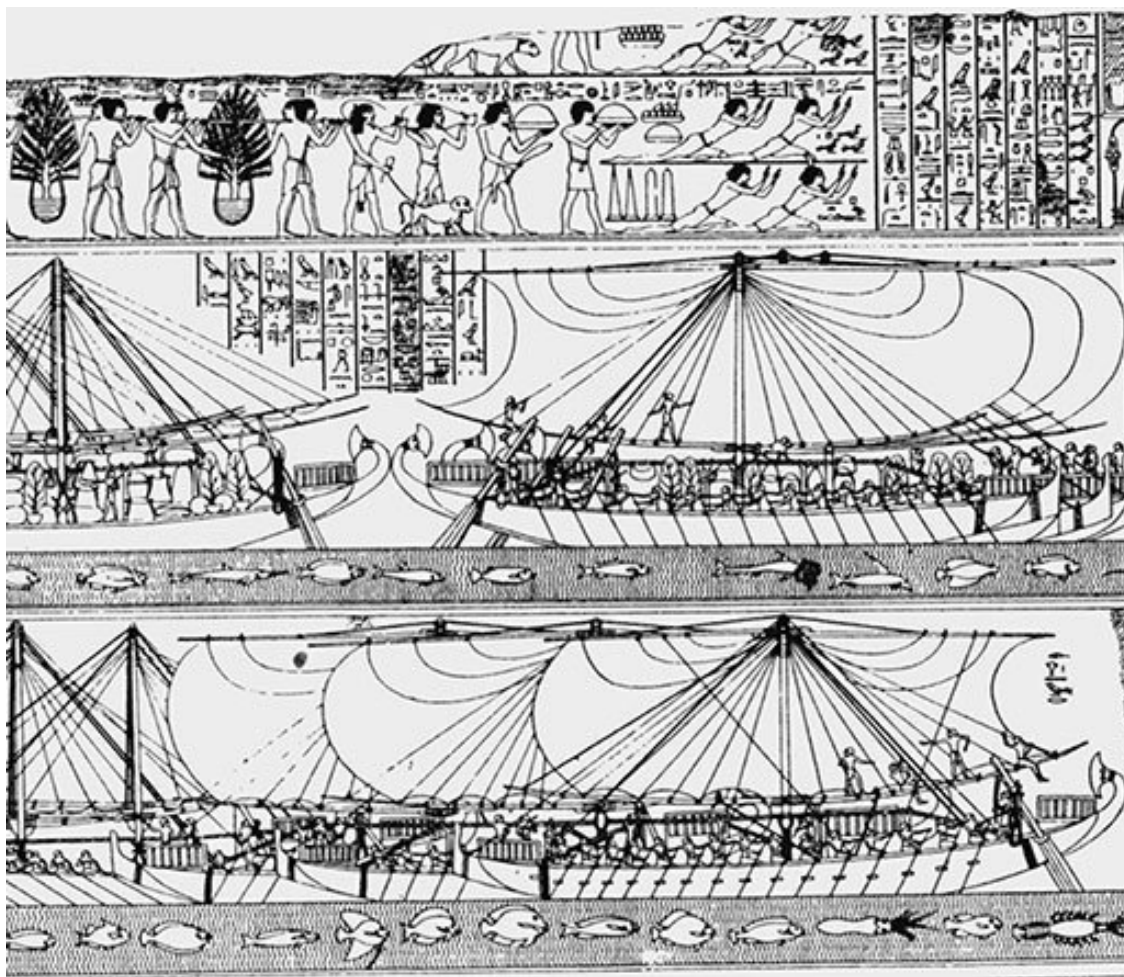
Корабли идут в Пунт

О жизни знаменитой женщины-фараона Хатшепсут (правила в 1501–1484 гг. до н. э.) ходили легенды. Ее называют «египетской Семирамидой», «первой великой женщиной в истории». Одним из выдающихся деяний этой правительницы стала отправка морской экспедиции к берегам далекой страны Пунт в 1482–1481 гг. до н. э. Об этом плавании рассказывают рельефы заупокойного храма Хатшепсут, изображающие возвращение кораблей из плавания в Пунт. Эти рельефы дополнены иероглифическими надписями, из которых можно узнать много интересных подробностей.

«Счастливым было отплытие воинов правителей обеих стран (то есть Верхнего и Нижнего Египта. – *Примеч. авт.*). Счастливым было их прибытие в страну Пунт. По повелению бога богов Амона они должны были доставить разнообразные ценности из различных районов этой страны. Это осуществила царица Хатшепсут. Ни разу подобное этому не случилось при других царях, издавна живших в этой земле. В Пунте можно запастись благовониями в любом количестве и загрузить ими корабли к взаимному удовлетворению.

Целое поле палаток воинов, присланных из Египта, было разбито там, где на ступенчатых террасах растут благовонные деревья страны Пунт, расположенной по обе стороны моря. Сделано это было для того, чтобы достойно встретить правителей этой страны. Для них были привезены хлеб, пиво, вино, мясо, сушеные фрукты и множество других товаров из Египта, как повелели советники фараона. Правитель Пунта прибыл на берег и привез дары.

Когда повелители страны Пунт появились на берегу, они низко поклонились воинам царицы, приветствуя их... Корабли были полностью загружены дорогими изделиями, а также множеством ценных сортов деревьев страны Пунт. Кроме того, было взято много благовонной смолы и свежей мирры, большое количество эбенового дерева, слоновой кости и чистого золота из страны Аму, а также краска для глаз, обезьяны с песьими головами и длиннохвостые обезьяны, “ветровые” собаки, шкуры леопардов и к тому же местные жители с детьми.

Прорисовка фрагмента рельефа из гробницы Хатшепсут

Воины разместились на кораблях, благополучно вернулись по морю назад и с легким сердцем отправились в Фивы».

На одном из рельефов храма Хатшепсут изображена страна Пунт – вся в буйной зелени деревьев, в ветвях которых гнездятся диковинные птицы. Под деревьями приютились свайные постройки местных жителей, похожие на плетеные корзины-ульи с лестницами у входа; вокруг спокойно пасется скот.

Но где же находилась эта страна? Бесспорно, место, расположенное по «обе стороны моря» и наиболее благоприятное для произрастания деревьев, содержащих благовонные смолы, – это южноаравийский Хадрамаут и побережье Сомали. Обезьяны с «песьими головами» (павианы) и леопарды некогда обитали по обе стороны Аденского залива. Тем не менее, как считает большинство исследователей, под страной Пунт следует понимать восточное побережье Африки. Рельефы храма Хатшепсут изображают обезьян, пантер, жирафов, хижины на сваях – типично африканские сюжеты.

Согласно одной довольно привлекательной гипотезе, страна Пунт находилась в Северном Сомали и простиралась до мыса Гвардафуй. Это гористая местность с посадками, заложенными на террасах и похожими на изображенные в Дейр-эль-Бахри. На этих террасах растет много деревьев, в том числе ладанное дерево (босвеллия), из которого получают ладан.

Несколько вводит в заблуждение фреска, на которой изображена толстая повелительница Пунта, выступающая рядом с супругом навстречу египтянам. Нижняя часть ее тела приземиста и толста, особенно пышны ягодицы, что типично для представительниц женского пола бушменов и готтентотов. В наше время готтентоты и бушмены населяют Южную Африку,

поэтому некоторые исследователи предполагают, что египетские моряки достигли именно Южной Африки. Разные варианты прочтения надписей, не всегда определенное и четкое их содержание оставляют простор для всевозможных толкований, тем более что нигде не упоминается продолжительность плавания. Однако нельзя не признать, что наши сегодняшние знания о передвижениях африканских кочевых народов далеки от совершенства. Готтентоты, по видимому, в древности обитали на территориях, расположенных гораздо ближе к северу. Само собой разумеется, этот аргумент не разубедит тех, кто считает, что Пунт находился в Южной Африке.

Новое доказательство для продолжения спора было найдено в одной из древнеегипетских гробниц – в шкатулке, сопровождавшей в последний путь знатную египтянку. Грим, обнаруженный в шкатулке, содержит сурьму, однако ее месторождения в те времена еще не были обнаружены ни в Персии, ни в Малой Азии, ни в Северной, ни в Западной Африке. Сурьма могла быть доставлена только из Южной Африки, скорее всего из района нижнего течения Замбези. Именно там, по предположениям некоторых ученых, и располагалась страна Пунт. Вероятно, эта же страна была в древности известна жителям Ближнего Востока под именем Офир.

Странный отчет царевича Сатаспа

«Сатасп овладел насильно дочерью Зопира, за какое преступление Ксеркс решил было распять его, однако мать Сатаспа, сестра Дария, испросила ему помилование и обещала сама наложить на него кару... Именно он обязан будет объехать кругом Ливию, пока не войдет в Аравийский залив. На таком условии Ксеркс сделал уступку...»

Вокруг этого рассказа Геродота разразилась целая буря.

Уже в приказе, данном Сатаспу, содержится сенсационная информация: ему велели объехать по морю вокруг Ливии – так тогда называли Африку – и прийти в «Аравийский залив». Откуда мог знать Ксеркс о возможности подобного плавания? Но самое сенсационное – это то, что Сатасп, по крайней мере частично, выполнил данное ему поручение!

«Сатасп прибыл в Египет, получил здесь корабль и египетских матросов и поплыл к Геракловым Столбам». Современные противники путешествия Сатаспа оспаривают утверждение Геродота: Гибралтарский пролив в те годы был блокирован карфагенянами, и путь в Атлантику закрыт. Один из крупнейших специалистов по истории географических открытий древности, доктор Р. Хенниг, считает «совершенно невероятным, что не искушенный в мореплавании перс, ни в коей мере не обладавший качествами отважного искателя приключений», прошел через блокированный пролив. Но, возражает другой исследователь, А. Клотц, гибралтарская «улица» была закрыта только для торговых судов, являвшихся конкурентами Карфагену, но никак не для одиночного судна, посланного, кроме того, по приказу самого Ксеркса, имевшего среди карфагенян большое влияние: именно он помог им в борьбе против Греции. Пролив был закрыт для греков, для Сатаспа же – открыт...

Вернувшись, Сатасп рассказал царю Ксерксу удивительные вещи: они прошли очень далеко вдоль африканского побережья, им пришлось плыть мимо страны, населенной людьми маленького роста, прикрывавшими наготу пальмовыми листьями, и каждый раз, когда египтяне приближались на корабле к берегу, маленькие люди покидали свои города и убегали в горы... Однако путешественникам не удалось обойти кругом всю «Ливию»: судно не могло идти дальше, так как на пути его появились мели.

Царь Ксеркс не поверил путешественнику: он счел, что Сатасп просто уклонился от исполнения данного ему поручения, понапридумывав разных небылиц, и велел казнить его.

Между тем в рассказе Сатаспа нет ничего необычного, за исключением даты его путешествия. «Маленькие люди» в одежде из пальмовых листьев – это, несомненно, пигмеи. Они живут в Экваториальной Африке, а если говорить о западной части континента, то никак не севернее Гвинейского залива. Но могли ли мореплаватели VI в. до н. э. забираться так далеко?

В рассказе Сатаспа речь идет о многомесечном плавании, так что за это время судно могло уйти далеко на юг, возможно, даже до берегов современного Камеруна. И пигмеи в древности занимали территорию гораздо большую, чем теперь, лишь в нашем тысячелетии под давлением соседей они начали постепенно смещаться к югу континента. Удивляет, правда, то обстоятельство, что Сатасп видел пигмеев с корабля: по его словам, «маленькие люди» якобы даже жили в каких-то «городах» на побережье. Р. Хенниг утверждает, что это невозможно. И уж конечно, пигмеи не строили никогда никаких «городов»! Может быть, Сатаспу рассказали о пигмеях карфагеняне, которым, несомненно, было кое-что известно об обитателях лесов Западной Африки? И царевич счел это вполне убедительным аргументом, с помощью которого он сможет заморочить головы слушателям по возвращении домой?

Кстати, а что за мель заставила его повернуть свой корабль? По мнению Р. Хеннига, эта мель могла встретиться Сатаспу только у мыса Бохадор в Марокко, и, следовательно, царевич не пересек в своем плавании даже Северный тропик, не говоря уж об экваторе. А если пересек?

Тогда он мог бы дойти как минимум до побережья Намибии, до легендарного Берега Скелетов...

Предполагаемый портрет персидского царя Ксеркса

Но есть ли веские аргументы в пользу плавания Сатаспа? Известно, что еще в VI в. до н. э. финикийские мореплаватели по поручению египетского фараона Нехо, по-видимому, сумели обойти Африку и вернуться в Египет через Красное море. Весть о том, что «Ливию» можно обогнуть морем, очевидно, дошла до Ксеркса, и тот поручил Сатаспу повторить опыт древних мореходов. Однако в полной мере осуществить этот замысел Сатаспу не удалось. Между тем, если бы известие о том, что «Африка на юге закругляется с востока на запад», распространилось в древнем мире, то, наверное, можно было бы избежать загадок и заблуждений более

поздних времен. Но понадобилось еще два тысячелетия, прежде чем Бартоломеу Диаш вновь открыл морской путь через южную оконечность Африки.

За Геркулесовыми Столбами

Долгое время считалось, что географические познания современников Гомера не простирались на западе дальше острова Корфу или, в крайнем случае, Сицилии. Такое представление, само по себе маловероятное, к настоящему времени давно стало анахронизмом. Доказано, что уже в микенскую эпоху (1650–1200 гг. до н. э.), то есть за много столетий до Гомера, греки установили прочные культурные и торговые связи не только с Сицилией, но и с Западной Италией и Сардинией. Более того, влияние микенской культуры можно проследить вплоть до современной Португалии! Возможно, однако, что в древнейшие века сами эллины еще не плавали в западной части Средиземного моря, иначе географические представления Гомера об этом районе и прилегающих к нему водах Атлантики не были бы до такой степени искажены фантазией. Греки, очевидно, долгое время вели торговлю с названными странами при посредничестве критян или финикийцев. Положение изменилось лишь после одного примечательного события, случившегося в VII в. до н. э.

...Затяжной шторм и восточные ветры вынесли корабль самосца Колея через Гибралтарский пролив в океан. Так первым из греков Колей оказался в открытом океане. Благодаря этой случайности он стал инициатором важнейших торговых сношений эллинов с изобиловавшим металлами Тартессом (Южная Испания); рассказывают, что из этого своего во многом случайного путешествия Колей привез ни много ни мало – 30 центнеров серебра! Сказочные богатства Тартесса, о которых греки до этого слышали только от финикийцев, в одночасье стали явью. До этого греческие полисы вели торговлю с Тартессом через Гадес, пользуясь посредничеством финикийцев. После же путешествия Колея греки напрямую установили довольно оживленные торговые отношения с Тартессом, сохранявшиеся в течение 120 лет. Греков принимали здесь весьма приветливо. Царь Тартесса Арганфоний, правивший чрезвычайно долго – около 80 лет (ок. 630–550 гг. до н. э.), богато одаривал греческих купцов, стараясь, чтобы они почаще гостили в Тартессе. Найденный в районе устья Гвадалквивира греческий шлем, датируемый примерно 625 г. до н. э., относится, возможно, уже к началу царствования Арганфония. В торговых связях этот правитель отдавал предпочтение эллинам перед финикийцами, опасаясь захватнического нападения карфагенян и надеясь на военную поддержку греков.

Точная дата путешествия Колея до нас не дошла, но ее можно вычислить: известно, что уже во время 33-й олимпиады (648–645 гг. до н. э.) сикионский тиран Мирон преподнес для сокровищницы в Олимпии ценные дары из «тартесской руды», то есть из бронзы. Отсюда следует вывод, что греки уже в VII в. до н. э. установили непосредственную связь с Тартессом, освободившись от посредничества финикийцев. Поэтому самой вероятной датой плаванья Колея следует считать 700 г. до н. э. После захвата Тира Навуходоносором (568 г.) греки вообще освободились от финикийского соперничества на море и в течение полувека были почти монополистами в средиземноморской морской торговле, пока Карфагенская держава не преградила им доступ в богатые металлами иберийские страны. Лишь легендарная память об исчезнувшем с лица земли великолепии этих стран и об окружающих их морях, «переставших быть судоходными», сохранились, очевидно, в известном мифе Платона об Атлантиде.

Аристей у исседонов

К северу от причерноморских греческих колоний простирались бескрайние земли, населенные самыми разными племенами. И если о своих ближайших соседях – скифах, владения которых простирались от Дуная до Дона, греческие колонисты все же имели более или менее достоверные представления, то страны, расположенные к северу и востоку от скифских кочевий, оставались для них огромным белым пятном. А между тем именно из этих стран к берегам Черного моря привозили множество драгоценных товаров...

В VII в. до н. э. в эти далекие, неизведанные земли отправился человек, которого греческая традиция знает под именем Аристей из Проконесса (возможно, в реальности речь идет о двух разных людях, один из которых жил около 800 г. до н. э., а другой – на 340 лет позже). Вернувшись из своего долгого, полного опасностей путешествия, Аристей сложил о своих приключениях целую поэму под названием «Аримаспея». После этого он пропал – возможно, ушел в новое путешествие, из которого уже не вернулся. А его поэма со временем была утрачена, лишь немногие ее отрывки дошли до нас в изложении греческих авторов.

Аристей. Бронзовая статуя

По мнению современных ученых, несмотря на стихотворную форму и отчасти легендарный характер, поэма Аристея основана на вполне надежных географических и исторических фактах. Даже несмотря на утрату значительных фрагментов текста, можно с достаточной легкостью восстановить маршрут, которым прошел древний землепроходец. Отправившись от берегов Понта, он по древнему торговому пути через владения скифов добрался до устья Дона. Затем, идя вверх по Дону, через перешеек у излучины Дона вышел на Волгу и поднялся по этой реке до устья Камы, где уже около 1000 г. до н. э. располагался крупный торговый и культурный центр. Затем, следуя вдоль Камы (или по ней), Аристей достиг удобного перевала через Уральский хребет (близ современного Екатеринбурга) и оказался в районе Исети. Здесь обитало племя длинноволосых кочевников-исседонов, среди которых Аристей прожил некоторое время. Исседоны сообщили ему множество сведений о соседних народах и землях, расположенных к северу и востоку от их кочевий. Правда, эти сведения оказались расцвечены вымыслами – порой забавными, порой страшноватыми. Так, исседоны рассказали ему об одноглазых аримаспах, о хищных грифах, стерегущих золото, о расположенных на севере горах, с которых постоянно дует холодный ветер и никогда не сходит снег, о землях, окутанных тьмой и покрытых льдом...

За исключением этих сказочных сообщений исседонов, рассказ Аристея не содержит каких-либо неправдоподобных сведений, поэтому современные исследователи всегда относились к нему с большим интересом. Вопрос о том, куда привело Аристея его путешествие, спорен. Несомненно, однако, что он сумел достичь Приуралья, а возможно, даже и Зауралья. Ряд исследователей находят в рассказе Аристея первые сведения о Сибири. А. Гумбольдт отождествлял посещаемую аримаспами Страну золота, где якобы обитали стерегущие этот металл грифы, с Алтаем. Другие ученые предполагали, что речь идет об Урале. Страну аримаспов некоторые помещали на берега Енисея, что же касается исседонов, выступавших, согласно рассказу Аристея, посредниками в торговле золотом, то еще в XIX столетии большинство ученых было склонно видеть в них жителей Урала. В последующие годы эта гипотеза получила веские подтверждения.

Какова была цель путешествия Аристея, можно лишь предполагать. Вероятно, он, по собственному почину или по поручению эллинских купцов, решил лично познакомиться с прибыльными для торговли областями. Если это верно, то греческие торговые связи с Уралом начали развиваться уже около 700 г. до н. э., хотя греческих колоний на северном берегу Понта тогда еще не существовало. Скифские и греческие купцы, очевидно, не проникали дальше западного склона Уральских гор, поскольку главный центр торговли сибирскими товарами исторически всегда находился к западу от Уральских гор (в устье Камы или на берегах Волги). Также, видимо, обстояло дело и в древности, поскольку трудный путь через Уральские горы отнюдь не привлекал чужеземных купцов. Лишь один отважный Аристей сумел проникнуть далеко на восток, став первооткрывателем Сибири.

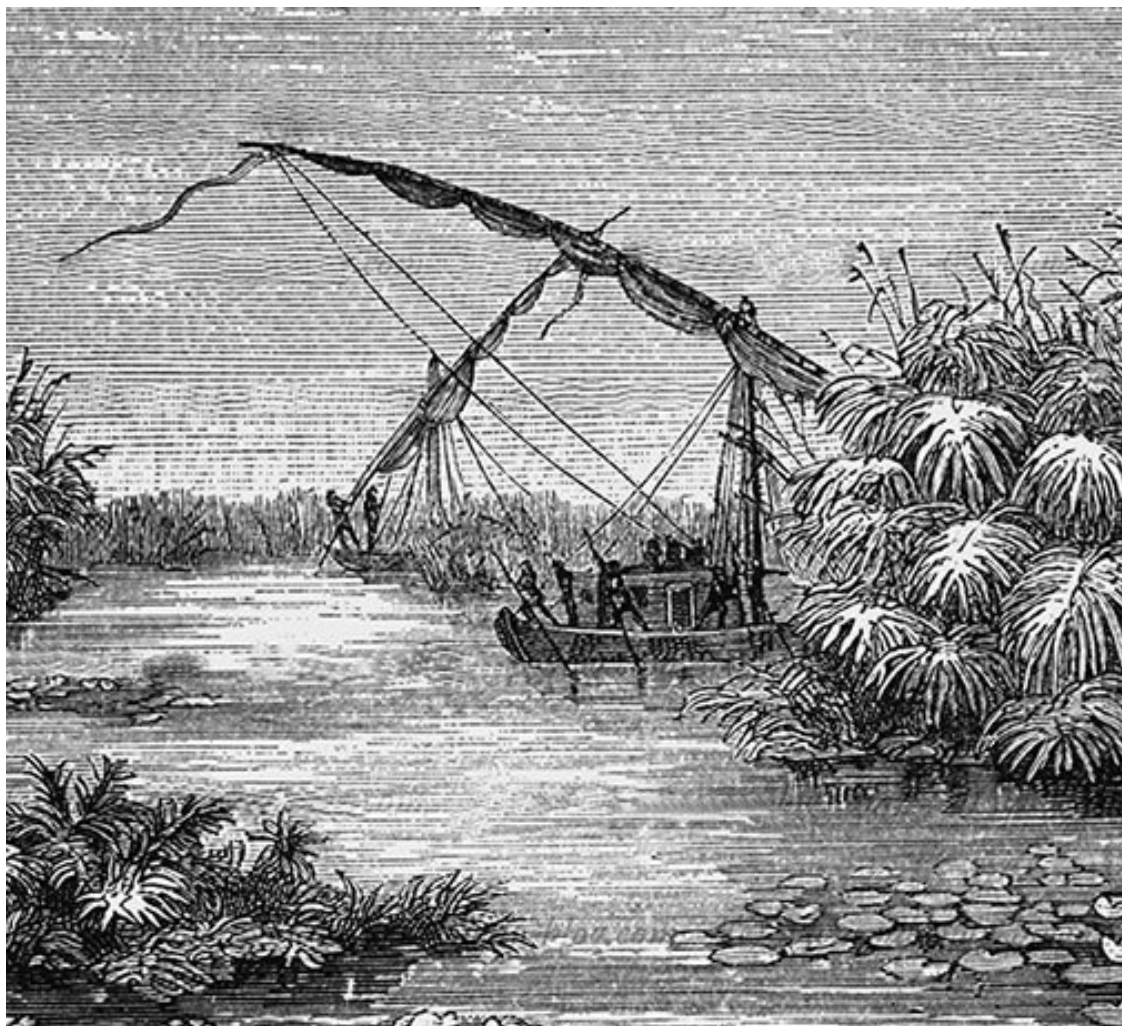
Загадочный Эвтимен

Эвтимен из Массилии предпринял морское путешествие в исследовательских целях вдоль побережья Северной Африки и, возможно, побывал в других водах Атлантического океана. Его отчет о плавании не сохранился. Мы узнаем о нем лишь из одного источника. Живший во II в. н. э. Марциан Гераклеяский упоминает Эвтимена среди авторов, составивших периплы (описания морских плаваний): «Одни – для некоторых областей, другие – для всего Средиземного моря, третьи – для внешнего океана». Однако перипл – это руководство для мореплавателей, и написать его мог только человек, прекрасно знающий все особенности описываемого моря.

Вопрос о том, в какую эпоху жил Эвтимен, остается спорным; неизвестны и цели его путешествия. Исследователи предполагают, что Эвтимен был современником Пифея, то есть жил в IV в. до н. э., другие относят его к концу VI в. Если действительно речь идет, по словам Р. Хеннига, немецкого историка открытий, о «попытке жителей Массилии поселиться на побережье Африки, попытке, которой вскоре воспротивились карфагеняне», то правильной может быть лишь более ранняя дата.

Эвтимен, видимо, плывал довольно далеко на юг, хотя вряд ли достиг Сенегала. Правда, Марциан указывает, будто Эвтимен открыл реку, в которой водились крокодилы и бегемоты. Если исходить из современных условий, то такой рекой мог быть только Сенегал. Но 2500 лет назад крокодилы и бегемоты водились во многих других, а возможно, и во всех реках Северной Африки, так как всю эту часть материка, и особенно горы, покрывали тогда густые леса. Например, стекающая с Атласских гор Уэд-Дра, русло которой в наши дни только изредка наполняется водой, некогда, по-видимому, была постоянной полноводной рекой, и в ней водились бегемоты.

Обнаружение крокодилов в какой-то западноафриканской реке неизбежно должно было вызвать предположение, что она связана с Нилом. Ведь еще во времена Александра Македонского считалось, что крокодилы водятся только в Ниле. Принял же Александр реку Инд, в которой тоже обитают крокодилы, за верхнее течение Нила. Поэтому вполне вероятно, что именно Эвтимен был автором остроумной, хотя и ошибочной гипотезы о причинах загадочного летнего паводка на Ниле. Согласно этой гипотезе, о которой упоминает Геродот, паводок вызывается пассатами, которые гонят огромные массы морской воды в мифический рукав Нила, впадающий в Атлантический океан. Убеждение в том, что Нил направляет свои воды в Атлантический океан через какой-то рукав, сохранялось до позднего Средневековья; еще арабы предполагали, что Нигер – это «Нил негров».

Парусная лодка на Ниле. Гравюра XIX в.

Упомянутую гипотезу о паводке на Ниле, по-видимому, развил Гекатей, основываясь на открытиях Эвтимена. Еще Геродот был знаком с этой теорией. Следовательно, вопрос о том, действительно ли Эвтимен жил раньше Геродота, лишен всякого основания. Напротив, следует согласиться с предположением, что Эвтимен жил в VI в. до н. э. Важнейшее плавание Эвтимена при всех обстоятельствах могло состояться только до того, как карфагеняне на целых 300 лет закрыли чужеземным кораблям доступ в Гибралтарский пролив. Позже греки уже были лишены возможности плавать в тех водах, в которых господствовал Карфаген. Мы не знаем, когда был закрыт Гибралтарский пролив. Самой ранней датой могло быть морское сражение при Алалии (ок. 537 г. до н. э.), в результате которого карфагеняне завоевали господство над Западным Средиземноморьем и Испанией, самой поздней – договор о мореплавании 509 г. до н. э. между Карфагеном и Римом, по которому последний признал закрытие Гибралтара. Весьма обоснованно предположение, что Эвтимен совершил свое путешествие около 530 г. до н. э.

Плавание Ганнона к «Колеснице богов»

«Карфаген должен быть разрушен»... Руководствуясь этой максимой, римские легионеры буквально стерли с лица земли огромный город, столицу великой морской державы, корабли которой на протяжении веков бороздили воды Средиземного моря и отваживались выходить далеко в Атлантический океан. В огне пожара погиб и храм Баал-Хаммона, в котором хранились удивительные трофеи – шкуры горилл, привезенные карфагенским мореплавателем Ганноном откуда-то с побережья Экваториальной Африки, а также каменная стела с текстом «Перипла Ганнона», где описывалось одно из самых захватывающих путешествий, совершенных древними мореплавателями...

В отличие от Карфагена, текст «Перипла Ганнона» не погиб. Он дошел до нас в греческом переводе, сделанном, по-видимому, еще в V в. до н. э. Этот памятник сильно отличается от обычных греческих периплов. Начинаясь как довольно сухой, прозаический отчет, он постепенно превращается в яркое художественное повествование, напоминающее авантурный роман. Здесь нет точных географических координат, и он почти бесполезен для идентификации мест, где побывали карфагенские моряки, но зато «Перипл» содержит массу живописных, порой даже устрашающих подробностей...

«Перипл царя карфагенян Ганнона о Ливийских землях, лежащих по ту сторону Геракловых столбов... И решили карфагеняне послать Ганнона в плавание за Столбы Геракла, чтобы основать ливийско-финикийские поселения. И он отправился в сопровождении шестидесяти пятидесятивесельных кораблей, с 30 000 мужчин и женщин, съестными и прочими припасами».

Тридцать тысяч человек на шестидесяти кораблях – какие гигантские масштабы! И пусть эта цифра, как считают некоторые исследователи, преувеличена; все равно нельзя отрицать того, что экспедиция Ганнона действительно была выдающимся предприятием. Она преследовала прежде всего политическую цель: укрепиться на океанском побережье Африки. Для этого Ганнону было поручено основать колонии по ту сторону Геракловых столбов. Карфагеняне стремились опередить своих конкурентов на море. В те времена главным соперником Карфагена в Западном Средиземноморье являлась Массалия (ныне Марсель), греческая колония на южном побережье современной Франции. Незадолго до плавания Ганнона массалиотский мореплаватель Эвтимен прошел вдоль атлантического побережья Африки и достиг большой реки, кишасей крокодилами, которую он принял за исток Нила (как полагают современные исследователи, речь идет о реке Сенегал). Теперь Ганнону предстояло не только побить рекорд соперника, но и закрепить за Карфагеном право контроля над морскими путями вдоль Западной Африки. В разных точках побережья Ганнон основывал новые колонии, и в каждой оставлял часть людей и кораблей, так что, когда он дошел до крайней южной точки своего пути, число тех и других значительно уменьшилось.

Руины Карфагена

Побережье Африки за Геракловыми столбами было карфагенянам хорошо известно на протяжении нескольких сот километров. Выйдя в Атлантику, они через два дня пути zaloжили на берегу первый город – Тимиатерий (там, где ныне находится марокканский город Мехдия). Основав на побережье еще пять колоний, экспедиция Ганнона достигла реки Ликсус (Уэд-Дра), где путешественников встретили дружелюбно настроенные племена ликситов. Пробыв у них некоторое время и взяв с собой на борт нескольких проводников, карфагеняне снова двинулись на юг, вдоль пустынных берегов Сахары.

В устье большой реки, которую местные жители называли Хрета, располагалось большое озеро с островами. Возле его южной оконечности высились горы, населенные дикими людьми, одетыми в звериные шкуры. Высадиться здесь не удалось: дикари, бросая камни, отгоняли карфагенян от берега. Далее на пути кораблей Ганнона лежала еще одна большая река, большая и широкая, кишася крокодилами и гиппопотомами (несомненно, речь идет о Сенегале). Отсюда карфагеняне шли по морю двенадцать дней, огибая материк, пока не прибыли в землю «эфиопов» (то есть негров), язык которых был непонятен даже проводникам-ликситам. «Эфиопы» оказались очень боязливы. Завидев корабли, они убегали в леса. Карфагеняне высадились у подножия больших лесистых гор, с интересом рассматривая диковинные деревья с душистыми стволами. Вновь подняв якоря, экспедиция спустя два дня оказалась в огромном заливе с плоскими равнинными берегами. Ночью с кораблей были видны огни на обоих берегах. Запасшись здесь пресной водой, Ганнон повел свои корабли дальше.

Через пять дней экспедиция достигла большого залива. Проводники объяснили, что он называется Западный Рог. В этом заливе было несколько островов, и на каждом – соленые озера. Острова густо поросли лесом, и увидеть что-либо в этой чаще днем было невозможно. Однако когда спустилась ночь, джунгли озаарились десятками огней. Откуда-то раздались звуки флейт, кимвалов и тимпанов и громкие крики. Возможно, это просто было какое-то африканское празднество, однако обилие огней и странная музыка в ночи напугали карфагенян; они немедленно оставили остров.

Далее их путь лежал мимо страны, изобилующей благовониями. Однако высадиться здесь не было никакой возможности: стояла страшная жара, берег полыхал огнем, огромные огненные потоки изливались прямо в море. Зрелище огненной стихии повергло карфагенян в трепет. Спустя четыре дня они попали в настоящий ад: ночью с кораблей увидели пылающую землю. Над бушующими языками пламени поднимался высокий огненный столб – казалось, что он достигает звезд...

Когда рассвело, огненные призраки отступили, и то, что ночью выглядело огненным столбом, при свете дня оказалось высочайшей горой, изрыгающей пламя и дым. Проводники-ликситы пояснили, что она называется Феон-Охема – Колесница Богов.

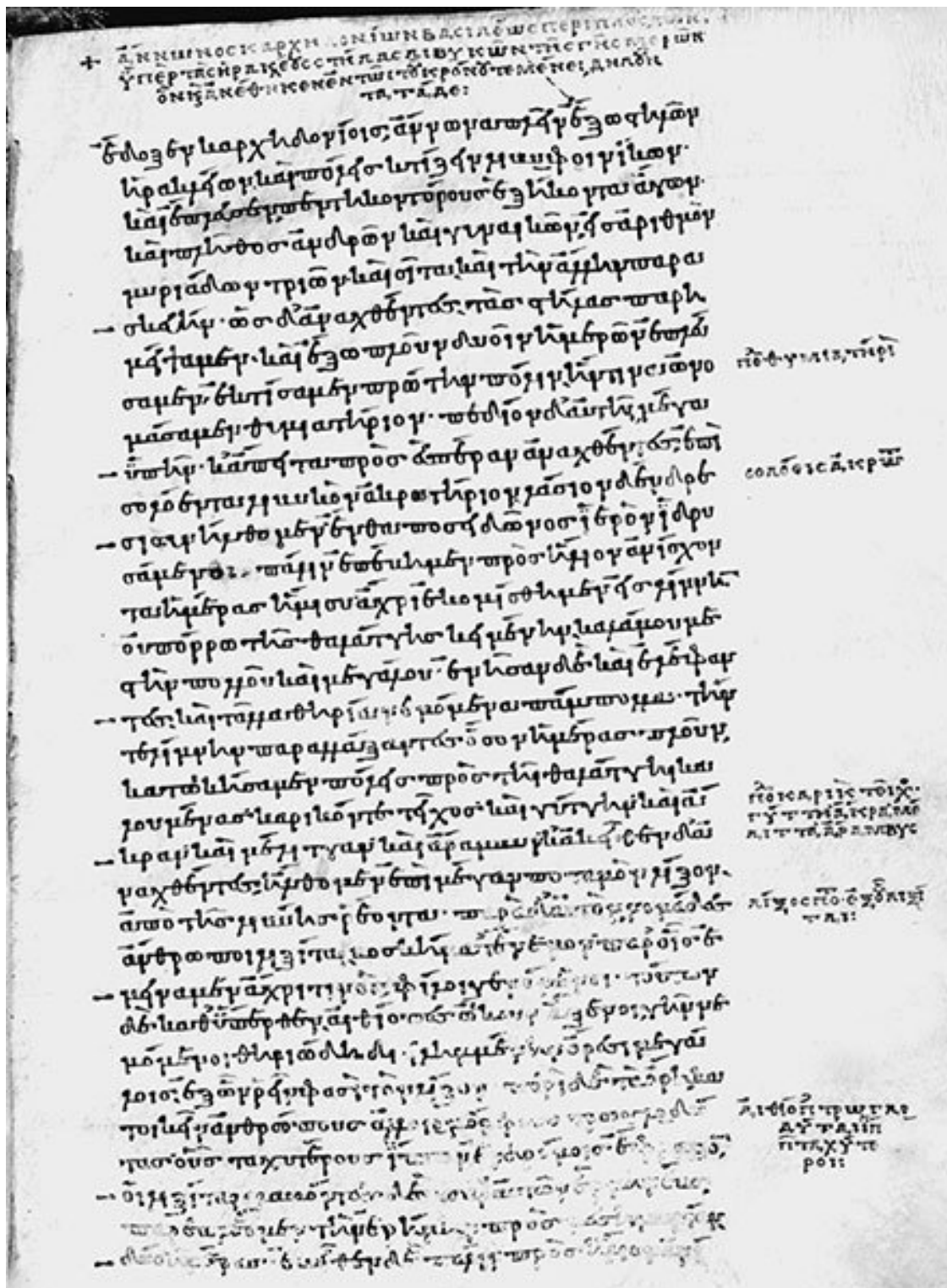
Через три дня корабли Ганнона прибыли в залив, называемый Южным Рогом. В его глубине был остров, населенный дикими людьми, с телами, покрытыми шерстью. Проводники называли их гориллами. Карфагенянам удалось поймать трех «женщин»-горилл, но они отчаянно кусались и царапались, так что доставить их на корабли не было никакой возможности. Пришлось их убить. С них сняли шкуры – позже участники экспедиции демонстрировали их в Карфагене. От берегов острова горилл Ганнон повернул назад. «Дальше мы не плавали. У нас не хватило припасов», – заключает он.

«Перипл Ганнона» вызвал в современной науке обширную дискуссию, в том числе и об его подлинности. Говорили, что перипл представляет собой не подлинный отчет карфагенского мореплавателя, а фальшивку, сочиненную еще в древности неким греческим автором, использовавшим для своего чисто литературного сочинения имя Ганнона. Сторонники этой теории считали, что язык перипла слишком правилен и поэтичен, он выдает руку эллинского писателя. Кроме того, нет никаких реальных археологических свидетельств проникновения карфагенян на побережье Африки южнее острова Могодор, говорили они, и Ганнон попросту не мог вернуться назад из-за мыса Бохадор, так как преодолеть встречные ветры без соответствующих мореходных инструментов и при наличии прямого латинского паруса было в то время невозможно. Однако эти возражения оказались несостоятельными. Известно, что для дальних заморских экспедиций карфагеняне пользовались пентеконтерами – большими 50-весельными кораблями, построенными из дерева и изнутри обшитыми листами свинца. Эти корабли были гребными и, следовательно, не зависели (или зависели в очень небольшой степени) от направления ветров. На них можно было плыть вдоль побережья Африки сколь угодно долго и в любом направлении: и на юг, и на север. А филологический анализ текста «Перипла» показал, что многие «греческие» обороты оказались всего-навсего переводом с финикийского (пунического). Сведения «Перипла Ганнона» о флоре и фауне африканского побережья в целом соответствуют реальным условиям и отличаются от обычных греческих представлений о невозможности жизни в этих районах Африки.

Другой спорный вопрос – дата плавания Ганнона. Некоторые исследователи полагали, что это произошло во второй половине VI в. или даже в конце VII – начале V вв. Однако современные данные археологии свидетельствуют, что первые следы карфагенского присутствия в Северо-Западной Африке появляются на рубеже VI–V вв. и трудно не связать это с деятельностью Ганнона.

Самый дискуссионный вопрос: пределы плавания Ганнона. Сам мореплаватель в своем отчете после довольно четкого описания начального этапа пути о дальнейшем путешествии

рассказывает довольно неясно – кажется, даже нарочито неясно, указывая только, что достиг горы, называемой Колесница Богов, и залива Южный Рог. «Колесницу Богов» связывали и с Зеленым Мысом, и с горой Какулима в Гвинее, и с вулканом Камерун. Как бы то ни было, все эти пункты находятся южнее устья Сенегала, достигнутого ранее массалиотским моряком Эвтименом. По-видимому, этим и объясняется ясность первой части перипла: так как путь до устья Сенегала был уже известен, скрывать его не было необходимости. А вот дальнейший путь – очень даже имело!

Одна из страниц рукописи

Не вызывает сомнений и историчность самого Ганнона: он был одним из представителей правящей в Карфагене династии Магонидов, возможно – старшим из братьев-внуков легендарного Магона, которым в первой половине V в. принадлежала власть в Карфагене. Именно поэтому «Перипл» называет его «царем карфагенян». И конечно, лишь очень высокопоставленное лицо могло встать во главе столь масштабного предприятия, в котором участвовало 30 тысяч человек. Фактически это было целое переселение части карфагенских граждан!

Доверие к рассказу Ганнона росло по мере того, как в распоряжении ученых накапливалось все больше сведений о Западной Африке. В середине XIX в. в Габоне был обнаружен неизвестный до сих пор вид человекообразных обезьян – гориллы. Но ведь именно о них рассказывает карфагенский моряк, дошедший, судя по всему, до Гвинейского залива («Южного Рога»)! А на роль «Колесницы Богов» вполне может претендовать вулкан Камерун (его высота – 4 км). Долгое время он считался потухшим, однако когда в 1909 г. его жерло неожиданно разверзлось и все побережье запылало огнем, многие ученые безоговорочно приняли «показания» Ганнона. Следующее извержение Камеруна в 1922 г. было еще более грандиозным.

Если эта версия верна, то Ганнона следует признать одним из величайших мореплавателей древности. Он стал первым представителем средиземноморских народов, который проник в тропическую Африку с запада. Можно предположить, что, пройдя в глубь Гвинейского залива и увидев, что берег поворачивает на юг, руководитель экспедиции решил завершить маршрут и возвращаться: Африканский континент оказался значительно более обширным, чем он предполагал...

Спустя два тысячелетия португальские моряки преодолевали путь, пройденный Ганноном, на протяжении целых 70 лет!

Гимилькон в Атлантике

Почти одновременно с плаванием Ганнона другой карфагенский мореплаватель, Гимилькон, возглавил морскую исследовательскую экспедицию к берегам Англии и Ирландии. Очевидно, он также выполнял государственное поручение. Известный римский историк Плиний, который, возможно, располагал подлинником отчета Гимилькона, указывает, что этот флотоводец был послан Карфагеном исследовать «внешние границы Европы». Отсюда можно предположить, что Гимилькон должен был отыскать, во-первых, полулегендарную Страну олова (Британию), а во-вторых, другие важные для торговли области – например, Страну янтаря. Но никаких сообщений об успехах его экспедиции не сохранилось, а подлинник отчета о плавлении Гимилькона, к сожалению, до наших дней не дошел, хотя, несомненно, существовал. Сохранились лишь весьма скудные его фрагменты, так что мы очень плохо осведомлены о ходе этого первого плавания карфагенян к Оловянным островам. А между тем в поэме Руфа Авиена «Морские берега», относящейся к позднеимперской эпохе (ок. 400 г. н. э.), несколько раз приводятся ссылки на сведения Гимилькона, и это свидетельствует о том, что отчет карфагенского путешественника сохранял свою важность даже спустя 900 лет!

Гимилькон и его спутники достигли, видимо, Южной Англии и Ирландии. Как далеко они зашли и чего добились, остается неясным. Известно только, что плавание проходило в сложных условиях и заняло необычайно много времени, поскольку из-за неблагоприятной погоды, многочисленных штилей, туманов и плохой видимости корабли шли по незнакомым водам очень медленно. В каком-то неизвестном месте мореходы имели хотя и не причинившую им вреда, но все же очень опасную встречу с мелями, скоплениями водорослей и многочисленными морскими животными. Погодные условия также были самыми ужасными: участники экспедиции донесли до своих соотечественников рассказы о том, что в северных морях «мрак одевает воздух, как будто какое одеяние, всегда густой туман нависает над пучиной и сумрачные дни не разгоняют туч над ним». Надо полагать также, что именно из уст Гимилькона жители Средиземноморья впервые услышали легенду о «застывшем море». Впрочем, не исключено, что все эти подробности были попросту придуманы хитрыми карфагенянами, чтобы отбить у своих торговых конкурентов всякую охоту плавать к Оловянным островам.

Приключения Гимилькона, видимо, привели к тому, что неблагоприятные для судоходства особенности условия плавания от Пиренейского полуострова к Оловянным островам, с которыми якобы столкнулся флотоводец, стали рассматриваться как обычные для этого океана. Это очень напоминает историю Магеллана, который пересек Великий океан и назвал его «Тихим», так как за четыре месяца плавания случайно не разразилось ни одного шторма. Как бы то ни было, карфагеняне всячески использовали описания Гимилькона, чтобы распространить среди других народов мнение, будто судоходство в западных морях невозможно или, во всяком случае, сопряжено с большими опасностями.

Путешествие Пифея-лжеца

Две тысячи триста лет Пифей ждал признания правдивости своих рассказов. Современники не верили ему. Лишь в наше время ученые, тщательно изучив обрывки записей Пифея, сохранившиеся в пересказах других авторов, заключили, что нет оснований сомневаться в их правдивости.

«Варвары показали нам то место, где Солнце отправляется на покой. Ибо случилось как раз, что ночь в этих областях была очень короткой и продолжалась в некоторых местах два, в других – три часа, так что через очень короткое время после захода солнце снова поднималось...»

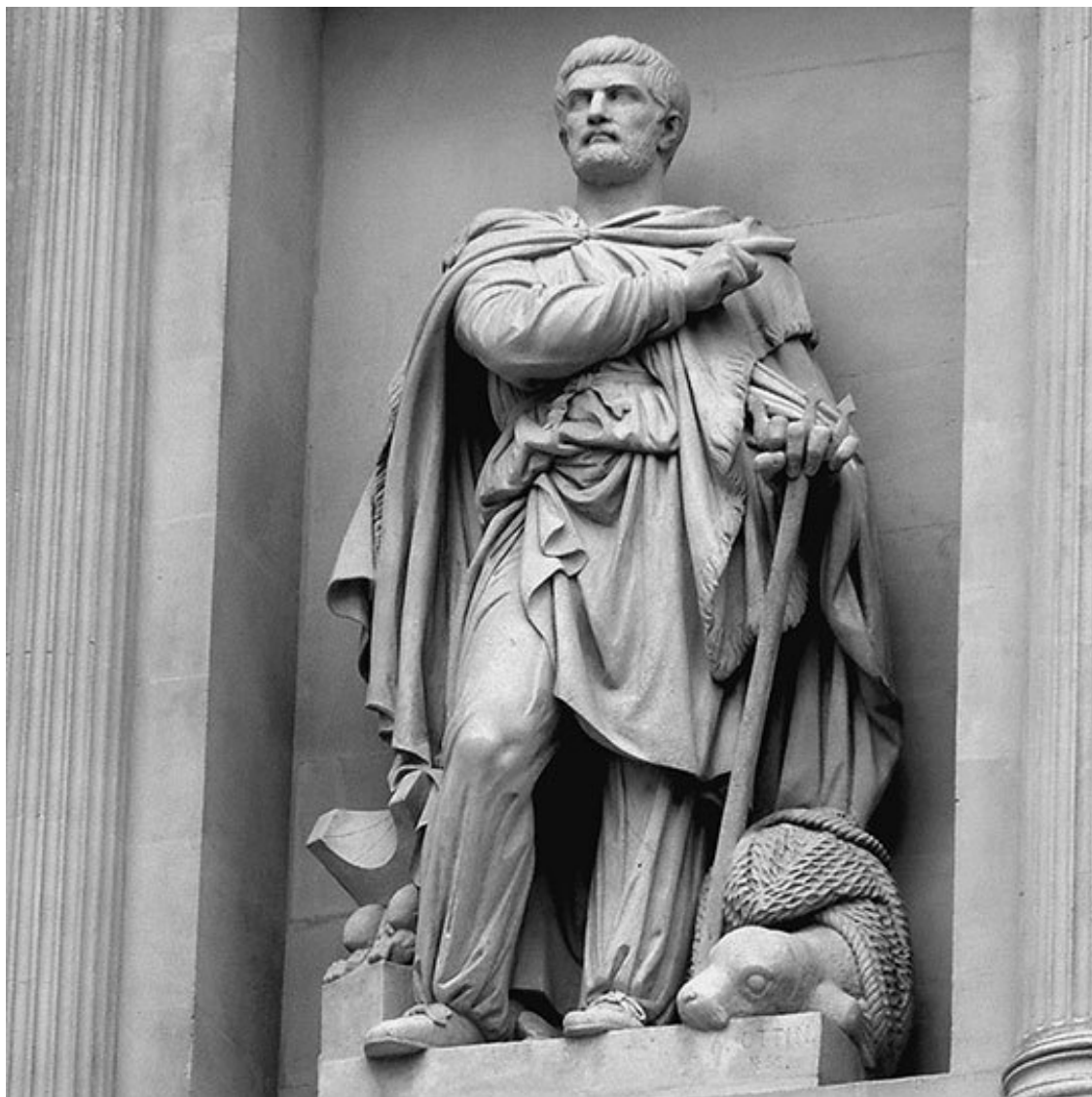
«Самой далекой из всех известных земель является Туле, где во время солнцеворота нет ночей, но очень мало дневного света в зимнее время... это продолжается без перерыва 6 месяцев подряд... Наиболее северная область Британии, лежащая около Туле, составляет последний предел обитаемой земли. Севернее Британии лежат еще другие острова: Скандия, Думна, Берги и величайший из всех Беррике, с которого обычно плавают на Туле. На расстоянии одного дня морского пути от Туле находится застывшее море, называемое Кронийским».

«Германское племя гуйонов обитает на отмели моря, называемого Метуонис... Отсюда один день плавания на парусниках до острова Абалус. На этот остров волны весной выбрасывают янтарь. Жители применяют его в качестве топлива вместо дров и продают соседним им тевтонам...»

Путешествие Пифея поражает куда сильнее, чем «Одиссея» Гомера. Сохранись до наших дней его книга «Об океане», она бы считалась классикой приключенческого жанра. Утрату этой книги, в которой Пифей рассказал о своем долгом путешествии, известный историк Р. Хенниг назвал «самой тяжелой из всех утрат, понесенной географической литературой древности». Плавание Пифея стало самым значительным достижением моряков Античности. Оно настолько переворачивало все представления жителей Средиземноморья об окружающем их мире, что позднейшие греческие и римские авторы попросту отказались верить путешественнику. В античную литературу Пифей вошел с клеймом «лжеца», а почти все собранные им сведения были единодушно сочтены «вымыслом». Сегодня же Пифея называют «ученым в самом высоком значении этого слова».

Пифей жил в IV в. до н. э. в Массалии (ныне Марсель, Франция). Некоторые авторы даже называют точную дату его рождения: 315 г. до н. э. Массалия тех лет была одним из крупнейших торговых городов Западного Средиземноморья. Его основали около 600 г. до н. э. греки – выходцы из малоазийского города Фокеи. Фокейцы были одним из наиболее отважных народов-колонизаторов древности. «Жители этой Фокеи, – сообщает Геродот, – первыми среди эллинов пустились в далекие морские путешествия. Они открыли Адриатическое море, Тирсению, Иберию и Тартесс». Вероятно, от своих фокейских предков Пифей унаследовал их беспокойный характер и неистребимую тягу к дальним путешествиям.

Пифей не был купцом. Он был ученым и располагал весьма скромными средствами. В неведомые земли он отправился, скорее всего, при поддержке крупных массалиотских купцов, наживших огромные состояния на торговле оловом и стремившихся получить надежные сведения о лежащих на севере странах. Олово было необходимо жителям Средиземноморья для выплавки бронзы, а основным поставщиком олова в те времена служил полуостров Корнуолл (Британия). Путь туда лежал либо по морю, в обход Пиренейского полуострова, либо – что было более безопасно и удобно – по суше, через Галлию. Этот последний путь и контролировала богатая Массалия. И именно этим путем отправился в страны олова и янтаря «лжец» Пифей...

Скульптура Пифея на фасаде здания биржи в Марселе

Историки и географы Античности оставили достаточное количество свидетельств, чтобы восстановить его маршрут: от нынешнего Марселя вверх по реке Роне, далее по Сене или Луаре – к побережью Атлантики, оттуда морем в Британию. Это была древнейшая дорога через континент, пройти которую можно было за 30 дней (на всем протяжении этого Великого оловянного пути археологи находят слитки олова, вывезенные из английских рудников). В устье Луары лежал кельтский торговый город Корбилен, разбогатевший на торговле оловом (позднее он исчез без следа). Отправившись отсюда на корабле, через три дня Пифей достиг острова Уэссан – важного перевалочного пункта на Оловянном пути. Далее ему предстояло идти к Британским островам. В те времена жителям Средиземноморья был известен только крайний юг Британии, да и то поверхностно, и, по-видимому, массалиотские торговцы поставили перед Пифеем задачу исследовать эту землю, столь богатую оловом, выяснить, является ли она частью материка или только островом, и, конечно, в полной мере оценить ее коммерческие перспективы.

На корабле, нанятом в Корбилоне, Пифей отправился в долгий путь вокруг Британии. Сорок дней понадобилось ему на то, чтобы обойти весь остров. Он высаживался на берег, встречался и разговаривал с местными жителями. В Корнуолле он изучал залегание слоев оловянной руды и способ прокладки штолен в пустой породе, разделяющей рудные жилы, наблю-

дал, как туземцы плавят руду и отливают ее в слитки. В своих записях Пифей отмечал, что рудокопы дружелюбны, приветливы и умны, потому что им постоянно приходится соприкасаться с другими народами (эти, как и другие сведения, дошли до нас только со слов других авторов). Описывая свою поездку в глубь Британии, Пифей говорит, что эта страна населена земледельцами, живущими по большей части в мире друг с другом.

Пифей был внимательным наблюдателем и хорошим астрономом. Он обнаружил, что Полярная звезда находится не точно в полюсе мира. Он наблюдал приливы в северных морях и впоследствии рассказал о них. Британию Пифей описал в виде треугольного острова и приблизительно подсчитал размеры каждой стороны треугольника. При этом он значительно преувеличил размеры острова, но определил правильные пропорции.

В одном месте Пифей уверяет, что во время бури видел волны высотой в 60 локтей, то есть 27 метров! Многим это казалось баснословным. Однако есть все основания полагать, что Пифей был свидетелем бури в проливе Пентленд-Ферс, у северной оконечности Шотландии. Здесь, когда шторм совпадает с приливом, образуются волны высотой до 18 метров, а столбы брызг поднимаются еще выше.

В Шотландии Пифею рассказали, что в шести днях пути к северу от Британии находится остров Туле. Его название вошло в литературу как символ крайней точки известного мира, и с тех пор «ульtima туле» означает «край света». Одни географы думают, что этим именем называлась Исландия, другие – что это часть Норвегии, третьи – что речь идет о Гренландии. Весьма интересен факт, что уже в те отдаленные времена существовало морское сообщение между Британией и далекими землями, лежащими на севере.

Во время своего плаванья Пифей зашел на север дальше, чем кто бы то ни было до него – за 60° с. ш. (сегодня его иногда называют «первым полярным исследователем») и в поисках легендарной страны Туле, возможно, достиг побережья Норвегии в районе Тронхейма.

Пифей не удовольствовался плаванием вокруг Британии. Он вторично пересек Ла-Манш и направился на северо-восток вдоль берега Европы, «за реку Рейн в Скифию». Он побывал в устье Эльбы, где слышал рассказы про остров, богатый янтарем, – возможно, Гельголанд. В Балтийское море Пифей не попал: скорее всего, он достиг лишь западного побережья современной Дании, откуда повернул в обратный путь. Из дальних странствий он привез с собой книгу, полную удивительных, даже «диких» – с точки зрения его современников – сведений: о замерзающих морях и густых туманах, о том, что приливы и отливы связаны с луной, о том, что обитаемые земли простираются далеко на север, туда, где лежат снега и холодное зимнее солнце встает над горизонтом всего на два-три часа...

Пифею не поверили. Для просвещенного жителя античного Средиземноморья не было сомнений в том, что человек не может жить в сумрачной и нестерпимо холодной северной стране. Полибий и Страбон приводили в своих трудах сообщения Пифея лишь для того, чтобы высмеять их как вымысел, лишенный какого бы то ни было правдоподобия. «Лжец» – с этим клеймом Пифей вошел в историю античной науки. И смыто это клеймо было лишь спустя две тысячи лет. Когда описаниями Полибия и Страбона заинтересовались ученые нашего времени, оказалось, что как раз те факты из сообщений Пифея, которые казались древним географам наиболее неправдоподобными, и являются самыми достоверными! Они неоспоримо свидетельствуют о том, что отважный массалиот на самом деле побывал в далеких северных морях, достигнув «ульtima туле» – края земли...

«Оранг малайу» – морские кочевники

В 1970-х гг. девять индонезийцев с острова Дамар, расположенного в море Банда, совершили любопытное плавание к берегам Австралии. Собственно, Австралия не являлась их целью: на парусной лодке-прау они отправились за кокосовыми орехами на островок Нила, лежащий в 75 милях от Дамара. Когда мореходы уже возвращались домой, внезапно налетел жестокий шторм. Бурей сорвало парус, затем переломилась мачта. Оказавшаяся полностью во власти стихии, лодка начала дрейфовать по воле ветра и волн. Господствующий в это время года муссон неуклонно относил небольшое суденышко на юго-восток. Вскоре лодку вынесло в Арафурское море, где людям уже не приходилось ждать встреч с какими-либо островами. Потянулись томительные дни и ночи. К счастью, моряки не испытывали нужды в пище и питье: то и другое им давали кокосовые орехи. А спустя три недели на горизонте показались берега Австралии...

Не является ли этот трехсотмильный дрейф моделью событий глубокой древности?

Имеются доказательства, что путешественники с островов Индонезии посещали северные области Австралии в очень ранние времена. А другие многочисленные свидетельства подтверждают, что уже на рубеже эр между Юго-Восточной Азией и Китаем и Средиземноморьем существовали развитые торговые связи. Но моря, омывающие берега Малакки и Зондских островов, в те годы бороздили не только корабли купцов из Египта и Индии. Местные жители – малайцы – к тому времени уже пользовались репутацией отличных мореплавателей.

Название малайцев происходит от «оранг малайу» – «бродячие люди». Это удивительное племя «морских кочевников» распространилось на невероятно огромной территории. Народы малайско-полинезийской языковой группы сегодня расселены на самой большой в мире географической территории: от острова Пасхи и Гавайских островов на востоке до Мадагаскара на западе и от Тайваня на севере до Новой Зеландии на юге. Этим людям были не нужны «сухопутные мосты» и «затонувшие материки», изобретаемые кабинетными учеными, чтобы объяснить удивительный феномен трансокеанских миграций в древности. Используя Индокитайский полуостров как трамплин, они колонизовали Индонезию, Меланезию, Микронезию, Полинезию, Мадагаскар и Новую Зеландию. На заре мореплавания они выходили в открытое море, если видели на горизонте землю. Шли века, и «бродячие люди» стали предпринимать намеренные плавания для поиска новых земель. Большинство сделанных ими географических открытий произошли в историческое время, но не нашли отражения в письменной истории. Сегодняшние исследователи называют прошлое малайцев «черной дырой» в истории Юго-Восточной Азии.

Коренные жители острова Пасхи

На своих лодках-прау, обладавших хорошей мореходностью и использовавших большие паруса, сплетенные из волокон пандануса, малайские моряки отваживались уходить в море на огромные расстояния. Начиная по крайней мере с IV в. до н. э. малайцы являлись посредниками в морской торговле между Китаем и Индией. Уже около 300 г. до н. э. индийцы получали через малайцев шелк из Китая. Китайские суда и в это время, и позже, еще не плавали дальше Явы и Малакки.

Само название Китая в европейских языках – China происходит от малайского Cin (Cina, Thin, Thinae). Малайские мореплаватели первоначально называли так южнокитайское побережье. Они же познакомили с этим названием индийцев, от которых имя China перекочевало во все языки мира.

Ученые располагают массой этнографических и лингвистических фактов, свидетельствующих о том, что к 150 г. н. э. полуостров Малакка («Золотой Херсонес» греческих авторов), Зондские острова, Филиппины и побережье Южного Китая входили в сферу влияния малайцев. Например, у Клавдия Птолемея в описании Юго-Восточной Азии встречается множество явно малайских названий. Имеются сведения (увы, не очень надежные) о более поздних плаваниях малайцев к острову Святой Елены, расположенному в центре Атлантического океана. Но самым поразительным достижением древних малайских мореплавателей стала колонизация острова Мадагаскар, расположенного у побережья Восточной Африки.

Колонизация Мадагаскара малайцами по дальности плавания и масштабам иммиграции не имеет себе равных в мировой истории. До сих пор не удалось точно установить, когда это

произошло, и совершенно непонятно, что заставило этих морских кочевников уйти за тысячи миль от своей родины. Ответ на этот вопрос не найден до сих пор.

Расселение малайцев из Индокитая началось около 500 г. до н. э. Плаванию на запад благоприятствовали попутные муссоны. Малайские мореплаватели из Центральной Индонезии побывали на Маврикии, на Мальдивских островах. По всей вероятности, Мадагаскар был обнаружен ими в первые годы нашей эры, тогда же сюда прибыли первые малайские колонисты. В дальнейшем сюда пришло еще несколько волн переселенцев с Явы и Суматры. Так, арабская «Книга чудес» описывает рейс трехсот малайских судов к Мадагаскару, имевший место в 945 г.

Древние малайцы

Средневековые арабские историки и географы сохранили подробные рассказы об этом великом переселении. Все они сходятся в том, что мадагаскарские малайцы жили прежде в центре Юго-Восточной Азии, переселились оттуда на Зондские острова и значительно позже постепенно перебрались на Мадагаскар. Они принесли с собой традиционные зерновые культуры Юго-Восточной Азии, и сегодня, глядя на засеянные рисом мадагаскарские поля, можно подумать, что вы находитесь в Азии, а не в Африке.

Без сомнения, мореплаватели из Юго-Восточной Азии первыми увидели австралийские берега. Самыми ранними посетителями Австралии были жители восточных островов Индонезийского архипелага – рыбаки, приходившие к побережью Северной Австралии для ловли трепангов (индонезийцы называют их «дудонг»). Этот морской моллюск чрезвычайно популя-

рен в Китае, где он считается деликатесом, и торговля им была прибыльным делом. Трепангов, пойманных у берегов Австралии, высушивали и продавали китайским торговцам, которые переправляли товар в Кантон (Гуанчжоу).

Базой для флота малайских прау, ежегодно отправлявшегося на юг для лова трепангов, служила юго-западная часть острова Сулавеси (Целебес) с портом Макасар (Уджунгпанданг), который с очень давних времен являлся важным центром морской торговли. С попутным северо-западным муссоном моряки с Целебеса отправлялись на юго-восток, через море Банда, и возвращались с юго-восточными ветрами. Помимо трепангов, торговцы с Целебеса обменивались товарами с австралийскими аборигенами.

То, что ловцы трепангов появились у берегов Австралии в очень давние времена, свидетельствуют мифы и легенды австралийских аборигенов, живущих в Арнхемленде. Известно, что рыбаки из Макасара в XVI столетии посещали побережье Северной Австралии и Квинсленда. В начале XIX столетия английский мореплаватель Мэтью Флиндерс, исследуя австралийские прибрежные воды, сделал запись о посещениях ловцами трепангов с Целебеса северных областей Австралии, особенно залива Карпентария и северо-восточной части Арнхемленда. Вплоть до начала Второй мировой войны индонезийские рыбаки приходили к берегам Австралии ловить трепангов. Между тем австралийские аборигены решительно утверждают, что морякам с Целебеса предшествовали какие-то другие люди, которых они называют «байджини» (bajjini). Что же это за загадочный народ?

Скорее всего, речь идет о коренных обитателях Целебеса – бугах. Этот народ, как и его соотечественники и близкие родственники макасары, по прямой линии происходит от древних жителей Юго-Восточной Азии, поселившихся здесь задолго до прихода монголоидов, и все еще сохраняет признаки той загадочной светлокожей расы, к которой принадлежали предки современных айнов и следы которой сегодня можно встретить на всем огромном пространстве Тихого океана, вплоть до Америки. В легендах Полинезии эти рыжеволосые и светлокожие люди называются «уру-кеу».

Рейсы светлокожих жителей Целебеса к Австралии, вероятно, начались в глубокой древности, задолго до появления на островах Индонезии монголоидных племен дейтеро-малайцев. Лодка-долбленка, найденная археологами в одной из пещер на Борнео, имеет возраст в несколько тысяч лет. Этот экспонат относится к самому началу освоения человеком южных морей. А следовательно, и Зеленого континента – ведь Австралия не такая уж маленькая цель, чтобы проплыть мимо нее...

Павлины в Вавилоне, или Древние индийские мореходы на Великой муссонной дороге

Многочисленные свидетельства о развитии индийского мореходства появляются уже в древних санскритских текстах. В «Ригведе» – древнейшем письменном источнике, созданном в XI – X вв. до н. э. и записанном позднее, в VII в. до н. э., – упоминаются стовесельные суда. Для того чтобы разместить по борту 50 гребцов, длина такого судна должна была составлять не менее 40–50 метров! Даже если считать, что наличие 50 гребных весел с каждого борта являлось поэтическим преувеличением, можно заключить, что создатели «Ригведы» были знакомы с длинными многovesельными судами.

О заморских плаваниях говорится и в эпической поэме «Махабхарата». В «Дхармасутре» для брахманов устанавливается суровый запрет на плавание в заморские страны. При этом автор (видимо, уроженец Южной Индии) указывает, что в северных районах такие плавания часты и не являются чем-то из ряда вон выходящим. Некоторые сведения о морских плаваниях древних индийцев приведены в «Пуранах» («Книгах древности») – канонических текстах индуизма, созданных, как и «Махабхарата», в последних столетиях до нашей эры.

В Древней Индии мореплавание развивалось, вероятнее всего, на основе традиций речного судоходства. Известно, что государство Косала еще в VI в. до н. э. утвердило свой контроль над Гангом, захватив порт Каши (Бенарес). В то время наиболее предприимчивые и отважные из купцов Каши плавали на своих судах с грузом хлопчатых тканей и других текстильных изделий, а также соли до устья Ганга и затем выходили в море, идя вдоль берега на юго-восток и юго-запад.

Примерно с VIII–VII вв. до н. э. индийские моряки стали активными участниками освоения морского пути, связывавшего древнейшие очаги цивилизации в Египте, Аравии, Месопотамии с азиатским Юго-Востоком – с Бирмой, Камбоджей, Вьетнамом, Суматрой и Явой, а затем и с Южным Китаем. Этот древний торговый путь советский историк Я.М. Свет назвал «великой южноазиатской муссонной дорогой». Главным связующим звеном этой цепи была Индия, родина отважных и предприимчивых мореплавателей, которые освоили колоссальные водные пространства Индийского океана и его западных и восточных морей.

В IV–III вв. до н. э. индийские купцы совершали плавания вдоль всего побережья Индокитая. Они проникли на Суматру и обследовали ее вплоть до южной оконечности. Затем они появились на острове Ява, ходили по Яванскому морю. Впоследствии индийцы открыли Камфарный остров (Калимантан), проследили его северное побережье на протяжении более 600 миль и достигли острова Лусон, крупнейшего в Филиппинском архипелаге. При археологических раскопках здесь обнаружены ножи, топоры, дротики, бусы из стекла и полудрагоценных камней явно индийского происхождения, датируемые концом I тысячелетия до н. э. Все это подтверждает, что торговые контакты между Северными Филиппинами и Южной Индией начались в глубокой древности.

Установлено, что в IV–III вв. до н. э. индийские купцы плавали к берегам Южной Аравии, а во II в. до н. э. совершали регулярные морские путешествия в Египет и Восточную Африку (в Эфиопию и Мозамбик). Я.М. Свет считает, что индийские кормчие за два, а может быть, и за три века до грека Гиппала (конец II или начало I в. до н. э.) научились использовать сезонные муссонные ветры при плавании в открытом море. Это позволило им проложить торговый путь из Индии в гавани Южной Аравии и в египетские порты на Красном море Миос-Хормос (Мышинная гавань) и Беренику напрямик через океан. Вероятно, уже в VIII–VII вв. до н. э. индийские суда заходили в порты Красного моря, а в VI–IV вв. до н. э., когда власти Персидской державы Ахемениды владели всем Ближним Востоком и Египтом, индийские купцы регулярно плавали в Вавилон. Именно об этих плаваниях рассказывается в буддийском

сказании «Вавилон джатака», где описано, как индийские купцы привезли в Вавилон (Баверу) павлинов. Очень вероятно, что индийцы плавали и вдоль сомалийского побережья на юг, к Софале и Мозамбику.

Во II в. до н. э. основными гаванями на северо-западном побережье Индии были Бахар-дипур (Барбарикон античных авторов), расположенный в устье Инда, и Бхарукачкха (Баругази, или Баругасы, в античных источниках) в Камбейском заливе. Через эти гавани осуществлялась торговля Индии с Аравией, греко-римским Египтом и – через последний – со всеми странами Средиземноморья. Плаванья на запад выполнялись обычно в декабре, когда устойчиво дул северо-восточный муссон. Из гаваней Южной Индии при следовании в Египет суда шли прямо на остров Сокотру – Диоскороду античных источников, Сукхаджарадвипу (Счастливы́й остров) в индийских рукописях. Переход из Южной Аравии к портам западного побережья Индии продолжался обычно 30–40 суток.

Античный автор, вероятнее всего греческий купец из Александрии, которого в исторической литературе называют Псевдо-Арриан (по имени древнегреческого историка II в. н. э. Арриана, которому ранее приписывали цитируемое далее сочинение), в I в. н. э. довольно красочно описал кипучую торговую деятельность в индийском порту Бхарукачкха: «В этот торговый пункт ввозится вино, особенно италийское, лаодикийское и арабское, затем медь, олово, свинец, кораллы, хризолиты, одежда простая и всякого рода поддельная, разноцветные пояса в локоть шириной, грубое стекло, сурьма, золотые и серебряные денарии, выгодно обмениваемые на местную монету, не очень ценное и не очень пахучее мирро. Для царя же в эти места ввозятся ценные серебряные сосуды, знающие музыку мальчики, красивые девушки в гарем, отборные вина, обычные ценные одежды и отличные мази. Из этих мест вывозятся нард, пряности, благовония, слоновая кость, изделия из оникса и муррина, всякие вещи из хлопка, материи шелковые и хлопчатобумажные, длинный перец и все то, что привозится из других торговых пунктов. Приезжающие на этот рынок купцы из Египта отплывают, чтобы попасть вовремя, около июля месяца». Об интенсивности торговых связей Индии с греко-римским миром в I–II вв. н. э. свидетельствуют многочисленные клады римских и египетских монет, обнаруженные на территории Южноазиатского субконтинента.

«Карийский капитан» Скилак

Как рассказывают древние авторы, некий Скилак из Карианды (Малая Азия) в 518–516 гг. до н. э. по приказанию персидского царя Дария I совершил плавание по Индийскому океану. Этот поход сегодня принято считать первой попыткой исследовать географические условия в западной части Индийского океана. Правда, судоходство в Индийском океане было развито еще задолго до Скилака. Однако народы Передней Азии до Дария, а европейские – даже до Александра Македонского имели весьма смутное представление об Индии и Индийском океане. Последний в древности называли Красным морем, а современное Красное море именовалось Аравийским заливом. Гекатею Милетскому, великому географу и современнику Дария, река Инд была известна как последняя река на востоке.

Захватив часть Египта, Дарий возымел намерение завоевать Северо-Западную Индию. Чтобы полнее использовать могущество персидского флота, ему нужны были точные сведения о южных морях. Поэтому Дарий поручил проведение экспедиции опытному моряку из карийцев, которые издавна славились как искусные мореходы. Выбор пал на Скилака, «карийского капитана». Скилак прекрасно выполнил поставленную перед ним задачу, и Дарий, видимо, высоко оценил и богато наградил его. Об этом рассказывает Геродот. Если его сведения верны, то данные, добытые Скилаком, в значительной мере обусловили успех индийского похода Дария. В то же время оригинал отчета Скилака, предназначавшийся для Дария, вряд ли был известен Геродоту, ибо в противном случае последний сообщил бы больше подробностей и не допустил бы слишком грубых ошибок.

По предположениям историков, это путешествие состоялось, видимо, между 516 и 512 гг., а по некоторым данным – между 519 и 516 гг. до н. э. Достоверность факта плавания Скилака – этой грандиозной для того времени экспедиции неопровержимо доказана памятниками, найденными у Суэцкого канала. В надписях на этих памятниках, воздвигнутых, возможно, еще при Дарии, к сожалению, имеются пробелы, но в них подтверждается, что через Нил и современное Красное море можно попасть на судах в «море, которое идет из Персии». В главной части текстов речь говорится об удачном плавании из канала Нила «в Персию», то есть в Персидский залив. Отсюда можно предположить, что Дарий послал две морские экспедиции: одну из Инда к Персидскому заливу и другую туда же из Суэцкого залива.

Задачей Скилака было обследовать течение Инда, а также побережье от устья этой реки до Персидского залива или Красного моря. Скилак, видимо, отнесся к своей задаче добросовестно. Он не только собрал много ценных сведений о самой Индии, что потребовало длительного пребывания в этой стране, но и все путешествие в целом заняло много времени. Это тоже указывает на тщательность проведенных исследований. Плавание торговых судов от Инда к Красному морю продолжались обычно, когда они следовали вдоль берега, менее года, а позднее, когда научились использовать муссоны, время сократилось примерно в три раза. Между тем Скилак находился в плавании два с половиной года, хотя возможно, что в этот отрезок времени входит его продолжительное пребывание в Индии и Персии.

Пунктом отправления Скилака в плавание Геродот считает город Каспатир (Гекатей, который, очевидно, еще мог пользоваться оригиналом отчета Скилака, называет этот город Каспапиром). Местоположение этого города точно не установлено. Прежде его отождествляли с Кабулом, так как у этого города приток Инда Кабул (Кофен) поворачивает на восток. Однако Кабул находится на 1917 метрах над уровнем моря и сильное падение реки выше Джелалабада исключает возможность судоходства. Лишь на Гандахарской равнине у Пешавара Кабул становится судоходным, сохраняя свое направление на восток. Поэтому весьма вероятно, что плавание началось именно в этом месте, самом удобном с точки зрения географии путей сообщения. Во всяком случае, плавание Скилака могло начаться лишь вблизи места впадения Кабула

в Инд. Оттуда «карийский капитан» отправился по неизведанному потоку к морю, а затем и далее. Трудно сказать, знали ли Скилак о том, что идет по пути, проложенному и освоенному за много столетий до него? Ведь судоходство между Индией и Южной Аравией было развито уже с середины II тысячелетия до н. э. В шумерских надписях последнего периода государства Ур якобы упоминается уже Саба под названием «Сабу». Однако обо всем этом персам времен Дария и грекам эпохи Александра Македонского, по-видимому, ничего не было известно.

Неарх идет на запад

Подробности походов Александра Македонского сравнительно хорошо освещены его современниками и позднейшими авторами. Менее известна другая сторона завоеваний этого великого полководца. Еще А. Гумбольдт отмечал, что начиная с 330 г. до н. э. Александр намеренно поставил свои походы на службу географическим открытиям и для этой цели содержал при себе большой штат ученых – естествоиспытателей, землемеров, историков, философов и художников. Безусловно, в то время они не могли в полной мере развеять мрак неизвестности, окутавший границы Ойкумены, и не в состоянии были собрать воедино и подытожить все сделанное ими и до них. Однако благодаря им античная географическая наука все же существенно продвинулась вперед.

В Пенджабе Александру рассказали о сказочных землях на Востоке. Ему говорили, что по ту сторону степи, в 12 днях пути, на берегах огромной реки стоят города и живут люди, ему рассказывали об огромном острове на юге. «Значит, это еще не край света? Но где же он тогда? Если правильны выводы моих географов, что океан омывает весь населенный нами мир, то, наверное, можно достигнуть края света на кораблях, переплыв океан?» Вероятно, так мог размышлять Александр Македонский.

Реконструкция древнегреческого корабля

У стен Вавилона Александр построил огромный флот. По словам Арриана, царь долго не мог найти подходящей кандидатуры на должность начальника флота: «Александр вспоминал то одного, то другого и отказывался от них, так как они не желают подвергаться такой опасности, от других, так как они не обладают достаточной смелостью, от третьих, так как они как будто охвачены тоской по родной земле. В одних он находил одни, в других другие недостатки. Тогда Неарх, предложив свои услуги, сказал: “О царь! Я принимаю на себя начальство над этим флотом, и да поможет мне бог в этом деле...” Восхищенный Александр обнял Неарха и назначил его командовать всем флотом».

В 325 г. до н. э. Александр, пришедший во главе своей армии к Инду, дал Неарху следующее поручение: «Открой морской путь от этой реки к Евфрату. Я пойду назад по суше, а ты плыви по морю. У тебя будет 150 кораблей и около 5 тысяч человек. Плыви на запад, а когда кончится провизия, причаливай к берегу и ищи встречи с моей армией, которая пойдет берегом. Армия будет добывать снабжение для флота».

Неарх отплыл в сентябре. Его экспедиция растянулась почти на шесть месяцев. Когда он проходил Крокалу (Карачи), муссон начал менять свое направление, и ему пришлось 24 дня дожидаться попутного ветра. Через 5 дней после возобновления плавания разыгралась буря, во время которой 3 корабля погибли. Вопреки обещанию Александра, армия помогла флоту только один раз. Большую часть пропитания Неарху приходилось добывать грабежом прибрежных городов. Но даже после удачных набегов продуктов не хватало для такой массы людей, и они почти все время голодали.

Однажды греки причалили к острову, который теперь называется Асталу. В то время существовала легенда, что на этом острове живут сирены и что ни один странник, ступивший на него, не возвращался назад. Неарх высадился на этот остров, но его ждало разочарование: никаких сирен там не было.

Наконец пустынные берега кончились. Флот обошел мыс Джаск и приблизился к нынешней провинции Кирман. Здесь была плодородная почва, и грекам удалось достать зерна и свежих овощей. Около Ормуза экспедиция расположилась на отдых. Через некоторое время Неарх двинулся дальше, отряжая во все стороны разведывательные экспедиции. Капитан Бахиас открыл Бахрейнские острова, назвав их Тилос. Андросфен доплыл до Абу-Даби (современная столица ОАЭ) и сообщил о торговле жемчугом на Аравийском побережье. Гиерон обогнул по морю Аравию, но вынужден был преждевременно вернуться, поскольку моряки пришли в ужас от увиденных ими бескрайних пустынь, подступающих к морю. Еще одна экспедиция достигла района современного Южного Йемена, но также вернулась раньше срока из-за того, что людям не хватило продовольствия и главное – воды; песчаные берега были безжизненны.

Таким образом, во время своего плавания от устья Инда корабли Неарха исследовали почти все побережье Персидского залива. Очевидно, это была только первая географическая экспедиция, за которой должны были последовать многие другие. Ранняя смерть Александра помешала осуществлению этих планов.

Плавание Евдокса

«Некто Евдокс во времена наших дедов бежал от египетского царя Сатира и добрался до Аравийского залива через море до Гадеса».

Римский писатель Помпоний Мела уместил всю захватывающую историю о путешествиях Евдокса в две строчки. Его соотечественник, географ и историк Страбон, был более словоохотлив. Правда, Страбон страдал необъективностью в описании дел своих предшественников, обвиняя всех (кроме себя) в недостоверности, лжи, выдумках и тому подобных грехах. Не поверил он и рассказу о плавании Евдокса. Но тем не менее он привел его целиком – со ссылкой на рассказ другого ученого Античности, Посидония, известного своей сдержанностью и взвешенностью в оценках.

Евдокс был родом из малоазийского города Кизика. Он появился в Египте около 116–115 гг. до н. э., в годы царствования царя Птолемея Эвергета. Египтяне отметили, что пришлый грек, вероятно, опытный моряк или, во всяком случае, «не без сведений в этом предмете». Спустя некоторое время к царскому двору был доставлен некий загадочный человек, которого стража полумертвым подобрала на берегу Красного моря. Царь распорядился обучить пришельца греческому языку и, когда тот уже смог связно разговаривать, с интересом выслушал его историю. Человек оказался индийцем; по его словам, он и его товарищи плыли на корабле из Индии, однако заблудились в море. Припасы на борту закончились. Все его спутники умерли от голода, и лишь его судьба пощадила, выбросив на египетский берег вместе с полуразвалившимся кораблем. В благодарность за свое спасение индеец брался показать слугам царя дорогу в богатую Индию...

Предложение выглядело заманчивым, и царь поручил это опасное предприятие Евдоксу. К удивлению всех, грек блестяще справился с заданием. Он вернулся из Индии с грузом благовоний и драгоценных камней, а также с завораживающими рассказами о богатстве далеких земель и том, как индусы добывают самоцветы: одни из них приносятся реками вместе с обычной галькой, а другие выкапывают из земли, так как они «затвердели из жидкого состояния подобно нашим кристаллам». Однако надежды Евдокса на заслуженную награду не оправдались, потому что царь Эвергет отнял у него все товары.

После смерти Птолемея Эвергета власть наследовала его супруга Клеопатра. Она вновь отправила Евдокса в Индию. При возвращении корабль отнесло ветрами в некую «страну, находящуюся выше Эфиопии» (речь идет о побережье Восточной Африки). Евдокс – как, по-видимому, и его спутники – впервые оказался в этих водах. Идя вдоль берега на юг, он бросал якорь в разных местах и везде старался завязать дружеские отношения с местными жителями. Моряки оделяли туземцев хлебом, вином, сушеным инжиром, а взамен получали пресную воду и проводников. С помощью последних Евдокс даже составил небольшой список слов местного наречия.

Однажды, высадившись на берег, моряки сделали совершенно неожиданную находку: деревянный обломок носа какого-то погибшего корабля с вырезанным на нем изображением коня. Откуда взялся этот странный предмет? Ведь никто из местных жителей не строит подобных кораблей и не плавает на них! Расспрашивая туземцев, Евдокс узнал, что однажды возле этих берегов потерпело крушение большое судно с незнакомыми людьми. Но более всего грека поразило то, что, по словам аборигенов, это судно пришло... с запада!

Неужели «Ливию» (Африку) можно обойти с запада? Эта мысль не давала Евдоксу покоя вплоть до возвращения к родным берегам. В Египте его встретили, как и в прошлый раз, неприязненно: обобрав путешественника до нитки, царские слуги отправили его восвояси. Евдокс, прихватив с собой найденный на далеком африканском берегу обломок корабельного носа, отправился в гавань. Здесь, переходя от лавки к лавке и от таверны к таверне и расспраши-

вая купцов и моряков, он наконец смог установить принадлежность находки: опытные люди опознали в ней фрагмент гадитанского корабля. Только жители Гадеса украшают свои суда подобными деревянными конями. Богатые гадитанские купцы снаряжают большие корабли, бедные же посылают маленькие суда, которые так и называются – «конями», по изображению на носках кораблей. На таких «конях» гадитанцы ходят на рыбную ловлю у берегов Западной Африки вплоть до реки Ликс.

Гадес (ныне Кадис) – древняя финикийская колония на юго-западном, атлантическом побережье Испании, основанная в незапамятные времена. Как, каким образом моряки из Гадеса могли оказаться на восточном берегу Африки? Одним-единственным путем: обогнув континент с запада. Ведь рассказывали же туземцы, что загадочный корабль пришел с запада...

Собрав пожитки, Евдокс сел на первое же попутное судно и отправился на запад Средиземноморья. Его путь лежал через Дикеархию и Массалию в Гадес. Добравшись до желанной цели, он рассказал гадитанским купцам о своей находке, из которой следовал неоспоримый вывод: Африку можно обогнуть по морю! А если от побережья Эфиопии взять курс на восток, то можно дойти и до сказочно богатой Индии, куда он, Евдокс, дважды самолично водил корабли египетского царя... Трудно избавиться от ощущения, что именно из этих рассказов много лет спустя родилась уверенность в том, что Индию можно попасть, обогнув Африканский континент. Во всяком случае, в эпоху Великих географических открытий португальские моряки будут упорно стремиться сделать именно это!

Но этих событий придется ждать еще полторы тысячи лет. А пока Евдокс, получивший полную поддержку гадитанцев, снаряжает большой корабль, готовясь пройти морским путем вдоль побережья «Ливии». Вместе с ним в море должны были выйти и две большие лодки, «похожие на пиратские». Экспедиция затевалась многолюдная: помимо экипажей кораблей, в ее состав входили разного рода ремесленники, врачи и даже музыканты. Возможно, речь даже шла о предстоящей колонизации новооткрытых земель. Несомненно, что конечной целью экспедиции должна была стать Индия – рассказывая об отплытии, Посидоний неожиданно обмолвился: по его словам, Евдокс «поплыл в открытое Индийское море, сопровождаемый попутным ветром». Но из Гадеса при всем желании нельзя сразу попасть в «Индийское море» – только в Атлантический океан или, на худой конец, в море Средиземное. Так что «Индийское море», по-видимому, являлось лишь отдаленной целью Евдокса...

Корабль и лодки шли вдоль побережья «Ливии» до тех пор, пока экипажи и пассажиры не выбились из сил. Все чувствовали себя крайне утомленными, и Евдокс распорядился причалить к берегу, чтобы люди после долгого плавания смогли наконец отдохнуть и почувствовать твердую землю под ногами. Однако при подходе к берегу корабль сел на мель. Впрочем, катастрофы не произошло, берег был близко, и морякам удалось сперва перегрузить с него все запасы и товары, а затем и разобрать корпус на бревна и доски. Из них путешественники построили другое судно – «почти равное по силе пятидесятивесельному кораблю» (корабли подобного рода использовались карфагенянами для дальних плаваний). На этом судне Евдокс и его спутники снова вышли в море.

После долгих дней плавания Евдокс встретил где-то на побережье «Ливии» людей, говоривших на знакомом ему наречии: словарик именно этого языка он наскоро составил во время своего давнего путешествия к берегам Восточной Африки! Как оказалось, «живущие здесь люди принадлежат к одному племени с эфиопами».

Далее Посидоний (рассказ которого приводит Страбон) произносит совсем удивительную фразу: «Окончивши путь в Индию, он возвратился домой». Неужели от берегов «страны эфиопов» Евдокс прямехонько отправился в Индию? И достиг ее? И благополучно вернулся домой, на Пиренейский полуостров? И сделал это за 1700 лет до Васко да Гамы?

Не верится. Но как тогда можно толковать слова Посидония? То, что «страна эфиопов» – не Индия, Евдокс прекрасно знал. Следовательно, не здесь окончился его путь. И не отсюда он возвращался домой...

«На обратном пути он увидел остров, пустынный, хорошо снабженный водой, покрытый деревьями, и заметил его положение» (речь идет о Мадагаскаре?). Благополучно достигнув северо-западного побережья Африки, Евдокс продал свои корабли и отправился ко двору местного царька Бага. Он предложил африканцам предпринять морскую экспедицию, однако придворные отговорили царя от этой затеи. Тогда Евдокс бежал в римские владения, а оттуда вновь перебрался в Иберию. Здесь он построил два больших корабля, взял на борт земледельческие орудия, семена и плотников и опять вышел в море, по уже знакомому маршруту. В случае задержки в пути он намеревался высадиться на открытом им острове (Мадагаскаре?), посеять семена, собрать урожай, а на следующий год отплыть отсюда к берегам Индии...

Греческий географ и историк Страбон

«До этого момента известна мне история Евдокса, – заключает Посидоний, – что случилось с ним после, то, вероятно, знают жители Гадеса и Иберии». О человеке, который «проделал путь из Испании в Эфиопию», действительно упоминает ряд античных авторов. «Не следует отвергать теоретическую возможность того, что после экспедиции фараона Нехо еще одно средиземноморское судно дошло до мыса Доброй Надежды и обогнуло Африку, – считает Р. Хенниг. – Однако никаких достоверных доказательств того, что нечто подобное действительно было, совершенно не сохранилось».

Путешествие в страну Агасимба

Вскоре после 100 г. н. э. римлянин Юлий Матерн, которого историки отождествляют с наместником Нумидии, известным по другим источникам, предпринял смелую экспедицию в Юго-Западную Сахару. В результате похода, продолжавшегося четыре с половиной месяца, римляне прошли через всю область пустынь и добрались до страны под названием Агисимба – вытянутой в длину, гористой и кишашей дикими зверями...

Вопрос о местоположении Агисимбы до сих пор остается предметом споров. Свидетельство Птолемея (II в.) о том, что там во множестве обитали носороги, указывает на область, богатую реками и водоемами; по его же словам, жителями Агасимбы были «эфиопы», то есть чернокожие. Много столетий спустя французский ученый Вивьен де Сен-Мартен пытался отождествить Агисимбу с сахарским оазисом Асбен, но там едва ли могли водиться носороги. Страна, изобилующая водой и населенная неграми, должна была находиться лишь к югу от великой пустыни. Некоторые исследователи даже отождествляли ее с Зимбабве!

Скорее всего, Агасимбу следует искать на богатых водой низменностях вокруг озера Чад. Таким образом, наместник Нумидии Юлий Матерн и его люди совершили одно из величайших достижений в истории географических открытий: ведь в следующий раз европейцы сумели добраться до озера Чад только в 1823 г.! Впрочем, бесспорных доказательств пребывания римлян на берегах Чада нет, хотя сообщение Птолемея об этом походе большинство ученых признает «вероятным». В любом случае «страну Агисимба» следует считать самым южным пунктом, которого достигли путешественники Античности.

«И Туле не будет пределом земли...»

«Лжец» Пифей доставил жителям Средиземноморья невероятно ценные, но настолько непривычные сведения о странах Северной Европы, что им отказались верить. Вплоть до 84 г. н. э. вопрос о том, является ли «открытая» Юлием Цезарем Британия островом, оставался предметом дискуссий. Впрочем, многие географы того времени (Плиний, Помпоний Мела), твердо знали, что Британия – это остров, но и располагали сведениями об островах и землях, лежащих далеко к северу, – Оркнейских и Шетландских островах, о загадочной «ульtima туле» (Норвегия, или, что менее вероятно, Исландия). Однако окончательно все точки над «i» расставила морская экспедиция Юлия Агриколы, римского наместника в Британии.

Статуя Агриколы

Это путешествие было связано с военно-морской операцией, проведенной Агриколой во время войны с каледонцами. Одержав ряд побед на суше, Агрикола, стремившийся завершить

покорение страны, захотел выяснить, как далеко она простирается на север и насколько заслуживают доверия сведения о северных морях, полученные в свое время от Пифея (над которыми тогда смеялся весь научный мир). Римский флот отправился вдоль побережья Шотландии на север. Мореходам удалось обогнуть Британию с севера и окончательно установить островной характер этой земли. На севере, в туманной дымке, вырисовывались очертания других островов, которые моряки приняли за легендарную землю Туле (в реальности это были Оркнейские острова), однако экспедиция была предпринята в неудобное для плавания время года, так что римский флот не отважился приблизиться к далекой суше. Агрикола лишь ограничился кратким сообщением о том, что Туле «была усмотрена издали, но приказ был ехать лишь до этих мест, да и зима приближалась». Кроме того, по сообщению римского наместника, море на севере Шотландии «малоподвижно и тяжело для гребцов; оно даже и ветрами не поднимается значительно...».

Плавание римского флота вокруг Британии в 84 г. стало лишь частичным повторением подвига Пифея, хотя подготовлено оно было со значительно большим размахом. И хотя многого добиться не удалось, достижения Агриколы все же заслуживают признания. Это, видимо, была первая после Пифея попытка проникнуть в области, лежащие к северу от Британии; с 84 г. островная природа Британии уже никогда больше не оспаривалась.

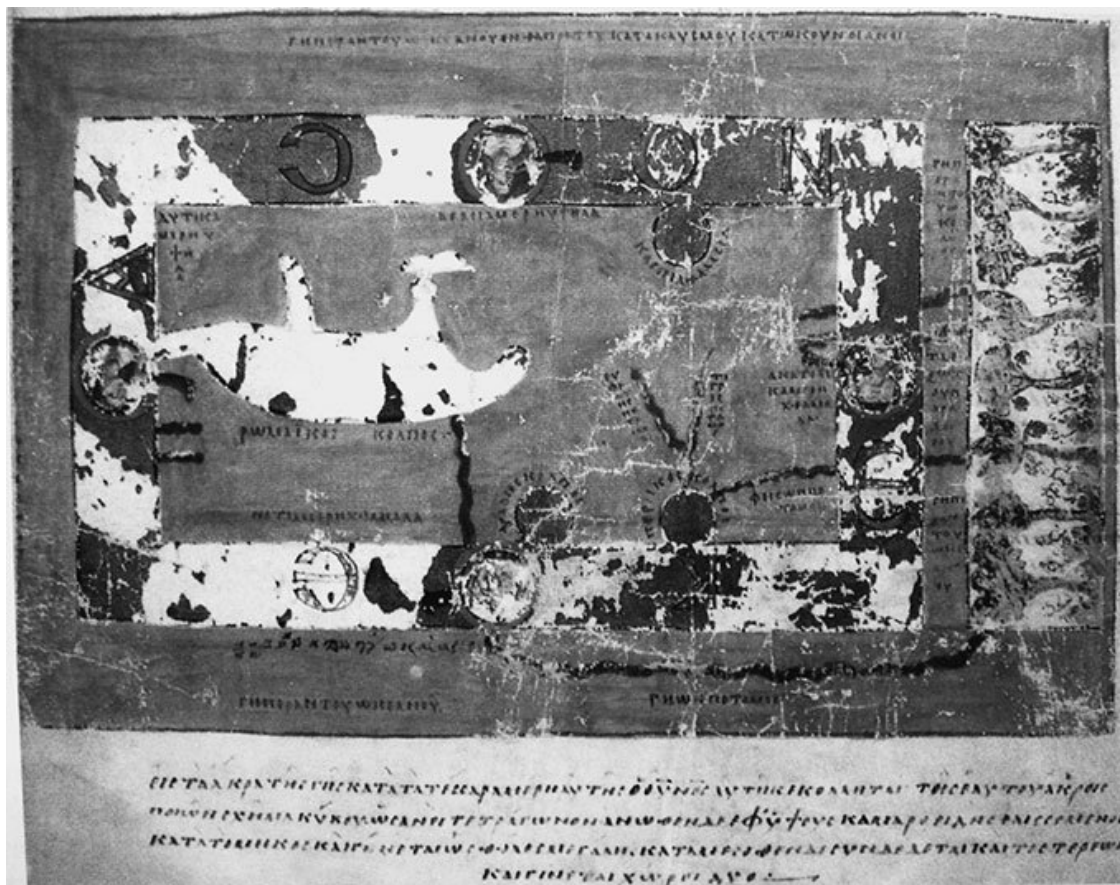
Открытие Эллады

Имя древнегреческого путешественника и географа Павсания вернулось из долгого забвения в 1516 г., когда в Венеции был издан его фундаментальный труд «Описание Эллады», во многом не утративший своей актуальности вплоть до сегодняшнего дня. О личности его автора мы сегодня знаем преимущественно только из того, что он сам мимоходом сообщает о себе на страницах своего объемистого сочинения. Павсаний родился около 115 г. н. э. в Лидии (Малая Азия). Он много путешествовал, побывал во всех главнейших областях материковой Греции: Аттике, Лаконии, Мессении, Элиде, Ахайе, Аркадии, Беотии и Фокиде; по всей видимости, совершал он и более далекие путешествия, побывал в Риме и Палестине. Великие памятники античной Греции к тому времени уже большей частью находились в упадке, Павсаний видел и описал их уже на закате великой культуры. Он побывал в Микенах и запечатлел на страницах своей книги величественные руины этого древнего города. Циклопические стены Тиринфа – города, считавшегося родиной Геракла, – восхищенный Павсаний сравнил с египетскими пирамидами. Он оставил подробное описание афинского Акрополя: «Весь Акрополь – отвесная скала, и обнесен он крепкой стеной. Пропилеи имеют крышу из белого мрамора, и по красоте и размерам камня до сих пор нет ничего лучшего...» О знаменитом театре в Эпидавре Павсаний отзывается как о примере несравненной гармонии и красоты.

На страницах своей книги Павсаний описывает лишь то, что видел своими глазами и слышал от местных жителей, а если добавляет что-то от себя, то указывает на это. Именно в этой бесхитростности и беспристрастности заключается главная ценность его труда, который сегодня принято называть «путеводителем по Древней Греции». Ценнейшие исторические сведения, приводимые Павсанием, нередко заменяют собой утраченные первоисточники. Знаменитый археолог Генрих Шлиман, открывший царские гробницы в Микенах руководствовался указаниями Павсания. Он писал: «Я нисколько не сомневаюсь, что мне удалось найти те самые гробницы, о которых Павсаний пишет, что в них похоронены Атрей, царь эллинов Агамемнон, его возница Эвримедон, Кассандра и их спутники». Книга Павсания представляет особую ценность и для историков искусства, поскольку путешественник привел в ней точное и подробное описание многих шедевров скульптуры, архитектуры, живописи, включая утраченные.

По поверхности плоской земли

Уроженец Александрии Козьма Индикоплов завоевал в эпоху раннего Средневековья широкую известность благодаря своей книге «Христианская топография» (ок. 547 г.). В ней он, пытаясь привлечь на свою сторону авторитет Библии и начисто отвергая все достижения географов и путешественников прошлого, утверждал, что земля плоская, что она стоит на четырех столбах, а центром ее является Иерусалим и что она, как крышей, покрыта небесами, которые, в свою очередь, рассечены надвое небесным сводом, отделяющим старую землю от новой... Парадоксально, однако, что наряду со всеми этими глупостями (которых, к слову сказать, в Библии нет) в книге Козьмы Индикоплова содержится масса чрезвычайно важных географических, культурно– и естественно-исторических сведений, которые придают этому сочинению огромную ценность. Несомненно, что все эти сведения получены как в результате личных наблюдений Козьмы Индикоплова, так и из рассказов очевидцев. Все это, а также прозвище Козьмы – Индикоплов, то есть «плававший в Индию», – указывает на то, что перед нами не просто собрание досужих вымыслов, а записки человека, лично побывавшего во многих дальних странах.

Картина мира по Козьме Индикоплову

О самом Козьме известно мало. Он происходил, как считается, из семьи александрийских купцов, в первой половине VI в. совершил далекие морские плавания по странам Индийского океана, а на склоне лет постригся в монахи и остаток жизни, видимо, провел в одном из монастырей на Синайском полуострове. Во время своих путешествий (их дата устанавливается на основе книги Козьмы – между 520 и 530 гг.) он побывал в Индии, на Цейлоне, в Абиссинии

и даже, возможно, достиг истоков Нила (маршруты его путешествий не совсем ясны). Особое место, которое занял Козьма среди путешественников своей эпохи, объясняется не только тем, что человек из раннехристианского мира сумел побывать в «стране чудес» – Индии; в ту эпоху это было хотя и редким, но не единичным явлением. Любопытно другое: именно Козьма Индикоплов одним из первых упоминает о загадочной *terra ultra Oceanum* – «земле за океаном». Это туманное сообщение оставалось нерасшифрованным вплоть до эпохи Колумба. Одни видели в нем намек на то, что за Атлантическим океаном лежат неведомые земли, другие считали их доказательством того, что Атлантический океан простирается на западе вплоть до берегов Китая и Индии. Последнее все же очень сомнительно: Козьме Индикоплову, при его нелепом представлении о «плоской земле», и в голову не могло прийти, что, следуя на Запад, можно добраться до Азии...

Путешественники из поднебесной

Кенгуру при дворе китайского императора

«Фан» – «парус». Иероглиф с этим значением появился в Китае около 1000 г. до н. э. Первые китайские паруса очень напоминали плетенные из тростника циновки. А тип классической китайской джонки – с плоским дном и почти вертикальными носом и кормой – окончательно сформировался лишь к началу нашей эры.

Дошедшие до наших дней свидетельства ранних китайских морских плаваний отрывочны (или малоизвестны). Известно, что уже в 221 г. до н. э. жители города Цюаньчжоу (провинция Фуцзянь) вели оживленную морскую торговлю. Из далеких стран, лежащих к югу и юго-западу от Китая, они получали носорожьи рога, слоновую кость и драгоценные камни. Вполне возможно, что китайские купцы сами ходили за этими товарами к побережью Вьетнама или Малакки: как свидетельствуют археологические раскопки, в 221–207 гг. до н. э. на древних верфях в Чжуншаньсилу близ Гуаньчжоу строились суда грузоподъемностью 25–30 тонн.

Древние китайские судостроители использовали железные гвозди, составы для конопачения, бамбуковые доски. В I в. до н. э. они изобрели руль. Спустя еще 100 лет китайцы стали строить многомачтовые корабли. Между V и VIII столетиями китайцы изобрели суда с гребными колесами, приводимыми в действие рабами. К XII в. они уже строили огромные военные корабли, насчитывающие до 23 гребных колес на каждом судне. 15-метровый руль одного из таких кораблей недавно был обнаружен археологами на побережье Южного Китая. Теперь он хранится в Пекинском музее.

В VII–VIII вв. китайские торговые суда из Цюаньчжоу регулярно посещали порт Софалу на восточноафриканском побережье, минуя арабских посредников. В 863 г. китайский географ Дуан Чэньши описал торговлю рабами и производство слоновой кости и серой амбры в стране Бобали – считают, что речь идет о Сомали. Начиная с IX столетия китайские источники начинают сообщать надежные и достаточно подробные сведения об Африке.

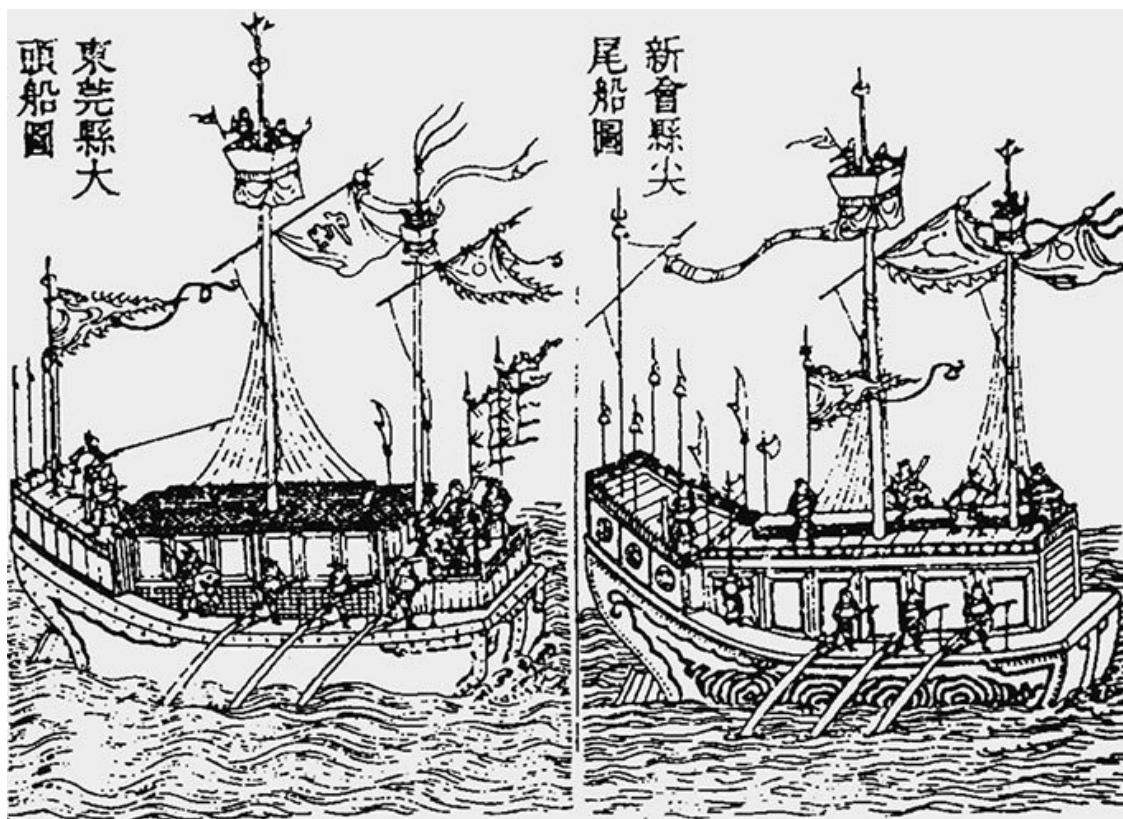
Китайские императоры целенаправленно отправляли в море целые экспедиции, имеющие своей целью «высматривать неведомые страны». Во время одного из таких плаваний (605 г.) экспедиция военного советника Чу Гуаня открыла некое «царство Люцю» – возможно, речь идет об островах Рюкю или Тайване, а может быть, и о Филиппинах. Экспедиция была в целом неудачной: после нескольких вооруженных столкновений с аборигенами «всякие связи со страной Люцю прекратились».

Бурное развитие китайского мореплавания начинается на эпоху династии Сун (960–1279 гг.). Многочисленные археологические свидетельства, прежде всего находки фарфора и следов кораблекрушений, указывают на присутствие китайских мореходов во всей Юго-Восточной Азии. С конца X в. китайцы завязали тесные сношения с жителями острова Борнео, проникли на Малые Зондские острова, установили прочные контакты с Явой, Суматрой, Цейлоном и Индией, встретились с арабскими купцами («да-ши»). В XI–XII вв. укрепленные китайские торговые фактории были основаны на Филиппинах. Китайские морские торговые маршруты достигали на севере – Кореи и Японии, на юге – Австралии. В 1178 г. таможенный чиновник из Цюаньчжоу Чжоу Цюфэй описал далекие острова на западе (Мадагаскар?), жители которых – «черные, как лак», со вьющимися волосами – были захвачены и проданы в рабство арабским купцам.

Арабский Восток был одним из главных направлений китайской морской торговли. Фустат (Старый Каир) на протяжении 500 лет, начиная с эпохи династии Тан, являлся главным потребителем китайского фарфора. Большие количества фарфора обнаружены в Омане

– порты на побережье Аравии играли важную роль в торговле с Китаем. Помимо фарфора на арабском рынке были весьма желанны китайские шелк, хлопчатобумажные ткани, лаковые изделия, медные деньги, красители и бумага.

В начале XIII столетия флот Сунов владел морями от побережья Камбоджи до Японии и Кореи. Общее количество одних только военных судов достигало 600. Арабский путешественник Ибн-Баттута, побывавший в 1340-х гг. в Китае, видел колоссальные корабли, которые строились на верфях Зайтуна (Цюаньчжоу) специально для дальних плаваний в океане. «Каждый из них, – пишет Ибн-Баттута, – имеет на борту 1000 человек: 600 моряков и 400 солдат, и сопровождают его три посыльных судна».

Китайская флотилия на старом рисунке

Компас («югоуказующая игла») появился у китайцев в III в. до н. э., однако лишь с IX в. его стали использовать в мореходстве. Тем не менее еще в начале нашей эры китайские мореплаватели совершали регулярные рейсы на юг, к Зондским островам, – это доказано археологическими находками. Есть все основания полагать, что средневековым китайским мореходам были известны многие острова Тихого океана, лежащие на юге и юго-востоке. Еще в III в. н. э. китайская хроника «Вэйши» сообщала что острова Тихого океана тянутся на 5000 миль и что кораблю нужен год, чтобы достичь самых отдаленных из них. В некоторых китайских текстах можно встретить описания заморских животных, напоминающих... кенгуру! Самое раннее подобное свидетельство встречается в хронике Ши Цзу (338 г. до н. э.), где речь идет о кенгуру (?), привезенных для императорского зверинца. Подобные сообщения появлялись и в нескольких более поздних источниках. А в одной из китайских книг, написанной до 338 г. до н. э., как считают, описаны австралийские аборигены и использование ими бумеранга.

Плавание к острову Бессмертных

Памятник Сю Фу в Вэйхае, Китай

Древние китайцы верили в существование «Великого острова Бессмертных», расположенного где-то в Восточном море. По преданию, на этом острове росла трава, дающая бессмертие. Император Цинь Шихуанди отправил некоего Сю Фу в далекую морскую экспедицию на поиски чудесного эликсира бессмертия. Для Сю Фу собрали большой флот из джонок и плотов и в сопровождение предоставили около 3000 девственных и «с хорошим характером» юношей и девушек, а также рабочих и воинов. Суда нагроулили большим количеством денег, продовольствия и различных материалов, взяты были также домашний скот, зерно и семена растений. В 219 г. Сю Фу и его спутники вышли из гавани на южном берегу Шаньдунского полуострова в Восточный (то есть Тихий) океан и взяли курс на восток. Экспедиция достигла какого-то острова, где обнаружила несколько больших озер. В 210 г. до н. э. Сю Фу вернулся в

Китай с просьбой выделить ему в помощь искусных стрелков и изготовить специальные луки для охоты на тюленей. Император удовлетворил просьбу, и Сю Фу вновь отбыл за море. Позже появилась легенда, что он благополучно добрался до Японии и стал первым японским императором. Действительно, из островов Тихого океана к берегам Китая на востоке ближе всего расположены Японские острова, причем на самом ближнем из них, Хонсю, обнаружена китайская керамика времен династии Цинь. Скорее всего, Сю Фу имел точную информацию о положении Хонсю. Древнекитайские моряки открыли и, видимо, много раз посещали не только этот остров, но другие острова Японии. Иначе трудно объяснить, почему экспедиция Сю Фу была столь многочисленной.

Странствия Сыма Цяня

Великому китайскому историку Сыма Цяню (145 или 135 – ок. 86 до н. э.), автору «Ши цзи» («Исторических записок») – первой истории Китая с древнейших времен, – в Китае даже посвящен храм. Все поколения средневековых китайских историков считали себя последователями Сыма Цяня, а стиль и манера изложения великого историка стали для них каноном.

Сыма Цянь рано стал обучаться книжной премудрости. Однако, усердно занимаясь науками, Сыма Цянь вовсе не стал сухим книгоедом. Ему хотелось самому поглядеть на места, где происходили события, о которых он читал, посмотреть на мир, познакомиться с нравами и обычаями разных районов империи, поговорить с людьми. 20-летним юношей Сыма Цянь отправился странствовать. Сначала путешественник поехал на восток от столицы, затем повернул на юг и, переправившись через Янцзы, пришел в земли бывшего княжества Чу (нынешние провинции Хунань и Хубэй). Перед юношей предстала гора Девяти Сомнений (провинция Хунань), где, по преданию, был похоронен добродетельный император Шунь. Девять вершин этой горы были так похожи друг на друга, что их постоянно путали. Отсюда и произошло ее название.

После долгого пути по реке Янцзы молодой путешественник совершил восхождения на знаменитые горы Китая. Одна из них, Гуйцзи (провинция Чжэцзян), была связана с именем легендарного императора Великого Юйя. Здесь он умер, удалившись в пещеру. Сыма Цянь осмотрел ее. Поднявшись еще на одну знаменитую гору – Гусу (провинция Цзянсу), Сыма Цянь увидел на горизонте множество озер, соединенных протоками и сливавшихся в сплошную серебристую равнину. На этой равнине высились укрепления и дворцы, воздвигнутые правителями княжества Чу. Сыма Цяня поразила величественность этих памятников.

Переправившись на северный берег Янцзы, путешественник оказался в уезде Хуайинь, на родине Хань Синя, знаменитого полководца. Сыма Цянь беседовал со стариками, знавшими подробности жизни этого выдающегося человека. Отправившись отсюда на север, Сыма Цянь прибыл в столицу княжества Лу (провинция Шаньдун) – родины Конфуция. Сыма Цянь приехал сюда для того, чтобы как можно лучше и полнее ознакомиться с конфуцианством, влияние которого на китайскую культуру было очень велико. Поэтому он много дней уделил усердным занятиям в столицах княжеств Лу и Ци.

Сыма Цянь

Отсюда путешественник двинулся на юг. В провинции Цзянсу еще были живы старики, помнившие молодого Лю Бана – основателя династии Хань. Бахвал и гуляка, он неоднократно пускался в сомнительные проделки. Когда в 209 г. до н. э. вспыхнуло восстание против династии Цинь, Лю Бан примкнул к народному движению. Местные жители избрали его своим начальником и поставили во главе повстанческой армии. Так началась карьера первого ханьского императора. Сыма Цянь долго беседовал с местными стариками, выясняя подробности восстания, и посетил семьи сподвижников Лю Бана.

Город Далян (ныне Кайфэн) был последним важным пунктом на пути следования Сыма Цяня. Он приехал домой, обогащенный огромными материалами по истории, литературе, философии, географии и хозяйственной жизни Китая.

Тридцатилетняя одиссея Бань Чао

В 73 г. главнокомандующий китайской армией отправил одного из своих офицеров по имени Бань Чао с посольством в западные княжества, чтобы восстановить с ними связи и убедить их признать над собой власть Китая. Во главе отряда из 36 человек Бань Чао сперва отправился в княжество Шэньшэнь (около озера Лобнор) и повел переговоры с тамошним князем. Вначале эти переговоры были безрезультатны, потому что сюда же, как оказалось, приехал посланец хана кочевников-сюнну и со своей стороны тоже вел переговоры с князем. Бань Чао устранил препятствие, действуя весьма решительно: он убил ханского посланца, перерезал его свиту и, устранив князя Шэньшэни решительностью своих действий, заставил его стать вассалом Китая.

Затем Бань Чао направился дальше на запад. Посещая одно княжество за другим и действуя различными методами, он везде с неизменным успехом добивался признания власти китайского императора. Таким образом он добрался до Кашгара.

Путешествие Бань Чао продолжалось 3 года. За это время при китайском дворе взяла верх группировка, которая считала, что продвижение Китая на запад связано с очень большими, не оправдывавшими себя расходами. Бань Чао был отозван в Китай. Однако он сумел убедить императора не отказываться от политики продвижения на запад. Бань Чао пообещал, что добьется успеха на западе без затраты средств и без посылки армий. План его заключался в том, чтобы подчинять еще непокоренные государства воинскими силами княжеств, уже покорившихся Китаю. Бань Чао заявил, что если в его распоряжение дадут несколько сот опытных солдат и офицеров, то он сумеет сформировать на западе достаточно сильную армию, которая поможет осуществить его планы.

Император дал свое согласие, и Бань Чао в продолжение 17 лет с неизменным успехом осуществлял покорение запада. В 97 г. он перевалил через горы Тяньшань и с 70-тысячной армией подошел к берегам Каспийского моря. Отсюда Бань Чао отправил одного из своих подчиненных по имени Гань Ин на запад, чтобы найти путь в богатое и сильное государство Дацинь (Римская империя).

Бань Чао в камне. Кашгар, Китай

Гань Ин сперва добрался до государства Аньси (Парфия). Отсюда он проехал в страну Тяочжи (Месопотамия), но парфяне, вместо того чтобы объяснить ему, что река Евфрат является восточной границей Римской империи, направили его к Персидскому заливу, через который тогда лежал обычный путь купеческих судов, торговавших с Римом. Когда Гань Ин добрался до берегов «Великого моря» (Персидский залив), корабельщики устроили его рас-

сказами о трудностях морского пути. В итоге Гань Ин отказался от поездки в Римскую империю. По-видимому, парфяне нарочно умолчали о существовании сухопутной дороги и до предела сгустили краски, рассказывая об ужасах морского пути, – они боялись установления непосредственной связи между Китаем и Римом.

В 102 г. Бань Чао после 30 лет своей деятельности на Западе вернулся, наконец, в Китай. Прямая связь между Китаем и Римом так никогда и не наладилась. Но за это время китайцы многое узнали о Римской империи от торговавших с ними купцов и от народов западных стран.

Китайский Колумб

На рубеже III–II вв. до н. э. ослабленный Китай не раз подвергался набегам кочевников с севера. Самым опасным врагом Поднебесной был союз племен хунну. Для борьбы с этим воинственным народом китайские императоры начали искать союзников среди враждебных хунну кочевников. Ими могли оказаться юэчжи, некогда владевшие огромными степными пространствами к западу от излучины Хуанхэ. Но в 177 г. до н. э., потерпев поражение от хунну, юэчжи ушли в междуречье Сырдарьи и Амударьи. На поиски предполагаемого союзника император У Ди в 138 г. до н. э. направил своего посла Чжан Цяня.

Посольство отбыло на запад из Лунси, пограничного поста к северу от современного города Ланьчжоу. Приключения начались сразу же, едва Чжан Цянь пересек границу. В предгорьях Наньшаня, вступив во владения хунну, китайский посол был схвачен. Почти 10 лет пробыл Чжан Цянь в плену. Лишь в 128 г. до н. э. ему удалось бежать на запад. Сохраняло ли актуальность данное ему поручение после 10 лет плена? Он не знал, но упорно стремился выполнить однажды данное ему поручение. Через высокогорные перевалы Центрального Тянь-Шаня Чжан Цянь вышел к южному берегу озера Жехай (Иссык-Куль), к городу Чигу – ставке вождя усуней. Здесь ему стало известно, что юэчжи ушли дальше на юго-восток, в район Ферганы. Через горные перевалы и по долине Нарына китайский посол спустился в Ферганскую долину, в страну Давань, и пришел в ее столицу Гуйшань (Кассан). Правитель Давани гостеприимно принял Чжан Цяня, так как рассчитывал с его помощью завязать торговые сношения с Китаем. Он дал Чжан Цяню проводников к племени кангюй, кочевавшему в присырдарьинских степях, а кангюйцы помогли Чжан Цяню отыскать, наконец, юэчжи, обитавших к югу от них, за пустыней Кызылкум. Главная ставка вождя юэчжи располагалась в долине среднего Зарафшана. Однако вождь юэчжи отверг союз с Китаем. В то время юэчжи (в Европе они более известны как кушаны) покорили Греко-Бактрийское царство, расположенное в восточной части Иранского нагорья, обосновались там и вовсе не собирались воевать с хунну. Чжан Цянь прожил в Бактрии (он называет эту страну Дася) почти год, и в 127 г. до н. э. отправился на родину. Он обогнул с севера Памир, который называет Цунлин («Луковые горы»), через Алайскую долину и бассейн верхнего Яркенда вышел к верхнему Хотану (правый приток Тарима), а затем, идя вдоль южной окраины пустыни Такла-Макан и переходя от одного оазиса к другому, добрался до огромной плоской впадины, в которой расположено бессточное блуждающее озеро Лобнор. В тот год вода в нем была соленой, и Чжан Цянь назвал это озеро Соляным.

К востоку от Лобнора уже начинались владения хунну. Чжан Цянь снова оказался у них в плену. Только через год ему удалось бежать, и в 126 г. до н. э. вернуться в Китай. Из всех его спутников в живых остался только один. В своих 12-летних скитаниях Чжан Цянь прошел, по его собственным подсчетам, около 25 тысяч ли (14,2 тысячи км). От него китайцы получили первые достоверные сведения о степях и пустынях Центральной Азии, о великих центрально-азиатских горных системах – Тянь-Шане и Памире, о больших реках, берущих начало в этих горах, – Сырдарье и Амударье, текущих в «Западное море» (он смешивал Аральское море с Каспийским) и о Тариме, впадающем в Лобнор. С именем Чжан Цяня связывается появление в Китае люцерны, винограда, граната, огурцов, грецкого ореха и фигового дерева. По своим последствиям для Китая миссия Чжан Цяня сравнима со знаменитым путешествием Колумба к берегам Нового Света. По проложенному им маршруту на рубеже II–I вв. до н. э. пролегла южная ветвь Великого шелкового пути из Восточного Китая в страны Средней и Западной Азии.

Посольство Чжан Цяня. Фреска из Храма тысячи будд. Провинция Ганьсу, Китай

Странствия Фа Сяня

В I столетии н. э. в Китай из соседней Индии проник буддизм, а в IV веке новая религия уже переживала в Поднебесной невиданный расцвет. Ожилились культурные и религиозные связи Китая с Индией, чему немало способствовали сотни паломников, прокладывавших пути через пустыни и высокогорные перевалы Центральной Азии. Одним из первых таких паломников был Фа Сянь, один из самых известных путешественников китайской древности. Он же стал вторым китайским паломником, добравшимся до Индии и исходившим эту страну почти во всех направлениях, пробыв в пути целых 15 лет – с 399 по 414 г.

В 399 г. с группой паломников Фа Сянь отправился из родного города Сиань (Чань-ань) на северо-запад через Лёссовое плато. Пройдя по маршруту Великого шелкового пути до горы Босянцзы, паломники свернули на запад и после семнадцатидневного путешествия достигли озера Лобнор. Отсюда путешественники проследовали через неизвестную страну Ву-и в Турфан и достигли северных склонов хребта Куньлунь. Каракорум они преодолели через перевал Янги-Давань. За горами уже начинались северные земли Индии. Перейдя Инд в средней части его течения, Фа Сянь пришел в Пенджаб. Он пересек северную часть Индийского полуострова и, пройдя через большую солончаковую пустыню, лежащую к востоку от Инда, достиг области, которую Фа Сянь называет «Центральным царством».

Фа Сянь посетил буддийские святыни в долине Ганга, изучая и переписывая священные рукописи, хранившиеся в здешних монастырях. Для этого ему потребовалось несколько лет. В 411 г. Фа Сянь решает идти дальше. Сев на корабль в Тамлуке, в устье Ганга, он отплывает на Цейлон. Пробыв здесь еще два года, в 413 г. путешественник отправляется на торговом судне на Яву. На этом острове он провел 5 месяцев, пока, наконец, не решил вернуться на родину. Обратный путь оказался самым опасным. Фа Сянь покинул Яву в мае 414 г., поднявшись на борт торгового судна, идущего в Гуанчжоу (Кантон). В пути разразился шторм, и корабль, сбившись с курса, целый месяц бесцельно блуждал по морю. Среди пассажиров и части команды поднялся ропот. Кто-то пустил суеверный слух, что виной всему присутствие духовного лица на борту. Поднялось волнение; звучали призывы сбросить Фа Сяня за борт или, по крайней мере, высадить его на каком-нибудь пустынном острове. В конце концов кормчий, изменив курс, взял направление на северо-запад и спустя еще 12 дней благополучно привел корабль и пассажиров в Китай – правда не в Гуанчжоу, а в Лаушань, расположенный на полуострове Шаньдун.

Памятник Фа Сяню

Вернувшись из своего грандиозного путешествия на родину, Фа Сянь с горечью обнаружил, что в Китае буддийская религия начала подвергаться гонениям и привезенные им обширные познания – как религиозные, так и географические – никому не нужны. Тем не менее его путешествие все же побудило китайские власти возобновить дипломатические сношения с Индией. Благодаря путешествию Фа Сяня участились также и паломничества буддистов из Китая в Индию. А спустя несколько лет путешественник опубликовал свои записки под названием «Описание буддийских государств» («Фогоцзи»). В этом сочинении наряду с основным содержанием религиозного характера дается весьма выразительное описание около 30 областей Центральной Азии и Индии, приводится множество ценных исторических, географических и этнографических сведений.

Сюаньцзан в «странах Запада»

Среди многочисленных китайских пилигримов-буддистов, совершавших паломничества в Индию, Сюаньцзан занимает одно из самых первых мест. И не только потому, что, интересуясь географией, он совершил путешествие значительно большего размаха, чем все его предшественники и последователи, но прежде всего благодаря оставленному им труду. Составленные им «Записки о странах Запада» сегодня причисляют к величайшим шедеврам географической литературы раннего Средневековья.

Путешествие Сюаньцзана длилось около 16 лет. Началось оно в августе 629 г. Выйдя из города Сиань (Чань-ань), расположенного в Северо-Западном Китае, 26-летний Сюаньцзан направился через пустыню Гоби и Кашгарию к реке Чу и, перевалив через Тянь-Шань, достиг озера Иссык-Куль. Отсюда он повернул на юго-запад, пройдя через Ташкент и Самарканд до берегов Амударьи. Переправившись через эту великую среднеазиатскую реку возле Термеза, он добрался до Балха (Афганистан), где пробыл довольно долго, неоднократно совершая поездки в соседние области. Вновь отправившись в путешествие, он миновал Хайберский перевал и попал в долину Инда, а оттуда в Кашмир, где снова сделал долгую остановку. В Кашмире, а точнее, в его столице – городе Сринагаре, Сюаньцзан прожил два года. Дальнейший его маршрут не вполне ясен, однако в итоге путешественник оказывается уже в долине Ганга, в Кашмире, в «обетованной земле» паломников-буддистов. Сюаньцзан обошел эту землю во всех направлениях, добрался до самых истоков Ганга и, наконец, достиг Непала, где надолго задержался в Магадхе – центре буддийского паломничества. В большом и богатом монастыре Наланда Сюаньцзан провел целых пять лет. В течение следующих семи лет он путешествовал по Индии, побывал на берегах Брахмапутры и в Западном Ассаме, пересек Деканское плоскогорье, достиг самой южной оконечности Индии, вышел к Малабарскому побережью, затем снова поднялся на север к устью Инда. Отсюда китайский путешественник отправился через Газну, Кабул и Хавакский перевал в сторону Памира, миновал озеро Сарыколь, Кашгар, Яркенд, Хотан, Таримскую впадину и область пустынь в 645 г. возвратился в Китай.

Сюань Цзян. Картина китайского художника

Хотя Сюаньцзан не побывал ни в одной неведомой стране, его 16-летнее странствование все же принадлежит к числу величайших достижений Средневековья, и прежде всего потому, что паломник, проявляя подлинный интерес к географии, внимательно изучал все пройденные им «138 царств». По материалам, собранным за время путешествия, Сюаньцзан написал свои «Записки о странах Запада», завоевавшие огромную популярность в Средние века.

Через Гоби и Тянь-Шань

Слава об обширных знаниях алхимика и поэта Чан Чуня распространялась далеко за пределы Китая. Неудивительно, что сам великий завоеватель Чингисхан пожелал познакомиться с ним и пригласил мудреца в свою ставку, находившуюся в ту пору в Самарканде. 73-летний Чан Чунь скрепя сердце вынужден был принять предложение. В дальнюю дорогу он взял 19 своих учеников, в том числе Ли Чжичана, которому поручил вести дневник. Все комментаторы этого путешествия считают, что краткие и в большинстве случаев верные характеристики местности по пути следования, которыми изобилует дневник, принадлежат Чан Чуню. Но очевидно, что автором многих наблюдений является Ли Чжичан. Иными словами, заслуга первого описания восточной части пустыни Гоби, степей и гор Монголии и Тянь-Шаня должна быть поделена между главой миссии и ее «историографом».

Чан Чунь и его спутники вышли из Пекина в марте 1221 г. Перевалив горы, ограничивающие с севера Великую Китайскую равнину, путешественники двинулись на север по обширной степи, обильной травой и водой. Вскоре началась местность, где «нет рек, а население пробавляется колодцами, вырытыми в песке. С юга на север на пространство несколько тысяч ли... нет больших гор. Дорога шла по холмистой полосе... на земле не растут деревья, а только дикая трава, небо произвело здесь только холмы...» Севернее отряд вступил «в огромную полосу песка». Чан Чунь обратил внимание на обилие солончаков и небольших соленых озер. Путешественники достигли реки Халхин-Гол и, проследив ее до устья, 15 мая вышли в низовья реки Керулен, «воды которого образуют здесь озеро».

За рекой Тола (система Селенги) началась «равнина, на окраинах ее и горы и долины прекрасны, трава тучная и вода добрая...». 4 июля Чан Чунь остановился на отдых у южных отрогов нагорья Хангай. «Сосны и ели растут [здесь] густо... большей частью на северной стороне гор». Затем отряд двинулся на запад и шел вдоль северных склонов Монгольского Алтая. «Горы эти высоки и велики, с глубокими ущельями и длинными скатами». Чан Чунь пересек этот хребет. «Находясь еще в северной стороне песчаной полосы [Джунгарская Гоби], мы заметили на юге как будто серебристую зарю». Это был Восточный Тянь-Шань, как верно определил Чан Чунь, давший ему такую поэтическую характеристику: «Высоки как облака, белы как песок...»

Одноименный храм, связанный с именем Чан Чуня. Ухань, Китай

Войдя в долину реки Или, отряд переправился и 14 октября достиг города Алима (Алмата). По наблюдениям Чан Чуня, хребты Средней Азии гораздо выше гор Северного Китая; на южных склонах значительно теплее, чем на северных. Двигаясь в том же западном направлении, путешественники прибыли в реку Талас, которая течет «на северо-запад, глубока и широка». К северу, по сообщению Чан Чуня, «весьма много равнин... целое лето и осень не бывает дождя...». Отряд обогнул передовые хребты Западного Тянь-Шаня и 3 декабря 1221 г. вступил в город Самарканд, пройдя вдоль северных склонов этой горной системы около 2 тыс. км, т. е. почти по всей ее длине (2450 км).

В 1222 г. Чан Чунь сопровождал двор Чингисхана на юг, в город Балх, а уже в начале 1223 г. двинулся домой. В Пекин он прибыл в феврале 1224 г.

Удивительные путешествия адмирала Чжэн Хэ

Что за красочное зрелище! Сотни кораблей с поднятыми парусами медленно отходят от берега – величайшая флотилия всех времен. На носу каждого корабля сверкают глаза дракона, вселяющие ужас в души врагов и отгоняющие злых духов. Вокруг – множество мелких грузовых суденышек, призванных сопровождать экспедицию. Они везут тысячи тонн продовольствия и воды. Тысячи человек, отправившихся в далекий путь, не должны были ни в чем испытывать недостатка...

Бурное развитие китайского мореплавания начинается на эпоху династии Сун (960—1279 гг.). А в первой трети XV столетия китайцы буквально потрясли мир своими гигантскими по масштабам морскими экспедициями под руководством выдающегося китайского флотоводца Чжэн Хэ. Во время семи плаваний, совершенных в 1405–1433 гг., китайские моряки посетили Зондские острова, Малакку, Таиланд, Шри-Ланку, Индию, Мальдивские острова, страны Персидского залива, Аден, Сомали, Малинди (Кения). Некоторые участники экспедиции побывали даже в священном городе мусульман Мекке. Плавания Чжэн Хэ остались непревзойденными по числу кораблей и людей, участвовавших в них: так, в первой экспедиции приняло участие 317 кораблей с 27 870 людьми на борту, во второй – 249 кораблей, в третьей – 48 кораблей и 30 тысяч человек, в четвертой – 63 корабля и 28 560 человек, в седьмой – более 100 кораблей и 27 550 человек. На фоне этих астрономических цифр даже как-то неприлично вспоминать о трех каравеллах Колумба и всего-навсего сотне членов их экипажей...

Великий евнух императорского двора Чжэн Хэ был мусульманином, уроженцем южно-китайской провинции Юньнань. За 30 лет своей службы Чжэн Хэ не менее семи раз отправлялся в далекие морские экспедиции – то в качестве посла, то в качестве командующего флотом. Впервые он вышел в море в 1405 г.: император повелел ему разыскать своего беглого племянника, претендовавшего на трон. По слухам, он скрылся «где-то за морем». Вышедшая на его поиски эскадра Чжэн Хэ явно была несоразмерна поставленной задаче: в нее входили 62 больших корабля, каждый длиной 440 футов и шириной 180 футов, а на их борту находилось 17 800 человек. И это – не считая большого числа вспомогательных судов, которые везли запасы продовольствия, пресную воду, товары для торговли с туземцами, подарки иноземным правителям. С летним муссоном флот Чжэн Хэ двинулся на юго-запад: в Индокитай, на Яву, Суматру, Шри-Ланку (Цейлон), в Каликут. Послов китайского императора ждал самый теплый прием в странах, куда они прибывали. «Все без исключения иноземцы соперничали, кто опередит других в преподношении чудесных вещей, хранящихся в горах или скрытых в море, и редкостных сокровищ, находящихся в водной шире, на суше и песках», – сообщает китайская хроника. Так, правитель Тьямпы, государства в Южном Вьетнаме, выехал встречать Чжэн Хэ на слоне. За ним на лошадях ехали самые знатные придворные и шли парадом сотни солдат. Гремели барабаны, пели флейты. Казалось, вся держава готова была славить великого гостя.

За два года китайцы посетили около 30 стран и островов. «В девятом месяце 1407 года Чжэн Хэ и остальные возвратились. Послы от всех стран прибыли с ними и предстали перед императором... Император был очень доволен, наградив всех титулами в соответствии с заслугами», – сообщает «История династии Мин».

Вновь и вновь отправлял император Чжэн Хэ в дальние моря. Его корабли причаливали к побережью Никобарских и Мальдивских островов, стран Персидского залива, побывали в Адене, Могадишо (Сомали), Малинди, на Занзибаре. Эскадра Чжэн Хэ посетила острова Рюкю, лежавшие близ Японии, Филиппины, Борнео и Тимор. Из дальних плаваний Чжэн Хэ доставлял к императорскому двору бесчисленные сокровища. «Приобретенные ими неописываемые сокровища и товары трудно сосчитать», – говорится в «Истории династии Мин». Лишь с острова Ява китайский адмирал привез «рог носорога, панцири черепах, орлиное дерево,

укроп, голубую соль, сандаловое дерево, стручковый перец, древесную тыкву, борнеоскую камфару, бананы, бетелевые орехи, серу, красильный сафлор, сапановое дерево, молуккскую сахарную пальму, парадные мечи, плетеные циновки, бело-серых попугаев, обезьян». «Знаменем счастья», «знаком совершенного порядка и гармонии, утвердившихся в мире и империи» китайские хронисты сочли... живого жирафа, привезенного из Африки. В Китае увидели этого диковинного зверя впервые.

Флот Чжэн Хэ уходит в плавание

2 февраля 1421 г. корабли Чжэн Хэ вышли в пятое плавание – к берегам Аравии. В источниках оно задокументировано довольно точно: корабли достигли Адена, заходили в африканскую гавань Могадишо (Сомали). Плавание продолжалось полтора года. По его возвращении в 1423 г. ко двору императора были доставлены подарки из 15 стран, где побывала экспедиция.

Отважный мореплаватель в дальнейшем совершил еще несколько плаваний – правда, уже не таких масштабных (впрочем, существует гипотеза, что Чжэн Хэ сумел добраться до берегов Америки!). Между тем в 1424 г. император Чэнцзу, покровитель прославленного флотоводца, умер. Когда в 1433 г. Чжэн Хэ в последний раз возвратился в Китай, это уже была другая страна – страна, отгородившаяся от всего внешнего мира. Почти пять столетий Китай оставался в изоляции. За это время его хозяйство пришло в упадок. Обветшавшая, разворованная собственными чиновниками страна стала легкой добычей других держав. Лишь к концу XX в. Китай начал понемногу приближаться к ведущим государствам мира.

Горы и реки

Для Сюй Сякэ путешествием стала вся его жизнь. Еще десятилетним мальчиком он мечтал увидеть пять священных гор Китая, расположенных в разных концах огромной страны. Став взрослым, он, без преувеличения, исколесил весь Китай, став самым известным китайским путешественником Нового времени.

Памятник Сюй Сякэ

В 1607 г. Сюй Сякэ отправляется в свое первое путешествие на озеро Тайху, южнее устья Янцзы. Так начались его без малого 30-летние странствия. Спустя два года он предпринял более длительное путешествие, с юга на север пройдя приморские провинции Цзянсу и Шаньдун и добравшись до священной горы Тайшань. В 1613 г. Сюй Сякэ вновь отправляется в

дорогу. На этот раз от устья Янцзы он идет на юг через Ханчжоу, Шаосин в Нинбо, откуда вдоль побережья добирается до Лэцина. По пути он взбирается на горы При Тяньтайшань и Янданшань. Пробыв какое-то время в Нанкине, Сюй Сякэ в 1616 г. направился вверх по Янцзы до города Цзюцзян, отсюда повернул на юг, побывал на озере Поянху в Центральном Китае, а затем, пройдя многокилометровый путь, достиг горного массива Уишань. На обратном пути он поднялся на горный хребет Хуаншань, расположенный в южной части провинции Аньхой.

Горы и реки неустанно манили его. В 1618 г., повторив предыдущий маршрут через долину Янцзы, Сюй Сякэ от Цзюцзяна направился к горному хребту Лушань, а на обратном пути еще раз побывал в горах Хуаншань. Описанию этих гор посвящено немало страниц в «Записках» Сюй Сякэ. В 1623 г. путешественник посещает горные массивы Суншань, Тайхэшань и Хуашань, расположенные в бассейне Хуанхэ и нижнего течения Янцзы, а в 1628 г. отправляется в большое странствие в Южно-Китайские горы. Пройдя от Наньпина в юго-западном направлении до истоков реки Цзюлунцзян, он спустился по долине этой реки до Лунци и далее вдоль берега моря, преодолевая горные отроги с трудными перевалами, глубокими ущельями и бурными потоками, добрался до Хойяна, расположенного восточнее Гуанчжоу (Кантон). Недолго отдохнув после утомительного путешествия, Сюй Сякэ в следующем, 1629 г. отправляется в новый поход – на этот раз на север...

Последнее путешествие Сюя Сякэ стало самым долгим – оно продолжалось почти четыре года, с 1636 по 1640 г., – и самым масштабным. Путешественник обошел весь Южный Китай, по долине реки Люцзян спустился на юг провинции Гуанси, достиг границы Вьетнама, затем вернулся на север, дойдя до города Гуйян, нынешней столицы провинции Гуйчжоу, и оттуда вновь пошел на юг. Впереди его ждала самая трудная часть путешествия. Несколько недель Сюй Сякэ пробирался на запад через высокие горные хребты к границам Бирмы. Здесь, в верхнем течении великой реки Меконг, располагалась конечная цель его путешествия – гора Цицзюшань, расположенная вблизи бирманской границы...

Сюй Сякэ был не просто романтиком, но и дотошным исследователем. Его «Записки о путешествиях» стали настольной книгой для нескольких поколений китайских картографов и географов; эти записки были использованы также при составлении известного картографического и географического труда Мартини «Новый атлас Китая», изданного в Амстердаме в 1655 г.

Путешественники арабского Востока

Путешествие к «стене Гога и Магога»

Однажды халиф Васик увидел зловещий сон: далеко на севере, в стене, построенной для защиты от Гога и Магога, образовался пролом. Судьба цивилизованного мира повисла на волоске... Проснувшись, халиф в страшной тревоге принялся искать отважного человека, который бы отправился в дальнейшее путешествие, чтобы посмотреть, в каком состоянии находится стена. Его выбор пал на Саллама Переводчика, владевшего 30 языками. В помощь ему халиф дал 50 юношей и, щедро снабдив деньгами, отправил в далекий, полный опасностей путь. Два года и четыре месяца продолжалось путешествие. Тридцать шесть из 50 спутников Саллама погибли. И все же отважный путешественник выполнил поручение халифа и благополучно вернулся в Самарру, привезя с собой железную полосу от ворот, надежно запиравших оборонительную стену...

Это описание удивительного путешествия Саллама Переводчика можно было бы принять за сказку. Однако оно имело место в реальности! Владевший 30 языками толмач Саллам Алтарджеман около 844–846 гг. по приказу халифа Васика (842–847) действительно предпринял дальнейшее путешествие, пройдя, судя по всему, путь от Самарры (Ирак) до дальних пределов Китая. Отчет о его странствиях был в 846 г. записан знаменитым географом Ибн-Хордадбехом, занимавшим в те времена должность главного почтмейстера халифата. Можно утверждать с почти полной уверенностью, что он получил все сведения лично от Саллама.

Несколько странный, но в целом вполне правдоподобный рассказ Саллама давно стал объектом научных споров. О целях и значении этого путешествия высказывались самые различные мнения. Нет среди ученых и единого мнения относительно того, где побывал Саллам за два года странствий. Однако великий путешественник Ибн-Баттута еще в XIV в. утверждал, что Саллам, безусловно, достиг Великой Китайской стены. К аналогичным выводам приходят и многие современные исследователи.

Рассказ Саллама выдержан в сдержанном тоне, в нем нет ни одного «увлекательного» приключения и нет никаких столь популярных в те времена легенд. Ни разу в нем не преувеличиваются тяготы и страдания, не превозносятся героические подвиги путешественников. Зато в нем содержится ряд деталей, которые не могли быть придуманы.

Из рассказа следует, что путешественники, выйдя из Самарры, отправились на север. Через Армению и Грузию они дошли до устья Волги, затем повернули на восток и двинулись через солончаки и пустыни в сторону Аральского моря. По караванному пути от Сырдарьи Салам прошел вдоль северных отрогов Тянь-Шаня, миновал главный перевал Восточного Тянь-Шаня и вскоре вступил в Аньси. Именно здесь располагается крайний восточный участок Великой Китайской стены. Обратный путь Саллама из района Аньси примерно до Таласса совпадал с маршрутом его путешествия к стене. Затем он, видимо, свернул на юго-запад и, миновав Самарканд, достиг исходной точки своего путешествия – Самарры. Поскольку путешествие через устье Волги отняло 16 месяцев, а обратный путь через Хорасан и Самарканд – лишь 12 месяцев, можно утверждать, что до стены Саллам добирался окольными путями, а возвращался более прямой дорогой.

Изображение судна на арабской миниатюре

К сожалению, целиком маршрут Саллама можно восстановить лишь гипотетически. Однако не подлежит сомнению, что он и его спутники все же достигли восточных границ Китая. Из путевых записей Саллама с очевидностью вытекает, что стена, у которой он побывал, принадлежала сильному в военном отношении и, видимо, богатому государству с четкой организацией управления и хорошим административным аппаратом. Эта стена явно служила для защиты от набегов кочевников. Другого аналогичного сооружения, подобного Великой Китайской стене, не было во всем мире. В годы правления халифа Васика и арабам могли быть известны отрывки старинных преданий о Китае и о чудесной стене огромных размеров, предназначенной для защиты от набегов варваров. Рассказы о том, что где-то в дальних стра-

нах стоит диковинная «стена Гога и Магога», о которой говорится в Коране, вероятно, стали известны халифу, и он пожелал получить более точные сведения о ней. Характерно, что спустя сто лет после путешествия Саллама арабский географ и путешественник Аль-Масуди уже совершенно недвусмысленно говорит о Великой Китайской стене, называя ее «стеной Гога и Магога». Другой известный путешественник, Ибн-Баттута, также именует Великую Китайскую стену «стеной Гога и Магога», считая ее, впрочем, творением Александра Македонского. После всего сказанного можно не сомневаться, где побывал Саллам, не говоря уже о том, что во всей Азии не было другого столь же важного и известного сооружения для защиты от воинственных кочевников, которое могло бы потревожить сон могущественного халифа.

По следам Сулеймана из Басры

У Сулеймана, богатого купца из Басры, не было недостатка в слушателях. Вернувшись из далекого плавания, он рассказывал такие чудесные вещи, что походили они на басни и сказки. Еще в IX в. Сулейман одним из первых совершил путешествие далеко на восток, в загадочную страну Китай. Чтобы добраться туда, ему пришлось посетить многие гавани и города, познакомиться с жизнью незнакомых племен и народов. Повествование было настолько занимательно, что запомнилось многим. Нашелся соотечественник, горожанин из Басры, который со временем, не надеясь только на память, записал эти рассказы. Рукопись переписывалась из века в век и в единственном экземпляре, счастливо сохранилась для потомков. Эту традицию продолжил в X в. другой хронист, перс Бузург ибн Шахрияр. Собранный им сборник не зря назывался «Чудеса Индии»: столько было в повествованиях необычайных приключений! Да и охватывал он не одну Индию, но и Китай, Индонезийский архипелаг, Восточную Африку. Особое место уделялось прославленным арабским морским портам и городам – Басре, Сирафе, Убулле, Багдаду. А рассказы о дальних плаваниях простирались не только на Индийский, но даже на часть Тихого океана!

На основании этой рукописи потомки зачислили отважного купца Сулеймана из Басры в число величайших путешественников периода раннего халифата. К тому времени принадлежит и повествование о семи путешествиях знаменитого Синдбада-морехода. Вероятно, Сулейман стал одним из прототипов этого героя из «Тысячи и одной ночи».

Аль-Якуби в стране золота

Знаменитый арабский историк и географ Абу-ль-Аббас Ахмед аль-Якуби родился в Багдаде, но свои молодые годы провел в Армении. Потом будущий ученый поступил на службу к правителям Хорасана. В 873 г. аль-Якуби отправился в большое путешествие по Индии. Вернувшись, он поселился в Египте и совершил несколько путешествий по Северной Африке. Он побывал в Нубии, в дельте Нила, на побережье Средиземного моря. Около 891 г. аль-Якуби завершил работу над обширным географическим сочинением «Книга стран», в которое вошли подробные сведения о путевых маршрутах, расстояниях между различными областями и городами, о полезных ископаемых и их добыче. Главное место в книге аль-Якуби отводится Египту и странам Северной Африки, а также Нубии. В своей книге путешественник рассказывает о золотых рудниках в Нубии, где ему удалось побывать: «Долина ал-Аллаки подобна большому городу. В ней смешанное население из арабов и неарабов – золотоискателей... Большинство составляют... люди племени раба... Долина ал-Аллаки и все ее окрестности – это рудники самородков. В любом месте, которое прилегает к ней, работают промышленники всех [арабских] племен, а кроме промышленников – черные рабы, которые занимаются рытьем земли, затем извлекают самородки, подобно желтому мышьяку, а затем плавят...» Аль-Якуби перечисляет несколько важнейших рудников Нубийской пустыни, некоторые из них находились на расстоянии 10– и даже 30-дневных переходов от ал-Аллаки, служившей центром «республики золотоискателей». Путешественник подробно рассказывает о землях в верховьях Нила, руководствуясь при этом как различного рода документами и работами предшественников, так и личными впечатлениями.

«Арабский Геродот»

Уроженец Багдада, историк, географ и путешественник Абу аль-Хасан Али аль-Масуди провел в дальних странствиях большую часть своей жизни. Еще в юношеском возрасте (ок. 915 г.), он, влекомый любознательностью и страстью к приключениям, предпринял ряд далеких путешествий, побывал в Индии, на Цейлоне, в Китайском море, на Занзибаре и на восточном побережье Африки. Потом путешественник побывал в различных провинциях Арабского халифата – Сирии, Аравии, Египте, Тунисе, посетил Кавказ и области, прилегающие к Каспийскому морю. Не ограничиваясь собственными впечатлениями, Масуди, расспрашивая купцов, моряков и жителей разных стран и областей, собрал большое количество устных рассказов о дальних странах, правда, без критической оценки принимая на веру все, что ему приходилось слышать. Собранные сведения аль-Масуди изложил в своих многочисленных трудах, охватывающих самые разнообразные отрасли знания. Как первый арабский автор, объединивший разрозненные прежде исторические и географические наблюдения в объемистое сочинение энциклопедического характера, Масуди заслужил прозвание «арабского Геродота». Однако из всего богатого литературного наследия аль-Масуди до нас дошли только 4 сочинения, да и то не полностью.

Абу аль-Хасан Али аль-Масуди

В одной из работ Масуди, «Промывальни золота и рудники самоцветов», особенно интересны сведения о странах и жителях Восточной Европы, в том числе о славянах: «В их стране много рек, текущих с севера. Ни одно из озер их не солоно... Страна, которая далее за ними к северу, необитаема по причине холода и множества воды. Большая часть их племен язычники... у них много городов, имеются церкви, где висят колокола...» Масуди привел первые, но очень неясные сведения о пути с Волги к Черному морю. Сам он, правда, не ходил этим путем и поэтому ошибся: слушая рассказы бывалых людей, он принял реальный волок за мнимую протоку, связывающую Волгу с Доном или прямо с Азовским морем.

Ибн Фадлан в стране болгар

Ахмед Ибн Фадлан был чиновником среднего ранга и в качестве секретаря посольства аббасидского халифа Муктадира в 921–922 гг. совершил путешествие в страну волжских болгар, пройдя из Багдада через Бухару и Хорезм в Волжскую Булгарию. По возвращении он составил записку о своем путешествии – один из важнейших источников по средневековой истории Поволжья, Заволжья и Средней Азии.

Развалины Булгара на старой фотографии

Посольство отправилось из Багдада 21 июня 921 г. Путь его лежал через Рей и Нишапур в Бухару, оттуда к Амударье и вниз по реке до столицы Хорезма Кяс. Перезимовав в стране хазар (близ устья Волги), 4 марта 922 г. послы халифа двинулись далее на север. Однако многие участники экспедиции отказались идти в далекую малоизвестную страну и повернули назад. С этого момента Ибн Фадлан становится фактическим руководителем посольства.

В марте 922 г. посланники халифа вступили в страну огузов (гузов), находившуюся где-то в Западном Казахстане. Огузские вожди встретили арабских путешественников с большой настороженностью. И хотя Этрэк, начальник войска, получив дорогие подарки от Ибн Фадлана, отнесся к послам халифа вполне благосклонно, другие вожди оказались менее сговорчивы. Судьба посольства повисла на волоске. Собравшись на совет, огузские военачальники решали

вопрос: как поступить с иноземцами? Звучали предложения изрубить их, отдать их хазарам в обмен на пленных огузов, но предварительно, конечно же, ограбить... Ибн Фадлан и его спутники были несказанно рады, когда наконец унесли ноги из «гостеприимной» страны огузов.

Оставшуюся часть пути арабы, очевидно, – хотя об этом в записках Ибн Фадлана нет определенных свидетельств – проплыли на судах вверх по Волге. 12 мая 922 г. посольство халифа прибыло в государство болгар. Ибн Фадлан пробыл здесь довольно долго, так как в противном случае не мог бы приобрести то поистине удивительно точное знание крайнего севера Европы и Западной Сибири, а также всех подробностей торговли северной пушниной, которым поражают его сообщения.

О маршруте, ходе и длительности обратного путешествия в «Записках» Ибн Фадлана ничего не сообщается. Известно только, что весной 923 г. посольство возвратилось в Багдад. Ибн Фадлан подробно описал все, «что он видел собственными глазами со времени своего выезда из Багдада и до того, как он возвратился в него». Его географический труд стал настоящей классикой и сыграл важную роль в ознакомлении и расширении торговых связей арабов с северными землями. «Записки» Фадлана не только свидетельствуют о поразительном умении автора отобрать важнейший материал, но и отличаются удивительно малым количеством более или менее серьезных ошибок. По научно-критическому подходу к излагаемым сведениям они напоминают современные научные труды. Ибн Фадлан, конечно, не был первооткрывателем, так как шел торговым путем, по которому доставлялись из Ирака, Ирана и Хорезма в бассейн нижней и средней Волги арабские и персидские изделия в обмен на драгоценную северную пушнину. Но он был первым путешественником, чьи сообщения о северных прикаспийских областях и Заволжье дошли до нас.

كلما وطبعوا كلامهم اشبه شئ صالح الذرارز وبها قرنة على يوم يقال لها اردكوا اهلا
يقال لم الكرهية كلامهم اشبه شئ سفيق الضفادع وهم يتبرون من اسر اللومين على
اي طالب رضي الله عنه في دبر كل صلو فاقمنا بلجرجانية اياما وجد نهر حصون من اوله
الى اخره وكان سمك الجمد سبعة عشر شبرا وكات الخيل والبغال والحمير والعجل الخناز
عليه كالجناز على الطرق وهو ثابت لا يخطئ فاقام على ذلك ثلثة اشهر فرانا بلدا
ما ظننا الا ان بابا من الزمهرير قد فتح علينا منه ولا يسقط فيه الثلج الا ومعه ريح
عاصف شديدة واذا الخف الرجل من اهله صاحبه واراد به قال له يقال اني حتى
يتحدث فان عندي نارا طيبة هذا اذا بلغ غيبر وصلته الا ان الله تعالى قد لطف
بهم في الخطب وارخصه عليهم حمل عجلة من حطب الطاغ بدرهمين من درهم تكون ذها
ثلثة الف رطل ورسم سواهم ان لا يقف السائل على الباب بل يدخل الى الدار الى البيت
فيقعد ساعة عندنا ان تصطلي ثم يقول يكند يعني الخبز وتناول مقامنا بلجرجانية
وذاك انا اقمنا بها اياما من رجب وشعبان وشهر رمضان وشوال وكان طرنا فقلنا
من جهة البرد وشدته ولقد بلغني اني اثنا عشر رجلا لاهلا عليها حطبنا من بعض
الغياض فتسبنا ان ياخذنا معها قداحة وحراقة وانما بانا بغير نار ناصبها والجبال
موتى لشدة البرد ولقد رايت هوا بردها دانا السوق بها والشوارع يخطوا حتى
يطوف الانسان اكثر الشوارع والاسواق فلا يجد احدا ولا يستقبله انسان ولقد
كنت اخرج من الخيام فاذا دخلت الى البيت نظرت الى جيتي وهي قطعة واحدة
من الثلج حتى كنت اذ بها الى النار ولقد كنت اياما في بيت جوف بيت وفيه قبة
لبود تركية وانا مدثر بالاكسية والغري فرما التصق خدي على الخدة ولقد رايت

Ибн Хаукал: купец или разведчик?

Абуль-Касим Мухаммед ибн Хаукал ай-Насиб родился, вероятно, в городе Насибин в Верхней Месопотамии. Почти всю свою жизнь он провел в путешествиях, объехав и пройдя пешком весь тогдашний мусульманский мир: Месопотамию, Сирию, Палестину, Северную Африку от Египта до Марокко, арабские владения в Европе – Сицилию, Южную Италию и Испанию, а также Иран, Индию, Сахару и страны Африки южнее Сахары: Нижнюю Нубию, Нубийскую пустыню и часть Северной Эфиопии.

Свое путешествие он начал в мае 943 г., отбыв из Багдада на запад. В том же году он посетил Египет, Нубию и страну беджа. Во время своих путешествий он, видимо, торговал: с большим знанием дела ибн Хаукал повествует в своих записках об условиях торговли в разных странах, о местных товарах, спросе на иностранные товары, торговых операциях. Человека, заразившего его страстью к описанию увиденных стран, ибн Хаукал встретил в 952 г. Это был арабский географ ал-Истахри, автор «Книги путей и царств». Ибн Хаукал переписал сочинение ал-Истахри, но чем больше путешествовал сам, тем более критически к нему относился. Сначала он вносил в путеводитель отдельные исправления и дополнения, однако нового материала оказалось столь много, что ибн Хаукал решил написать собственную книгу.

Он умел видеть и запоминать. В Нубии, в оазисах Сиджильмаса и Аудагост, в резиденциях местных правителей ибн Хаукал собрал ценнейшие и разнообразнейшие сведения о странах, расположенных далее на юге. Являлась ли торговля единственной целью ибн Хаукала? Многие европейские исследователи сегодня сомневаются в этом. Они указывают на то, что основные маршруты путешествий этого «землепроходца» подозрительно совпадают с направлениями будущих завоеваний арабских правителей из династии Фатимидов. Очень может быть, что ибн Хаукал выполнял наряду с торговыми делами (или под прикрытием их) разведывательные задания...

Ал-Усвани за порогами Нила

Абдаллах ибн-Ахмед ибн-Сулейм ал-Усвани, образованный араб из Асуана, занимал у себя на родине пост кадия. В 969 г. он в качестве посла Джавхара – правителя Египта, – совершил путешествие в Нубию (Судан), где в то время большинство населения составляли христиане. Миссия ал-Усвани носила в первую очередь дипломатический характер: он должен был доставить в Донголу письмо Джавхара, адресованное царю Нубии Георгию II. В этом письме Джавхар дружески предлагал этому представителю древней династии, могущественному и законному правителю независимой страны, принять ислам, оставив религию своих отцов. Надо сказать, что Георгий II по достоинству оценил послание соседа и в ответном письме предложил ему креститься.

Отправившись от границ Египта на юг, путешественник через 6 дней достиг области Второго порога, суровость которой поразила даже асуанца, хорошо знакомого с течением Нила. «Это сплошные пороги и худшая из виденных мною областей, – пишет ал-Усвани, – пороги и горы препятствуют течению, так что Нил низвергается с рифов и стеснен в своем русле, пока не становится ширина его между берегами равной 50 локтям, а береговая полоса его – такой узкой, горы – так высоки и дороги – так трудны, что всадник не может подняться по ним, а слабый пешеход не в силах следовать ими. Пески простираются на запад и на восток...»

Выше Второго порога долина Нила напомнила ал-Усвани его родные места. Здесь раскинулись рощи финиковых пальм, маслин, посевы зерновых и хлопка. Вся область между Вторым и лежащим дальше к югу Третьим порогами была разделена на множество феодальных владений. Духовную власть осуществлял местный епископ. Жители этой области говорили на диалектах средневекового нубийского языка, с которым ал-Усвани был в какой-то мере знаком.

Лодки нубийцев

И вот наконец путешественник достиг Третьего порога. «Этот порог – самый трудный (для прохождения судов), – отмечает он, – ибо он представляет собой гору, пересекающую Нил с востока на запад. Вода низвергается через три прохода, а при низком уровне Нила – только через два прохода. Сильный шум, удивительный вид! Течение воды сильнее, и Нил к югу от порогов усеян камнями...»

Двигаясь далее к югу по правому берегу Нила, ал-Усвани вступил в густонаселенную область Сафад-Бакл: «Здесь за два дневных перехода встречается около тридцати деревень, с добрыми строениями, церквами и монастырями и многочисленными финиковыми пальмами, виноградниками, огородами, посевами и лугами. В этом краю имеются крупные верблюды...» Ал-Усвани интересуется всем: методами земледелия нубийцев, культурными растениями, которые они возделывают, правилами наследования земли. Его внимание привлекали встречающиеся по дороге крепости, города, руины древних построек.

Переправившись на левый берег Нила, ал-Усвани прибыл в Старую Донголу, крупнейший город средневековой Нубии, опоясанный несколькими кольцами крепостных стен. Путешественник был поражен тем, что дома жителей Донголы были построены с использованием ценных тропических пород деревьев: акации и тика; у него на родине это считалось невиданной роскошью.

Из Донголы арабский путешественник направился дальше на юг, в царство Алва. Излучины среднего Нила поразили ал-Усвани своей большой протяженностью, суровой природой,

резкими поворотами. Здесь ал-Усвани впервые в жизни увидел гиппопотамов; в Египте и Нижней Нубии эти животные были к X в. уже давно истреблены.

Наконец путешественник прибыл в селение ал-Абваб, расположенное на границе между двумя нубийскими царствами: Мукуррой и Алвой, в районе Пятого порога. Впервые ал-Усвани попал в страну, где выпадают тропические дожди, а в Нил впадают текущие с гор притоки. Из книг арабский путешественник знал, что число этих притоков – семь, включая главное русло Нила. Одним из них он считал реку Гаш. Второй из этих семи рек была Атбара, третьей – Голубой Нил, четвертой – Белый Нил. Трех остальных рек ал-Усвани не довелось увидеть, но он расспрашивал о них жителей Алвы (при этом оказалось, что притоков как Белого, так и Голубого Нила гораздо больше!).

Старая карта Нила с его истоком

Город Соба, столица Алвы, расположенный в нескольких километрах южнее слияния Белого и Голубого Нила, был конечной целью путешествия ал-Усвани. Жадно всматривался

путешественник в огромные пространства, лежащие на юге и юго-востоке: где-то там находятся истоки Нила...

Ал-Усвани не решился на экспедицию к истокам великой реки, уstraшенный рассказами нубийцев о постоянной войне обитавших там племен друг с другом. Кроме того, он должен был вернуться в Египет с ответными письмами нубийских царей. До открытия истоков Нила оставалась еще почти 1000 лет...

У врат Тропической Африки

Уроженец Хорасана (северо-восток Персии), Насир-и Хусрау прославился не только как поэт, но и как знаменитый путешественник. Большую часть своей жизни провел в Мерве (Туркменистан), а в возрасте 40 с лишним лет отправился в путешествие, во время которого посетил Иран, арабские страны, Египет и даже добрался до стран Тропической Африки.

В Египет Насир-и Хусрау прибыл в 1046 г. Здесь он прожил почти пять лет. Из Египта путешественник совершил четыре паломничества в Мекку: трижды через египетский порт Кульзум на Красном море, а последний раз – через Асуан и восточную пустыню. Во время этого путешествия он познакомился с темнокожими кочевниками-беджа.

Последние годы своей жизни Насир-и Хусрау прожил в горах Памира, занимаясь литературной деятельностью. Его книга о путешествиях «Сафарнаме», написанная на персидском языке, содержит не имеющее себе равных по яркости и глубине описание Египта и других стран. В ней содержатся интересные сведения о торговле в районе Асуана и Айзаба, о передвижении верблюжьих караванов, о жителях разных африканских стран.

«Слоновий лекарь» исследует мир

Тахир ал-Марвази, уроженец Мерва, большую часть своей долгой жизни (а прожил он около 100 лет) провел в своем родном городе. Он был врачом и зоологом, лечил людей и животных и долгое время служил при дворе сельджукского султана в Мерве. В 1085 г. он даже вылечил любимого султанского слона, чем снискал особую милость повелителя.

Несмотря на эту привязанность к родному городу, ал-Марвази много путешествовал, желая расширить свои познания. Этого наблюдательного ученого-натуралиста иногда называют «предтечей Гумбольдта». Свое главное и единственное дошедшее до нас сочинение – «Природа животных» – ал-Марвази посвятил зоологии.

Ал-Марвази побывал в Иране, в странах арабского Востока, в Северной Африке. Ссылаясь на свидетельства очевидцев, он пишет в своих записках о том, что в стране Канем (Северная Нигерия и Чад) якобы растут столь огромные деревья, что каждое из них может укрыть в своей тени 10 тысяч всадников. На вершине одного из таких деревьев-гигантов устроено жилище тамошнего царя, «и к его жилищу с поверхности земли ведет тысяча ступеней. На обоих деревьях сделаны деревянные жилища, и в них живут слуги царя, его жены, приближенные в количестве 10 тысяч человек...». Впрочем, наряду с фантастическими рассказами об африканских странах в книге Тахира ал-Марвази имеется и немало полезной информации, например о жителях Сомали. Ал-Марвази с интересом наблюдал за антропологическими различиями различных народов. Подобно современным антропологам, он считал негроидов и монголоидов наиболее разошедшимися расами; по его мнению, тюрки и чернокожие африканцы полностью противоположны друг другу, а другие народы и расы составляют переходные звенья между теми и другими: «Эфиопы – это раса людей, в которую входят такие виды, как нубийцы, зинджи, и другие... Так как их земли удалены от умеренных областей, внешний вид их изменился: из-за чрезмерной жары черный цвет кожи стал у них преобладать...» Эти выводы среднеазиатского ученого во многом опередили свое время.

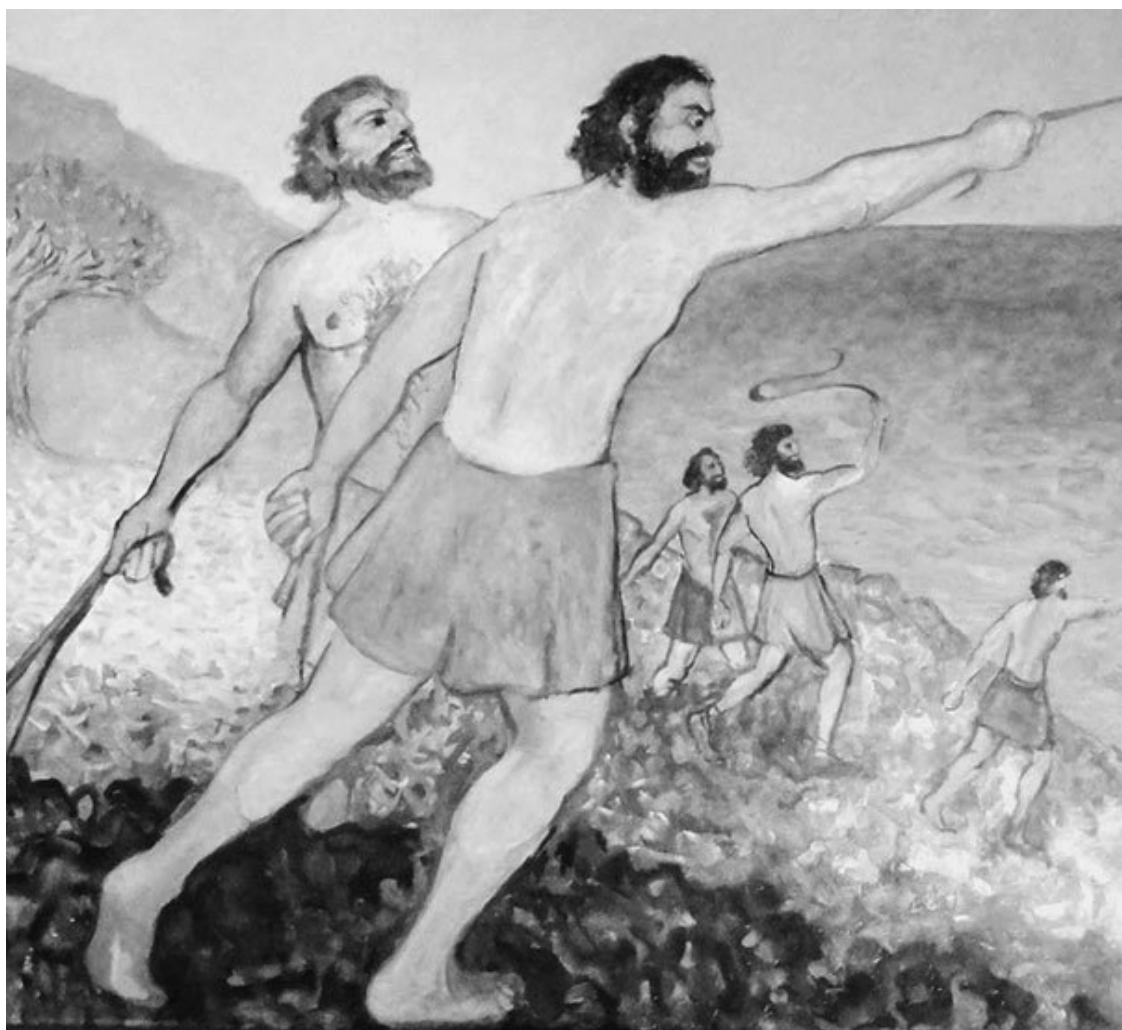

Африканцы возле хижины

Арабские моряки в Атлантическом океане

В Средние века арабы были известны как страстные мореплаватели. Арабские капитаны избороздили весь Индийский океан, добираясь до отдаленных берегов Южной Африки, Индонезии и даже до Китая. Хорошо знали они и Средиземное море. Однако выходить в Атлантический океан они категорически избегали, испытывая перед ним какой-то поистине суеверный страх. За этим океаном в арабском мире закрепились зловещие наименования «Море тьмы», «Океан мрака». Известен только один-единственный случай, когда группа арабских моряков, преодолев страх, вышла в Атлантику и, пережив немало приключений, благополучно вернулась к родным берегам.

Их было всего-навсего восемь. Выйдя из Лиссабона (до 1147 г. этот город принадлежал арабам), моряки отважно двинулись на запад, прямо в открытый океан. Спустя 11 дней плавания им встретилось огромное скопление саргассовых водорослей, среди которых скрывались многочисленные, трудно различимые рифы. Моряки были вынуждены повернуть на юг. Идя этим курсом в течение 12 дней, они встретили остров, по которому бродили стада диких коз. Мясо их, однако, оказалось несъедобным. Моряки опять вышли в море и через 12 дней, идя прежним курсом, увидели еще один остров. Его населяли длинноволосые и почти безбородые краснокожие люди. Здесь же нашелся человек, говорящий по-арабски, с помощью которого моряки сумели объясниться с королем острова. В итоге король отпустил арабов, и спустя три дня они, следуя на запад, высадились на побережье Марокко, где встретили людей из какого-то берберского племени. Так завершилась единственная засвидетельствованная в источниках попытка арабов пересечь Атлантику...

Так выглядели гуанчи – коренные жители Канарских островов. Картина из музея Гуимара, о. Тенерифе, Испания

Много позже некоторые исследователи утверждали, что в своем плавании восемь храбрецов все же смогли достичь Америки. Встретившееся им «застывшее море», наполненное зловонными водорослями, было истолковано как Саргассово, а далекие страны, до которых добрались мореходы, – как Центральная Америка или острова Вест-Индии. Однако если мореплаватели рассказывали, что они видели «краснокожих людей», то это отнюдь еще не означает, что они встретились с американскими индейцами. Вероятнее всего, они сумели достичь только Канарских островов, где в те времена жили светлокожие гуанчи. Характерно, что в самой отдаленной из увиденных ими стран мореходы нашли переводчика, говорившего по-арабски, а потом через три дня на одном из берегов наткнулись на берберов, знавших, сколько продолжается плавание до Португалии. Что касается острова, населенного дикими козами (в другом варианте перевода – овцами), то речь может идти об острове Фуэртевентура (который в древности называли Капрария – «Козий остров») из группы Канарских островов. На эти острова прежде всего указывает и направление, которого придерживались арабские моряки. Что касается скопления водорослей, то они попадаются уже поблизости от Гибралтарского пролива, и для этого вовсе нет необходимости плыть до самого Саргассова моря. Как бы то ни было, несмотря на скромные результаты, попытка восьми арабских моряков совершить разведывательное плавание по Атлантике все же стала определенной вехой на долгом пути к открытию Америки.

Ибн-Баттута: по заветам Корана и по зову сердца

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного...» – мертвую тишину Сахары пронизывает певучий голос муэдзина. Вдоль прочерченной на песке линии стоят неровным строем мужчины и юноши, обратившиеся лицом в сторону Мекки. «Направь нас по верной дороге, которой идут благословенные тобой... и не дай сбиться с пути», – заканчивает муэдзин молитву словами из Корана. Люди опускаются на колени, кланяются, вдавливая лбы в песок. В утренней прохладе караван вытягивается в цепочку. Верблюды, связанные в линию, ждут сигнала к движению. Вот предводитель дергает за недоуздок главного верблюда, и караван длиной в полмили, раскачиваясь, будто с неохотой, выступает в путь...

Особые чувства охватывают сегодняшнего человека, идущего с караваном верблюдов к пустынному горизонту, соединяющему пески и небо. Здесь все осталось так, как во времена странствий великого путешественника Ибн-Баттуты. За 29 лет своих скитаний Баттута – пилигрим, дипломат, придворный, юрист – пересек два континента, прошел 75 тысяч миль (втрое больше, чем Марко Поло!) по территории 44 современных стран. Его дневники, проникнутые духом своего времени, повествуют о трудностях пути, обычаях далеких стран и опасных приключениях. А началось все еще в Марокко, когда ему было всего лишь 21 год...

Его отец, известный в Танжере человек, шейх и судья, дал сыну прекрасное образование. Ибн-Баттута знал наизусть Коран, в совершенстве овладел искусством каллиграфии, провел годы учебы в медресе, где преподавались грамматика, риторика, стихосложение, логика и право, принимал участие в богословских диспутах, ночами просиживал над рукописями мудрейших мужей. Отец видел его уже облаченным в черное платье кади – судьи. Но судьба распорядилась иначе.

В своих записках Ибн-Баттута признается, что какое-то сверхъестественное чувство звало его в дорогу. Учеба уже подходила к концу, когда он решил отправиться в 3000-мильный путь в Мекку через Северную Африку. Пройдя с караванами за десять месяцев Алжир, Тунис и Ливию, он достиг Александрии. Путь от Александрии до Каира показался Ибн-Баттуте нескончаемым рынком – люди жили вдоль оросительных каналов тесно и скученно. Каир был сказочно богат. «Кто не видел Каир, тот не видел мира», – говорили в те времена. Ибн-Баттута пишет о толпах народа, «двигающихся по узким улочкам Каира, как морские волны», о «12 тысячах разносчиков воды», «30 тысячах грузчиков», «36 тысячах лодок, бороздящих воды Нила».

На такой же фелуке, какие сейчас под треугольными парусами перевозят глиняные горшки и известняк вдоль нильских берегов, Ибн-Баттута отправился в Верхний Египет, пересек пустыню и вышел к Красному морю. Но пересечь его и попасть в Мекку не удалось: началось восстание. Пришлось присоединиться к каравану паломников, идущему в Дамаск. Баттута пересек Синай и вошел в Палестину, в лежащую у моря Газу.

Далее его маршрут пролегал через Акру и Тир. Из Триполи Баттута повернул на восток и пошел в Хаму, один из прекраснейших городов Сирии, «окруженный садами и огородами, которые орошались с помощью водяных колес». Эти древние водоподъемные устройства работают до сих пор, со скрипом поднимая воду на 25 метров от реки Оронт... Отсюда Баттута проследовал через Латакию и Ливанские горы, чтобы присоединиться в Дамаске к каравану, идущему в Мекку.

За 55 дней караван миновал Аравийскую пустыню, лишь на несколько дней остановившись передохнуть у полуразрушенного замка крестоносцев Аль-Карак («Вороний замок»). Жажда и банды разбойников были главными опасностями на этом пути. Из-за нехватки воды паломников не могли сопровождать вооруженные наездники, обычно охранявшие караваны.

Пустыню Нефуд, по которой проходил Ибн-Баттута, арабы называют «Бахр била ма», «безводное море». Песок пышет жаром, от вязкого воздуха трудно дышать, пересыхают нос, горло, рот. В таких местах, как писал Ибн-Баттута, «теряет дорогу проводник и товарищ забывает о товарище». Одно спасение – вода. До сих пор остатки караван-сараев и сухие резервуары для воды напоминают о том изнурительном и трудном маршруте паломников. Можно только представить себе радость караванщиков, когда их в пути встречали водоносы, вышедшие от ближайшего оазиса...

Наконец Ибн-Баттута добрался до священной Мекки. Здесь он встретил людей со всего мира и был заворожен их рассказами о диковинных странах. Вспомнив старинную арабскую поговорку «Кто отправляется в путешествие ради знаний, тому Бог облегчит путь в рай», он внезапно услышал властный зов дороги. Паломничество закончилось. Начинались странствия...

Ибн-Баттута

«По милости Аллаха, я осуществил свою цель в жизни, и эта цель – путешествия по земле, и в этом я достиг того, чего не удалось достигнуть никому, кроме меня», – писал Ибн-Баттута на склоне лет. В этих словах – весь смысл его жизни. До него в странствия отправлялись лишь купцы и миссионеры. Баттута же поставил перед собой задачу познания мира.

Он побывал в Малой Азии и Константинополе. Далее Ибн-Баттута последовал в Крым, затем в Астрахань и по льду Волги – в монгольскую резиденцию Сарай, проплыл вверх по Волге до Булгар. Свой замысел проникнуть оттуда до богатой пушниной области Печоры на Крайнем

Севере, которую уже посещали арабские купцы, он не осуществил. Через нижнюю Волгу он направился вдоль северного побережья Каспийского моря в Хиву, Фергану и Бухару, далее в Афганистан и Индию, находившуюся тогда под мусульманским господством. Несколько лет пробыл в Дели в должности кади – судьи, потом был направлен султаном послом в Китай. Пережив кораблекрушение, после долгих скитаний Ибн-Баттута на полтора года задержался на Мальдивских островах.

Будучи на Цейлоне, Ибн-Баттута восхождением на Адамов пик увенчал список мусульманских святынь, к которым совершал паломничество во время скитаний. Потом были Суматра и Ява. В китайский город Цюаньчжоу он прибыл в 1346 г. «Китай – одна из безопаснейших стран для путников», – записал он. Но здесь же, как нигде, путешественник почувствовал, как далек он от дома. Три года он добирался на родину, в Марокко.

Недолго пробыл Ибн-Баттута в родных местах. Его натура жаждала новых впечатлений – и вот он уже на юге Испании, с отрядом марокканских добровольцев, защищающих Гибралтар от крестоносцев; потом были Малага и Гранада. А три года спустя – изнурительное путешествие на верблюдах по Сахаре. 1500 миль через пески, в «землю негров», в западноафриканскую империю Мали. Наконец, на два года он осел в Фесе, работая над книгой о своих странствиях. Умер Ибн-Баттута в возрасте 64 лет. Местонахождение его могилы неизвестно: «Когда мы мертвы, ищите наши могилы не на земле, а в сердцах людей...»

Путешественники Средневековья

За тридцать земель с Вениамином Тудельским

Вениамин (Бен-Иона) Тудельский, уроженец города Тудела, что в Наваррском королевстве, вошел в историю как один из величайших путешественников Средневековья. За 13 лет (1160–1173 гг.) он объехал почти весь известный тогда мир и описал свое путешествие.

В 1160 г. Вениамин Тудельский отплыл из Барселоны в Марсель, затем отправился в Геную, побывал в Риме, посетил Неаполь и другие южные города. Из Италии путешественник переправился в Грецию, а оттуда в Константинополь. В то время императором Византии был Мануил Комнин, проживавший в роскошном дворце на берегу моря. «Там возвышались, – пишет Вениамин, – колонны из чистого золота и серебра... золотой трон, усыпанный драгоценными камнями, над которым золотая корона, свешивающаяся на золотых цепях, оказывалась как раз на голове императора, когда он садился на престол». Из памятников Константинополя Вениамин упоминает о храме Святой Софии, а кроме того, он дает описание ипподрома, в котором для забавы народа показывают борьбу «львов, медведей, тигров, а также диких гусей и многих других птиц».

Из Константинополя Вениамин Тудельский переправился в Малую Азию, где посетил города Триполи, Бейрут, Тир, Сидон, Акку. Отсюда путь его лежал через Иерусалим, Вифлеем и Хеврон в Дамаск, бывший в то время столицей «турецкого царства». Дамаск произвел на путешественника сильное впечатление своей роскошью и благоустройством.

Покинув Дамаск, Вениамин Тудельский посетил Баальбек-Небек – Гелиополис греков и римлян, построенный Соломоном; затем он приехал в Пальмиру, потом в Газу, сильно разрушенную землетрясением. После этого путешественник отправился в Месопотамию, посетил Мосул на Тигре, Ниневию и Багдад – столицу и резиденцию арабских калифов, поразившую его своей красотой. Он совершил поездку и к развалинам Вавилона, побывав на месте, где, по преданию, возвышалась некогда Вавилонская башня, «построенная народами до потопа». Посетив много других городов, путешественник попал в город Басру, лежащий у оконечности Персидского залива. Оттуда он отправился в Персию и объехал почти всю страну, включая Исфахан – столицу страны.

Далее рассказ Вениамина утрачивает определенность: мы видим его то в Ширазе, то в Самарканде, то у подножия Тибета. Известно, что после долгого странствия Вениамин возвратился в Хузестан на берегах Тигра, а затем, после двухдневного плавания, достиг Эль-Катифа – арабского города у Персидского залива, где добывают жемчуг. Затем, переправившись через море, Вениамин прибыл в Хулан (Куилон) на малабарском берегу Индостана, о котором сообщает, что «в этой стране хорошо произрастают перец, корица, имбирь и другие пряности». После посещения острова Цейлон, жители которого «фанатически поклоняются огню», путешественник переправился через Красное море и приехал в Абиссинию. Спустившись вниз по течению Нила, он достигает местечка Холван, а оттуда, через пустыню Сахара, приезжает в Каир.

Вениамин Тудельский в пустыне Сахара

Из Египта Вениамин направился в Италию, а оттуда – через Германию – в Париж. Описанием Парижа он заканчивает повествование о своих путешествиях. Несмотря на некоторую сбивчивость изложения, его труд представляет собой важный памятник географических знаний середины XII столетия. Вениамин Тудельский считается первым европейским путешественником, побывавшим в странах Востока.

Необыкновенное странствие бродячего миннезингера

Генрих фон Морунген был поэтом и музыкантом – миннезингером. Маркграф Дитрих Мейсенский высоко ценил его талант. Несколько лет прослужил Морунген при дворе, пока маркграф не взял его с собой в поход в Святую землю: тюрингские и саксонские рыцари шли на помощь своим собратьям-крестоносцам, теснимым сарацинами. Они выступили в январе 1197 г. Однако графу пришлось возвращаться домой с полпути: умер его тесть, и сразу появилась куча проблем, которые надо было решать. Но Генрих фон Морунген на родину не вернулся – его ждал Восток...

Оказаться христианину-одиночке на мусульманском Востоке времен крестовых походов в 99,9 процентах случаев означало неминуемую смерть, в лучшем случае – рабство. Генрих фон Морунген чудесным образом избежал и того и другого. Его неудержимо манила к себе далекая Индия. Он знал, что где-то там живут христиане, предки которых были обращены в истинную веру самим апостолом Фомой. Генрих с молодых лет чтит этого святого. Путь миннезингера через далекие восточные страны был полон трудностей и лишений. Точный маршрут его странствий неизвестен. По-видимому, сперва он побывал в Эдессе, где молва указывала могилу святого Фомы. Убедившись, что это не так, Морунген продолжил свой путь. По древнему караванному пути через Сирийскую пустыню он добрался до Ктесифона – древнего города на реке Тигр. Спустившись вниз по реке до самого устья, он сел в Басре на корабль, идущий в Индию.

Генрих фон Морунген

Индийский город Майлапур – современный Мадрас – считался городом святого Фомы. По преданию, в его окрестностях апостол принял смерть от копья какого-то брахмана. По-видимому, именно Майлапур-Мадрас и являлся целью Морунгена. Он прибыл сюда в 1200 или 1201 г. То, что Морунген побывал в Индии, несомненно. Но как он вернулся назад, не знает никто. Позже жители Лейпцига сложили легенду о том, что сам дьявол поднял миннезингера

в воздух и за ночь перенес его из Индии в Германию. На рассвете Морунген уже оказался на собственном дворе... По другой версии, злой дух доставил миннезингера в Лейпциг вместе со львом, с которым Морунген подружился в Индии. Изображение миннезингера со львом позже было высечено из камня в лейпцигской церкви Святого Фомы.

Как бы то ни было, спустя 5 (по другой версии – 7) лет отсутствия Генриха фон Морунген объявился в Лейпциге. Его появление произвело настоящую сенсацию и стало предметом пересудов. Из дальних странствий миннезингер привез реликвии святого Фомы и разные удивительные вещи. Для их хранения и в память о необыкновенном путешествии маркграф Дитрих основал в Лейпциге августинский монастырь Святого Фомы. Вплоть до Второй мировой войны здесь хранились привезенные Морунгеном реликвии: «часть ризы святого Фомы, круглый прозрачный камень, на котором изображена голова женщины, кусочек жемчужной раковины, свинцовое зеркальце с двумя стеклами». Три последних предмета вряд ли могли иметь какое-либо отношение к апостолу Фоме, но, несомненно, принадлежали самому миннезингеру.

Путешествие монаха Юлиана В поисках «Великой Венгрии»

Венгерские (мадьярские) племена пришли в Карпатский бассейн в 896 г., став одной из последних волн Великого переселения народов. В последующие 300 лет они вполне усвоили социальную модель и систему ценностей, принятые в средневековой Западной Европе. Но в памяти венгров, поселившихся на Дунае, жило предание о том, что далеко на востоке остались их соплеменники. Эту историческую прародину называли «Великой Венгрией» – *Hungaria Magna*.

...В 1234 г. из дальнего путешествия в венгерскую столицу Эстергом вернулся доминиканец брат Отто, 3 года назад ушедший на поиски *Hungaria Magna*. Он был крайне изможден и уже умирал. Перед смертью он успел рассказать, что встретил на Волге людей, говорящих по-венгерски. Но сама Великая Венгрия лежала где-то на востоке...

Майским утром 1235 г. из ворот Эстергома выехали 4 всадника. Прохожие с удивлением взирали на бородатые лица путников и их длинные, непривычного вида одеяния. Узнать в этом «языческом» обличье доминиканских монахов Юлиана, Герарда, Иоанна и Якова мог только очень опытный глаз.

Экспедицию возглавил Юлиан. Он получил два задания, каждое из которых имело государственную важность. Первое – найти «Великую Венгрию». Второе – узнать как можно больше о монголах, пришедших из глубин Азии.

Переправившись через Дунай, монахи вошли в пределы Болгарского царства. В Константинополе несколько недель пришлось ждать попутный корабль. Наконец, пришла венецианская галера, направлявшаяся в Боспор. Вечером того же дня Юлиан и его спутники уже были на корабле.

Галера шла на восток вдоль малоазийского берега: в те времена редко кто отваживался пересекать Черное море напрямик. Лишь спустя 33 дня она добралась до города Матрика на Таманском полуострове. Здесь Юлиан получил первые известия о монголах.

21 августа небольшой караван вышел из Матрики. Проводник вел монахов вдоль высокого правого берега Кубани. На 13-й день они добрались до земли аланов. Далее их путь лежал через обширную полупустыню, которая тянулась до самой реки Итиль (Волги). Неподалеку от устья Итиля, на краю пустыни, лежал город Торчикан. Здесь решено было перезимовать. Монахи сильно бедствовали, и с наступлением весны Юлиан велел двум своим спутникам возвращаться в Венгрию, а сам в середине марта с первым же караваном в сопровождении брата Герарда покинул Торчикан. Спустя 37 дней Юлиан и Герард добрались до страны, которую местные жители называли Вела (где-то между реками Яик и Эмба). Здесь Герард умер. Юлиан остался один. Он присоединился к каравану, направлявшемуся в Волжскую Булгарию.

В большом болгарском городе Юлиан расстался со своими спутниками. Он бродил по улицам, смотрел, слушал. И вдруг... услышал в толпе венгерскую речь! Неподалеку стояла женщина в длинном широком платье, украшенном цветными лентами, в кожаной безрукавке. Она по-венгерски называла лежащие на прилавке товары и переводила смысл слов стоящему рядом мужчине – по-видимому, мужу. Юлиан приветствовал женщину по-венгерски. Удивленная женщина ответила на его родном языке. И тогда Юлиан заплакал от счастья...

Памятник Юлиану и Герарду. Будапешт, Венгрия

Женщина оказалась мадьяркой из «Великой Венгрии», выданной замуж за болгарского купца. Она рассказала Юлиану, что земля ее народа лежит в 2 днях пути отсюда, возле реки Этиль (по-башкирски – Ак-Идель, Белая). Здесь, у края степи, Юлиан увидел первое селение венгров – несколько деревянных домов с плоскими крышами в окружении покрытых бурым войлоком юрт...

Венгры с большой радостью встретили Юлиана. Они помнили, что много лет назад часть их народа ушла на запад. Юлиан получил от них много важных сведений о монголах, и понимал, что обязан предупредить короля. Пора было возвращаться...

Юлиан покинул «Великую Венгрию» 21 июня 1236 г. 15 сентября он проехал Рязань, 22 октября – Чернигов, 5 ноября – Галич. 27 декабря Юлиан перевалил Карпаты, а 8 января 1237 г. уже был в Эстергоме. Он вовремя предупредил Европу об опасности. И не его вина в том, что добытые им знания не пошли на пользу его современникам. Весной 1241 г. монголы ворвались в пределы Венгрии, Польши и Чехии, но ни король Бела, ни правители других стран не смогли организовать отпор завоевателям.

Путешествие Плано Карпини в страну монголов

Первые обстоятельные сведения о странах и народах Центральной Азии начали поступать в Европу лишь в эпоху монгольских завоеваний. Эти сведения приносили купцы, миссионеры и послы, по поручению папы римского отправлявшиеся в ставку монгольских ханов или к императорскому двору в Пекине.

В апреле 1245 г. в далекий Каракорум – ханскую ставку на реке Орхон, у северных границ Китая, – отправилось посольство папы римский Иннокентия IV, которое возглавил 64-летний францисканец Джованни дель Плано Карпини. Он должен был установить дипломатические отношения с монгольскими ханами, орды которых в 1241 г. вторглись в Европу и продвинулись до Легницы (Польша). 16 апреля 1245 г. Карпини покинул Лион и направился через Богемию (Чехия) и Силезию в Киев, оттуда по покрытому еще льдом Днепру – к Черному морю и затем вдоль его северного побережья к Дону и дальше к Волге. 4 апреля 1246 г. прибыли в Сарай. Здесь находилась резиденция хана Батыя – второго лица после великого хана, находящегося в Каракоруме. «Прежде чем нас повели к хану, – рассказывает Карпини, – нас предупредили, что мы должны будем пройти между двух огней, так как сила огня очистит нас от дурных намерений и от яда, если мы имеем какой-нибудь злой умысел против хана, на что мы и согласились, дабы снять с себя всякое подозрение». На другой день Батый призвал к себе послов и дал им провожатых в стан великого хана. За три с половиной месяца послы проехали громадное расстояние – от Сарая до летней резиденции Великого хана Сыр-Орды (к западу от нынешнего Улан-Батора). Путь посольства пролегал по древнему торговому пути, мимо Аральского моря к нижнему течению Сырдарьи и Или и оттуда через Джунгарские ворота в Монголию.

Монголка в традиционном праздничном одеянии

22 июля 1246 г. Карпини прибыл в Сыр-Орду. Ему довелось стать свидетелем избрания нового великого хана: преемником Угедая, умершего весной того же года, стал Гуюк. Несколько дней спустя хан принял послов и вручил им ответное письмо хана к папе римскому, которое кончалось словами: «Мы поклоняемся своему богу и с его помощью разрушим весь мир от Востока до Запада». Таким образом, миссия Карпини не удалась.

Обратное заняло более 2 лет. 9 июня 1247 г. посольство снова было в Киеве, а в ноябре того же года – в Лионе. Плано Карпини привез с собой подробный отчет обо всем, что видел (в

русском переводе – «История монголов»), подробно рассказав о нравах монголов, их жизни, религии и государственном устройстве. Путешествие Карпини открыло список великих путешествий европейцев в Азию, а его отчет о путешествии впервые познакомил Европу с миром Востока тех лет.

Андре Лонжюмо идет в «монгольские страны»

В начале 1245 г. доминиканец Андре Лонжюмо отправился из Лиона в страны Востока. Через Акку (Акру), Антиохию, Алеппо (Халеб) и Мосул он добрался до какого-то малоизвестного города в Персии, расположенного в 17 днях пути от Мосула. Лонжюмо провел здесь полтора года, изучая персидский язык. Во время пребывания в Персии путешественник случайно встретил некоего важного монгольского правителя, в свите которого находился сановник по имени Симеон, христианин несторианского толка. Симеон встретил Лонжюмо приветливо, отнесся к нему с глубоким почтением и выразил желание написать папе римскому письмо, в котором напыщенно называл себя «викарием Востока».

Схватка монголов с европейскими рыцарями

После того как Лонжюмо весной 1247 г. вернулся в Лион, король Людовик IX попросил его, как знатока страны и языка, сопровождать его в Седьмом крестовом походе. Лонжюмо принял это предложение, отправился к королю и в его свите 17 сентября 1248 г. прибыл на Кипр. С Кипра король послал доминиканца «в монгольские страны», чтобы склонить их к союзу с Францией. Высадившись в Антиохии, Лонжюмо направился Персию, а затем через всю Центральную Азию прошел к реке Талас (Киргизия) и прибыл в монгольскую столицу

Каракорум. Как и несколько ранее во время приезда Карпини, там после смерти великого хана Гуюка господствовало междоусобице. Поэтому Лонжюмо должен был возвратиться, ничего не добившись. В начале апреля 1251 г. он прибыл к королю Людовику, который находился в то время в Кайсери в Малой Азии. Путешествие Лонжюмо, несмотря на дипломатическую неудачу, стало одним из самых дальних среди всех путешествий, предпринятых европейцами в XIII в.

Миссия Гильома Рубрука

Весной 1252 г. Гильом (Вильгельм) Рубрук, фламандский монах-францисканец, по поручению французского короля Людовика IX отправился с дипломатической миссией в ставку монгольского правителя Мункэ в Каракоруме. Рубрук и его спутники вышли в путь из города Акка (Акра) – морского порта в Палестине. Добравшись до Константинополя, они пересекли на корабле Черное море и высадились в порту Салдайя (Судак) на южном берегу Крыма. Отсюда в мае 1253 г. посольство двинулось к низовьям Волги в Сарай – ставку хана Батыя. Могущественный правитель Золотой Орды не захотел вступить в переговоры с посланниками французского короля, но дал им провожатых к хану Мункэ. Маршрут Рубрука примерно совпадал с маршрутом Карпини: выйдя в путь от берегов Итиля (Волги), в августе 1253 г. посольство спустя 34 дня оказалось в бассейне реки Сырдарьи, откуда повернул на юго-восток. 8 ноября Рубрук достиг долины реки Талас. На горизонте отчетливо вырисовывались вершины гор. Перевалив через горный хребет, Рубрук и его спутники двинулись «прекрасной равниной, имея по правую руку высокие горы, а по левую – море или озеро; чтобы объехать его кругом, нужно 15 дней». Это было озеро Балхаш. Через монгольские степи послы добрались до Каракорума. Этот город, по словам Рубрука, был обнесен земляными стенами, с воротами на каждой из четырех сторон. Дворец великого хана Мункэ, две мусульманские мечети и один христианский храм составляли главные здания города. Великого хана в это время не было в столице, и Рубрук вместе со своими спутниками должен был отправиться в летнюю резиденцию, находившуюся в северной части страны. Несколько недель Рубрук провел при дворе Мункэ, встретив здесь много немецких и французских пленников. Хан передал послу письмо французскому королю: он называл себя владыкой мира и требовал от французов присяги на верность. 6 июня 1254 г. Рубрук покинул монгольскую столицу.

Двор хана Мункэ в Каракоруме

Обратный путь пролегал севернее озера Балхаш. От устья Волги Рубрук повернул на юг, проследовал по западному берегу Каспийского моря и через Армению, Каппадокию и Антиохию 12 августа 1255 г. вернулся в Акку. В дипломатическом отношении миссия Рубрука не имела никакой пользы, но принесла важные географические сведения. Рубрук окончательно подтвердил утверждение Геродота о том, что Каспийское море является внутренним озером, первым из европейцев сообщил о существовании Центрально-Азиатского нагорья, описал ряд стран Центральной и Восточной Азии. В его записках содержатся важные сведения о монголах, маньчжурах, корейцах и других народах.

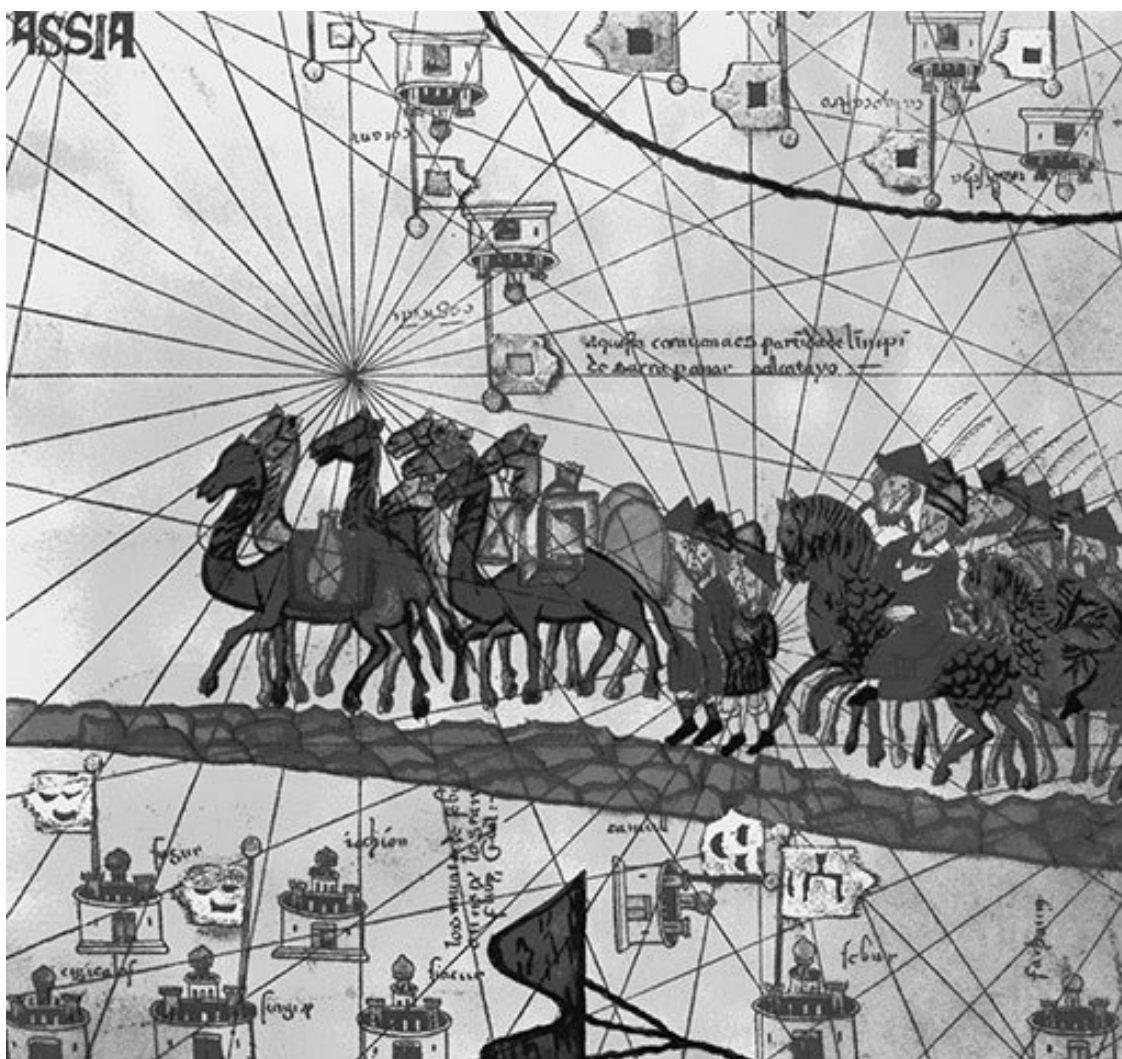
Джованни Монтекорвино, архиепископ Китая

В 1288 г. 36-летний францисканец Джованни Монтекорвино был послан папой Николаем IV к монгольскому правителю Персии Аргуну, племяннику Хубилая. Тот был весьма заинтересован в установлении хороших отношений с христианскими государствами, поскольку намеревался покорить Палестину и Сирию и потому хотел завоевать благосклонность христианских правителей. Около года Монтекорвино пробыл в Тебризе, после чего вернулся в Рим. А в следующем году францисканец отправился в новое, гораздо более далекое путешествие – в Пекин (Ханбалык).

Через земли, подвластные Аргуну (оказавшему путешественнику полное содействие), через города Тебриз и Ормуз, Монтекорвино проследовал в Индию, где 13 месяцев провел на Коромандельском берегу среди местных христиан-фомистов. В своих письмах Монтекорвино дал подробное описание Южной Индии, быта ее населения, торговли и мореходства. В 1293 г. путешественник морем отправился в Китай. Он прожил в этой стране (главным образом в Северном Китае) около 35 лет – до самой своей смерти, проповедуя христианство среди китайцев. В течение 11 лет Монтекорвино был, по-видимому, единственным европейцем в Пекине, лишь потом к нему присоединился брат Пьетро из Лукалонго. Монтекорвино построил в Пекине церковь с колокольной, совершал поездки по стране, подвергался гонениям от несториан, которые его «многokrатно волокли к суду, позорили и смертью». В итоге, однако, хан принял сторону Монтекорвино, а несториан «выслал вместе с женами и детьми». В 1307 г. папа назначил Монтекорвино архиепископом Китая. Последние годы жизни францисканец безвыездно прожил в Пекине, где и скончался в преклонном возрасте.

«Марко-миллионе»

В XIII – начале XIV в. торговля с Востоком из рук персов и арабов переходит к итальянским городам-республикам, в первую очередь к Венеции. Среди предприимчивых венецианских купцов были два брата Поло – Маттео и Никколо. В 1254 г. они нагрузили товарами галеру и отплыли в Константинополь. Оттуда братья отправились в Крым, потом на Волгу, с Волги в Бухару, потом поехали в Китай и достигли Ханбалыка – столицы монгольского императора Хубилая. Только в 1269 г. венецианцы вернулись в родной город. Спустя 3 года Никколо и Маттео вновь отправились в Китай. На этот раз они взяли с собой 17-летнего Марко, сына Никколо. Долгое путешествие через равнины, горы и пустыни Азии заняло 3,5 года.

Караван Марко Поло на пути в Азию

Хан Хубилай хорошо принял купцов. Трое венецианцев 17 лет пробыли у него на службе. Марко Поло освоился в новой для него стране, научился говорить на чужих языках и завоевал доверие Хубилая. Хан давал ему важные поручения, требовавшие разъездов по стране. Так Марко Поло смог постепенно объехать почти все провинции Китая. В течение 3 лет он был даже губернатором одной из южных областей. Таким образом, Марко Поло получил возможность глубоко ознакомиться с жизнью страны. Его интересовали не только вопросы, связанные

с торговлей, но и география Китая, его природные богатства, государственное устройство, быт китайцев.

В 1295 г. Марко Поло, его отец и дядя возвратились в Венецию, но не сухим путем, а морем, обогнув Юго-Восточную Азию. Венецианцы миновали Острова пряностей, побывали на острове Суматра. Пройдя полмира, они вернулись в Венецию. Рассказывают, что, когда три путника в странных одеждах, обветренные и загорелые, подошли к фамильному дому, их поначалу отказались принять: давно уже прошел слух, что они погибли на чужбине...

Марко Поло в татарском одеянии

Во время этого путешествия не было открыто ни одной неизвестной страны. Был пройден только тот путь, которым десятки раз пользовались как безымянные, так и известные по имени купцы и послы. И все же это путешествие, затянувшееся более чем на 24 года, было выдающимся событием, чему немало способствовала замечательная книга Марко Поло. Она открыла людям того времени широкие горизонты, показав дотоле закрытый для них мир.

Современники с недоверием отнеслись к рассказам Марко Поло о необычайных богатствах Китая, о пышности и роскоши императорского двора, о миллионных доходах китайского императора... Путешественник даже получил насмешливое прозвище «Марко-миллионе». Но время все расставило на свои места. Сегодня Марко Поло называют «Колумбом Востока».

Путешествие Гильома Адана

В 1332 г. в руки французского короля Филиппа IV попал увлекательный и почти что сенсационный документ – отчет о далеких путешествиях, предпринятых монахом-доминиканцем Гильомом Аданом. В 1313–1314 гг. Адан в качестве миссионера странствовал по Персии, затем отправился в Индию, а оттуда – в Восточную Африку. 20 месяцев провел он в плаваниях в различных районах западной части Индийского океана, обошел Персидский залив и Красное море, побывал в Адене, на острове Сокотра, в Эфиопии и Египте. Во время путешествий Адан вел астрономические наблюдения. И хотя на приведенные Аданом сведения о географических широтах в полной мере полагаться нельзя, во всем остальном его отчет был чрезвычайно зрелым и объективным для путешественника XIII в. и стоял на высоком научном уровне; усердие и мужество французского монаха заслуживают самой высокой оценки. Результаты наблюдений, приведенные в отчете о его путешествии, позволяют сделать вывод, что Адан посетил побережье Восточной Африки южнее экватора. Современные исследователи полагают, что Гильом Адан первым из европейцев добрался до Мозамбика и, может быть, даже до Софалы.

О жизни этого выдающегося путешественника мы знаем очень мало. В 1318 г. он находился в Авиньоне при папе Иоанне XXII и, возможно, встречался с великим Данте. Не исключено, что именно от Адана (ведь других путешественников, которые в это время побывали в странах Тропической Африки, история не знает) Данте узнал о созвездии Южный Крест, о чем и написал в своей «Божественной комедии». Эта поэма не только открыла новую главу в истории европейской культуры, но и отразила возраставший в то время интерес к Африке и восточным странам.

Софала и окрестности на более поздней карте

От Падуи до Пекина

Францисканец Одорико Маттиусси ди Порденоне отправился миссионером в Азию в апреле 1318 г. Пройдя через Константинополь, Трапезунд (Трабзон) и Эрзерум, он добрался до города Кашан в центральной части Ирана, где изготавливались удивительные по красоте изразцы, которыми до сих пор блистают иранские, афганские и узбекские мечети. Из Кашана путешественник направился на юг, в древнюю персидскую столицу Персеполь (этот город будет повторно открыт европейцами только в XIX в.). Дальнейший путь его лежал в морской порт Ормуз – главный пункт торговых связей стран Среднего и Ближнего Востока с Индией. Здесь Порденоне поднялся на борт корабля, идущего к берегам Индии. Конструкция судна немало заинтересовала путешественника: все его детали были скреплены только бечевками: «Я не мог найти ни кусочка железа!»

Весной 1321 г. Порденоне уже был в Бомбее. Отправившись отсюда вдоль Малабарского берега, он обогнул южную оконечность Индостана на большом корабле, вмещавшем 700 человек. Побывав на Цейлоне (Шри-Ланка), путешественник направился в Мадрас, где, по слухам, покоился прах апостола Фомы, которому он хотел поклониться.

Из Мадраса после 50-дневного плавания Порденоне прибыл на Суматру, став первым европейцем, описавшим этот остров. Затем он посетил Яву, Борнео (Калимантан) – крупнейший из островов Большого Зондского архипелага. Рассказывая о нем, Порденоне, в частности, впервые подробно описывает саговую пальму. С Борнео Порденоне направляется в Индокитай, но долго там не задерживается и, после еще одного морского перехода, высаживается, наконец, в Китае. По реке Жемчужной он поднимается к Кантону (Гуанчжоу), размеры которого поразили его – этот город был в 3 раза больше Венеции! «Во всей Италии нет такого количества кораблей, сколько их в одном этом городе». Порденоне посетил ряд других городов Южного Китая, в том числе Нанкин. Отсюда по Великому каналу он добирается до реки Хуанхэ и прибывает в конечный пункт своего путешествия – Пекин, в котором прожил 3 года.

Одори́ко ди Порде́ноне

Целых 5 лет затратил Порденоне на обратное путешествие (1325–1330 гг.). Первым из европейцев он посетил Лхасу – столицу Тибета и оставил описание этого священного города, доступ в который был запрещен иноземцам вплоть до 1904 г. В Венецию Порденоне вернулся уже изнуренным и больным. Он успел продиктовать одному из своих братьев рассказ о своих путевых наблюдениях и приключениях и 14 января 1331 г. скончался. Его сочинение «О чудесах мира» наряду с книгой Марко Поло долгое время являлось главным источником сведений о далеких странах на Востоке.

В гостях у великого хана

После смерти Джованни Монтекорвино китайские христиане обеспокоились и в июле 1336 г. написали папе о том, что уже 8 лет живут без епископа и просят его о помощи. Это письмо пришло в Авиньон, где в то время находился папский престол, в начале 1338 г. Оно было доставлено папе китайским посольством, состоявшим из 15 человек.

В июле 1338 г. китайское посольство тронулось в обратный путь. Вместе с ним в Пекин (Ханбалык) отправился и францисканец Джованни Мариньоле, получивший статус папского легата (посла), но, однако, не епископа. Поездка Мариньоле в Китай стала одним из самых продолжительных дипломатических путешествий, известных в истории. Началось оно в 1338 г. в Авиньоне и закончилось возвращением в этот же город в 1353 г.

Дорога в Китай заняла у посла более 3 лет. Зимовал Мариньоле сперва в Сарае, а потом в Армалеке. Пребывание в Пекине длилось также около 3 лет. Появление папского легата показалось китайским хронистам событием достаточно важным для того, чтобы внести его в свои летописи. Среди папских даров великому хану особенное внимание привлек к себе европейский боевой конь, сильно поразивший китайцев, так как он по своим размерам значительно превосходил мелких лошадей Центральной Азии. Этому коню поэты посвятили несколько хвалебных од, а придворный живописец Чжоу Лан написал с него картину.

Обратно Мариньоле возвращался морем, и этот путь занял у него очень много времени. 26 декабря 1346 г. он отплыл из Зайтуна и в марте 1347 г. прибыл в Индию. От Индии до Неаполя путешествие продолжалось целых 6 лет. Больших успехов в Китае папский легат не добился. Несомненно, Джованни Мариньоле нельзя отказать в мужестве, ибо не так-то легко провести более 14 лет среди совершенно чуждых народностей и смотреть в лицо различным опасностям. Но в остальном он проявил какие угодно качества, кроме дипломатического такта. Даже составленное им описание его путешествия выглядит довольно сиротски по сравнению с рассказами Рубрука или Марко Поло.

Скитания Иоганна Шильтбергера

Баварец Иоганн Шильтбергер, уроженец Фрейзинга, был человеком неученым. Проведя более 30 лет в далеких странах, он, вернувшись на родину, оставил своим потомкам записки – такие же бесхитростные, как и он сам, написанные простым лаконичным языком...

Перед битвой при Никополе. Слева – европейские рыцари, справа – турки

В 1394 г., отправляясь на войну с турками, его сеньор Линхарт Рейхартингер взял 14-летнего Шильтбергера с собой в качестве оруженосца. Армию европейских рыцарей возглавил венгерский король Сигизмунд. Но 28 сентября 1396 г. в битве у Никополя (в современной Болгарии) турецкий султан Баязид наголову разгромил крестоносцев. На поле боя остался лежать цвет европейского рыцарства. Погиб и Линхарт Рейхартингер. Его оруженосец попал в плен. Султан распорядился умертвить всех пленников, но Шильтбергер чудом остался жив: его и других юношей, которым еще не исполнилось 20 лет, пощадили и отправили в Галлиполи. В пути Шильтбергер, получивший в битве три раны, едва не расстался с жизнью. Выздоровев, он служил у султана Баязида скороходом, потом фореитором.

Султан Баязид мечтал овладеть Константинополем. Византийцы, с трудом сдерживавшие натиск турок, призвали на помощь Железного хромца Тимура. В битве при Ангоре 20 июля 1402 г. Тимур разбил турок. Как переменчиво военное счастье! Теперь уже султан Баязид

попадает в плен. А вместе с ним – и его раб Ганс Шильтбергер. Пройдя тысячи верст, баварец оказался в столице Тимура – Самарканде. Отсюда Шильтбергер сопровождал своего нового господина в походе в Палестину. После смерти Тимура он достался сыну Железного хромца, Шахруху, и отправился в Герат. Отсюда Шильтбергера забрал внук Тимура – Абубекр, владевший Персией и Арменией. При его дворе жил беглый ордынский царевич Чекре. Спустя 4 года всесильный временщик Едигей позвал Чекре к себе, предложив занять освободившийся трон в Сарае. С отрядом Чекре Шильтбергер прошел через Железные ворота и достиг Астрахани, разрушенной Тамерланом. В Сарае, столице Золотой Орды, тоже были видны повсюду следы разрушений. Отсюда дорога Чекре и Шильтбергера лежала на Яик, а затем через казахские степи в Ургенч. Они отыскиали Едигея где-то «в полях». В это время тот готовился «к походу в страну, именуемую Виссибур [Сибирь]», и Чекре со своим отрядом присоединился к нему. Так Шильтбергер оказался на Урале, а затем в Сибири...

Когда Чекре погиб в борьбе с одним из сыновей Тохтамыша, баварец попал в руки Маншука, недавнего советника Чекре. Изгнанный с Волги, Маншук пытался пробраться в Крым. Вместе с ним Шильтбергер добрался до Кафы (ныне Феодосия). Но спустя всего 5 месяцев ему вновь пришлось отправиться в дальний путь: опасаясь бушевавших в Крыму междоусобиц, хозяин Шильтбергера бежит через Керченский пролив на восток, в страну черкесов. Отсюда вдоль Черноморского побережья, через «страну Абаса» (Абхазию) они добираются в Мингрелию. Здесь Шильтбергер и четверо его спутников-христиан решаются бежать. В Батуми их приняло на борт византийское судно, и спустя несколько дней они уже были в Константинополе. Беглецов удостоил аудиенции сам византийский император, немало дивясь их рассказам. Через 3 месяца Шильтбергер и его товарищи морем отправляются в Валахию. Оттуда через Львов, Краков и Бреслау (Вроцлав) Шильтбергер добрался до родного Фрейзинга, проведя в скитаниях 32 года.

Жильбер де Ланнуа: полвека в дороге

Рыцарь Жильбер де Ланнуа, уроженец Фландрии, неутомимый путешественник, дипломат и искатель приключений, объездил, кажется, всю Европу и Ближний Восток. Девиз «Для спасения души», начертанный на его гербе, не раз побуждал его отправляться в дальние паломнические поездки: в 1403–1404, 1422 и 1446 гг. – в Святую землю, в 1416 и 1430 гг. – в Ирландию к святому Патрику, дважды в Сантьяго-де-Компостела, в 1450 г. – в Рим. В 1407–1410 гг. де Ланнуа воевал вместе с испанскими христианами против мусульман Гранады. В 1413 г. он отправился в поисках новых подвигов в далекий путь к берегам Балтики. Добравшись до Мариенбурга, резиденции великого магистра Тевтонского ордена, де Ланнуа предложил крестоносцам свою помощь. Однако орден имел мирный договор с поляками, и, убедившись, что войны здесь не предвидится, де Ланнуа отправился дальше – в Ригу. Магистр Ливонского ордена также не планировал никаких военных походов. В качестве утешения он предложил де Ланнуа ограничиться ознакомительным путешествием в Новгород и Псков.

Зимой 1413 г. де Ланнуа двинулся в дорогу – на санях, «по причине великого снега и холода», рыцарь добрался до Новгорода. Встретили его с большим почетом, городские власти задали в его честь пир. Спустя 9 дней рыцарь отправился в Псков. Стояли сильные морозы, от которых трескались деревья. Серебряные чаши, которыми де Ланнуа набирал воду из озера, примерзали к пальцам.

Из Пскова путь Ланнуа лежал по льду реки Великой. Проехали через занесенный снегом, замерзший Динабург. Отсюда дорога вела на Вильно, где располагался двор Великого князя Литовского Витовта. Здесь де Ланнуа впервые увидел татар: плененные Витовтом в далеких степях, они были поселены в окрестностях Вильно, занимались земледелием, жили в особых селах и совершали свои «сарацинские обряды».

Довмонтов город во Пскове. XV в.

Жильбер де Ланнуа в рыцарском облачении

Вернувшись из далекой «Сарматии», рыцарь сразу попал в пекло войны. В октябре 1415 г. он сражался с англичанами при Азенкуре и вместе с остатками разгромленной французской армии попал в плен. Спустя год его выкупили за 1200 золотых дукатов. В благодарность за избавление де Ланнуа поспешил отправиться в Ирландию, на поклонение мощам святого Патрика. А в 1421 г. рыцарь вновь собрался в далекий путь. Ему предстояло объехать без малого полмира – Пруссию, Литву, Польшу, Молдавию, Крым, Константинополь, Египет, Сирию, Палестину, – оповещая всех о мирном договоре между Францией и Англией. На то, чтобы выполнить поручение, рыцарю потребовалось 2 года. Он побывал на Святой земле, потом через пески Синайского полуострова отправился в Египет. Из Александрии в 1423 г. де Ланнуа отправляется на родину. Его миссия «посла мира» завершена. Но не завершены путешествия! В 1429 и 1442 гг. он вновь в Германии, в 1430 г. отправляется в Шотландию, спустя год уезжает на церковный собор в Базеле, в 1446 г. путешествует по странам Средиземного

моря... «Via est vita» – «Дорога – это жизнь», – говорили древние. Жизнь беспокойного рыцаря де Ланнуа действительно стала бесконечной дорогой...

Николо Конти: четверть века на Востоке

Венецианский купец Николо Конти вошел в историю как один из немногих европейцев, сумевших в XV в. побывать в Южной Азии. Отправившись в путь в 1419 г. из Дамаска, Конти прошел через Сирийскую пустыню к Евфрату, посетил Багдад, Басру и Ормуз, откуда через Оман направился в Индию. Он странствовал во внутренних районах Индостана, с Коромандельского берега по морю достиг Цейлона. 20 дней длился его морской переход от Цейлона к островам Индонезии. Оставив справа по борту Андаманские острова («...они таят в себе золото и достигают 800 миль в окружности. Жители их – людоеды...»), Конти высадился на побережье Бирма (Мьянма). После нескольких переходов по суше и воде он вошел в устье Ганга и поднялся вверх по этой великой индийской реке до города Раджмахал. Затем Конти вернулся в Бирму, совершил путешествие по реке Иравади и побывал в городе Ава, где после Марко Поло вряд ли был еще хоть один европеец. Поднимаясь вверх по Иравади и потом следуя сухопутной дорогой, Конти пришел в Китай. Он побывал в Нанкине, где в то времена располагалась императорская резиденция. Затем Конти посетил острова Калимантан (Борнео), Ява и Банда и через Сокотру, Аден, Джидду и Каир отправился в обратный путь.

Вид на Ормузский пролив и одноименный остров в Персидском заливе. Рисунок 1572 г.

По продолжительности, масштабности и смелости странствия Конти не уступают путешествию Марко Поло. Конти не открыл никаких новых земель, путешествовал он в уже извест-

ных областях Азии, однако это были времена, когда исламский барьер на Ближнем Востоке был почти непреодолимым для путешественников-христиан, а Китай после падения монгольской династии (1368 г.) практически отгородился от внешнего мира. Таким образом, ему было гораздо тяжелее, чем другим путешественникам Средневековья. Успех путешествия Конти во многом был связан с его блестящим знанием арабского и персидского языков. Первым из европейцев он познакомился с внутренней Индией и проник далеко в глубь Малайского архипелага. Вернувшись после 25-летнего путешествия домой, Конти написал объемистый труд о своих приключениях под названием «Четыре книги истории об изменчивости судьбы». Таким образом, Конти наряду с Марко Поло и Никитиным – один из немногих путешественников Средневековья, сочинения которых дошли до нашего времени. Правда, описание путешествия Конти сохранились не полностью.

«За три моря» с Афанасием Никитиным

5 ноября 1472 г. на берегу Черного моря, в городе Кафа – ныне Феодосия, – появился загадочный странник. Прибыл он издалека, называл себя – купец Ходжа Юсуф Хоросани, но по-русски говорил чисто, да и сам – вылитый русский, только смуглый от загара. Самое дорогое, что было при нем, – это листки с таинственными записями, где русские слова идут вперемежку с арабскими и какими-то криптограммами, понятными лишь ему одному...

Неожиданная смерть обрывает путь загадочного странника. А таинственные листки попадают в Москву. Много позже монахи Троице-Сергиева монастыря включили их текст в состав одной из летописей. И только в начале XIX в. благодаря Н.М. Карамзину «Хождение» Афанасия Никитина стало известно всему миру.

Год 1466-й. «В те же лета некто именем Афонасий Никитин сын Тверитин ходил за море», – сообщает летопись. Купеческий караван отправился вниз по Волге, но в Астрахани был разграблен татарами. Ограбленные купцы разошлись кто куда. Афонасий Никитин решает идти дальше: в Дербент, оттуда в Баку, а из Баку – за море. Непонятно, правда, зачем – ведь ему нечем было торговать. С какой же целью все-таки ходил в Индию Афонасий Никитин?

Весной 1468 г. Никитин появляется в Персии. Здесь он провел 2 года, потом на небольшом купеческом судне отправился в Индию. 5 лет он путешествует по далекой стране, странствуя из города в город и скрупулезно ведя путевые записи. Все без исключения исследователи «Хождения за три моря» отмечают «поразительную точность собираемых сведений, отличную от всех трудов европейских путешественников». Весной 1471 г., после пяти лет «хождения», Никитин отправляется в обратный путь. Но возвращается он не знакомым уже путем, а вслед за войском Делийского султаната идет в соседнее княжество Виджаянагар, которое ведет войну против мусульман. Он побывал в Голконде – знаменитом центре добычи алмазов, на западном побережье Индийского океана сел на корабль и весной 1472 г. высадился в Ормузе. В пути шторм отнес судно к берегам Сомали, где кораблю пришлось сделать вынужденную остановку, и таким образом Афонасий Никитин стал – хотя и невольно – первым русским путешественником, побывавшим в Африке южнее Сахары!

Афанасий Никитин покидает Тверь. Художник Д. Буторин

К осени 1472 г. Никитин добрался до Трапезунда на южном побережье Черного моря. Отсюда «Божией милостью пришел я в Кафу», – записывает путешественник. Все, что мы знаем о его дальнейшей судьбе, взято из скупых строк единственного источника – Софийской летописи: «Сказывают, что-де и Смоленска не дошед, умер. А писание то своею рукою написал, иже его руки тетради и привезли гости Мамыреву Василью к дьяку великого князя в Москву».

Приключения Лодовико ди Вартема

О происхождении итальянского путешественника Лодовико ди Вартема известно мало. Его называют то болонцем, то римлянином. Отправившись из Венеции в 1503 г., Лодовико добрался до Каира, потом посетил Бейрут, Триполи, Халеб и, наконец, Дамаск, где остался, чтобы освоить арабский язык. Движимый желанием побывать в священных городах ислама и увидеть могилу пророка Мухаммеда, он хитростью «с помощью денег и других вещей» добился расположения капитана мамлюков, который должен был во главе отряда в 60 человек сопровождать в Мекку караван паломников. Вместе с караваном ди Вартема направился в сердце Аравии.

Караван шел через пустыню Нефуд. Множество раз приходилось давать отпор бедуинам, которые нападали на караван. Ди Вартема не называет мест, через которые шел караван, кроме исходного пункта (Мезериб) и конечных (Медина и Мекка). Путешественник составил первое описание Мекки. Кааба, святая святынь мекканского храма, была полностью перестроена в 1627 г. Ди Вартема же видел ее в первоначальном виде.

Караван паломников вступает в Мекку

Лодовико ди Вартема

Он не собирался возвращаться с караваном назад в Дамаск. Присоединившись к каравану, идущему в Египет через Джидду, ди Вартема дошел до побережья Красного моря и там, договорившись с капитаном, сел на судно, отплывающее в Персию. В своих записках он пишет о рифах Красного моря, о трудностях навигации и приключениях в пути. Пройдя Баб-эль-Мандебский пролив, корабль прибыл в Аден. В ту пору португальские корабли постоянно крейсировали в океане в виду Адена, и всех жителей города занимала мысль о португальской опасности. В Лодовико ди Вартема тотчас же заподозрили шпиона и в тот же день доставили во дворец султана, чтобы предать смерти. Только отсутствие султана отсрочило казнь. Его и еще трех пленников бросили в тюрьму, надев на ноги кандалы. Узники договорились, что тот, на кого падет жребий, должен будет изображать помешательство, чтобы дать возможность бежать остальным. Жребий пал на ди Вартема. Он успешно справился с ролью помешанного, и ему снова улыбнулось счастье: жена султана окружила его заботами. Вырвавшись с ее помощью из тюрьмы, ди Вартема попросил разрешения отправиться в Аден полечиться у «святого человека». В Адене он, притворяясь больным, скрывался в мечети до тех пор, пока не отыскал

владельца судна, согласившегося его увезти отсюда. Вместе с ним путешественник отправился в Персию, а оттуда – в Индию. Находясь в Калькутте, он узнал, что португальцы, укрепившись в Каноноре, строят там флот. 3 декабря 1505 г. ди Вартема явился к вице-королю Португалии и предупредил его о том, что индусы готовят нападение. За этот поступок и мужественное поведение в последующих боях путешественник был посвящен в рыцари. Возвратившись в Венецию, ди Вартема написал свои «Записки», которые в течение почти полувека пользовались огромным успехом. Около 30 лет переиздания и переводы следовали один за другим без перерыва, некоторые вышли уже в XVII в.

Олай Магнус открывает Скандинавию

В 1518 г. 28-летний шведский священник Олаф Менсон, известный под латинизированным именем Олай Магнус (Олаф Великий), по собственной просьбе был послан в 1518 г. из Рима на север Скандинавии для сбора «лепты святого Петра» – подати в пользу Святого Престола. Он побывал в северных областях Швеции, Финляндии и Норвегии, дойдя до берегов Северного Ледовитого океана, пересек Скандинавские горы в центральной части и добрался до Тронхейма. Магнус был наблюдательным и любознательным путешественником и прекрасным художником: он интересовался географией, собирал сведения о разных местностях – как тех, где он побывал сам, так и тех, о которых ему рассказывали местные жители, делал очень реалистичные зарисовки северных зверей и птиц (в частности, он дал первое описание росомахи). В 1518 г. Олай Магнус вернулся в Стокгольм. Это путешествие заложило основы последующих географических исследований Скандинавии.

В 1527 г. Олай Магнус навсегда оставил Швецию. Путешествуя по Европе и встречаясь со многими образованными людьми, он с горечью убеждался, что в Центральной и Южной Европе очень мало знают о Скандинавии. Многие из его собеседников были убеждены, что Норвегия, Швеция и Финляндия – это острова в Северном океане, населенные смелыми, но умственно отсталыми людьми. И тогда путешественник задумал представить ученому миру правдивую и полную картину Скандинавии, описать ее природу и жителей. Более 10 лет он собирал сведения о Северной Европе, беседовал с моряками, ходившими по Балтийскому и Северному морям, изучал старые рукописи, карты и лоции. В результате в 1539 г. на свет появилась «Морская карта и описание северных стран и диковинок в них и на соседнем океане». На ней впервые Скандинавия представлена как полуостров Европы, с севера омываемый океаном. Вполне достоверно изображены на этой карте южные берега Балтийского моря побережье Ютландии, Датские острова, острова Северной Атлантики. Однако главная заслуга Олая Магнуса состояла в первом подробном и довольно верном изображении внутренних пространств Скандинавии: гор на крайнем севере и в центральной части полуострова, горных проходов, многочисленных рек – они даны без названий, а также крупнейших озер Швеции – Венерн, Веттерн, Меларен, Сильян и ряда меньших.

Поход на Север

В 1603 г. шведский король поручил астроному и математику Андерсу Буре провести топографическую съемку северной части Скандинавии. За 8 лет экспедиция Буре нанесла на карту северные берега Скандинавии на протяжении более 1,8 тысячи километров с многочисленными полуостровами, в том числе Рыбачьим, Варангер, Нордкин с одноименным мысом. Были засняты отделяющие их от основного массива Скандинавии и друг от друга фьорды, в том числе Мотовский залив и Тронхеймс-фьорд. Были положены на карту шведские и финские берега Ботнического залива на протяжении около 900 километров и ряд мелких островов на нем.

Карта Скандинавии по Андерсу Буре, 1635 г.

Основная работа пришлась на съемку рек и озер полуострова. На крайнем севере Буре заснял с небольшими ошибками 16 рек, среди них только одну сравнительно крупную. На карте был показан самый северный водоем Европы – озеро Инари, со многими островами и стоками рек. В 1611 г. по материалам съемки Буре составил «Новый чертеж» северных провинций «государства Швеции, Лаппонии, Ботнии и Каянии». Это была первая достоверная карта Северной Скандинавии; она охватывала также и часть России. Вероятно, сведения о Рос-

сии Буре получил от шведских дипломатов, видевших составленный в Московском государстве «Большой чертеж» или даже снимавших с него копии – нанесенное на карте Белое море с многочисленными островами у западного берега и в Кандалакшской губе имеет точные очертания. Кроме того, там четко обозначены Онежская, Двинская и Мезенская губы. За Каниным Носом, показанным как остров, к востоку нанесен остров Колгуев. На материке довольно верно изображены озера Ладожское, Онежское с Повенецкой губой, Ильмень, Белое и Чудское.

Открытие Востока

Из Голштинии в Персию и обратно

В 1633 г. уроженец Саксонии Адам Олеарий поступил на службу к голштинскому герцогу Фридриху III и вошел в состав снаряженного им спустя 2 года посольства в Персию. Путь голштинских послов лежал через Балтийское море до Нарвы, потом сушей до Москвы, затем вниз по Волге и через Каспийское море до Дербента, оттуда снова по суше через Шемаху, Ардебиль, Казвин и Кашан в тогдашнюю персидскую столицу Исфахан. Цель этой экспедиции состояла в том, чтобы установить непосредственные торговые отношения с южноазиатскими странами в обход морского пути, которым в начале XVII в. завладели португальцы и голландцы. Но она таки и не была достигнута. Тем большее значение приобрели географические и культурно-исторические сведения о путешествии, предоставленные в подробных и достоверных описаниях Олеария. Труд Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» стал одним из ценнейших источников о Персии (Иране) и России XVII в. Кроме того, в 1654 г. Олеарий опубликовал перевод произведения «Гюлистан» великого персидского поэта Саади.

Вид Исфахана. Изображение из книги Адама Олеария

Когда Олеарий возвращался в 1639 г., московский царь пригласил его к себе на службу в качестве астронома, но Олеарий, недовольный тем, что в России его суеверно считали волшебником и звездочетом, отказался. В 1643 г., когда Олеарий вновь был в Москве, он снова отказался от подобного же предложения. Он так и остался верным слугой герцога Фридриха и его преемника Христиана-Альбрехта до самой своей смерти.

Карстен Нибур в Йемене

В 1761 г. молодой немецкий ученый Карстен Нибур возглавил датскую научную экспедицию, отправившуюся на Ближний Восток. 29 октября 1762 г. отряд высадился в порту Джидда, что на восточном берегу Красного моря. Отсюда начинался путь в глубины Аравии – огромной неведомой страны. Арабы называют ее Джазират-аль-Араб, что означает «Остров арабов». Она и есть почти что остров. Красное море, Индийский океан, Персидский залив омывают ее с трех сторон и лишь на севере полоса Сирийской пустыни соединяет Аравийский полуостров с материком. Европейские географы делили Аравийский полуостров на три области: песчаную равнинную полосу побережья Красного моря – жаркую Тихаму; гористый Хиджаз, лежащий к востоку от Тихамы, и Неджд – плоскогорье между Хиджазом и побережьем Персидского залива. В Хиджазе расположены священные города ислама Мекка и Медина. На юге Аравии, в Йемене, в 1633 г. было создано независимое государство – имамат. В южные районы Йемена никогда не проникали ни турки, ни персы, здесь всегда жили независимые племена и властвовали шейхи – мелкие феодалы, беспрестанно вступавшие друг с другом в междоусобные войны. Территория Йемена, впрочем, как и других районов Аравийского полуострова, для Европы была загадкой. Туда, к Йемену, и надлежало следовать экспедиции.

Нибур и его спутники не стали задерживаться в Джидде. В декабре 1762 г. они погрузились на маленькое оманское судно-самбуку и двинулись вдоль побережья Аравии на юго-восток. У путешественников были рекомендательные письма от купцов из Джидды и Каира, а также от губернатора Джидды. Они были облачены в традиционные раабские одежды, но не скрывали, что они христиане и путешествуют с научными целями. У жителей Йемена это вызвало интерес и одобрение. Путешественники побывали в торговых городах Лохейя и Бейт-эль-Факих, в воспетой арабскими поэтами Сане, в «городе-саде» Таиззе – гора Сабер, у подножия которой он стоит, до высоты 2000–3000 метров покрыта самой пышной растительностью во всей Аравии; в Забиде, где располагался крупнейший во всей Аравии мусульманский университет, и, наконец, в Дамаре, где разводили самых лучших йеменских лошадей знаменитой арабской породы. Впервые в истории Нибур сумел выполнить точные астрономические определения многих пунктов Аравийского полуострова, составил планы посещенных им крупных городов и карты приморских областей, в частности первые точные карты красноморского побережья Аравии и всего Йемена.

Памятник Карстену Нибуру в Людингворте, Германия

Несмотря на содействие местных властей и английских купцов, живших в Мохе, условия путешествия были столь тяжелы, что спутники Нибура скончались один за другим от разных болезней. Он тоже много болел, но чудом остался жив. В августе 1763 г. Нибур отплывает на английском судне в Бомбей, но спустя несколько месяцев вновь отправляется оттуда в Аравию – в Оман. Отсюда Нибур перебирается на остров Бахрейн, прославленный центр добычи жемчуга. Отсюда его путь вновь лежит в пески Аравии – в Хиджаз, в прибрежную область Красного моря и в область священных городов Мекки и Медины. В Аравии и Иране, на южное побережье которого Нибур прибыл в январе 1765 г., путешественник особое внимание уделял развалинам древних городов, в том числе Персеполя, где точно скопировал ряд клинописных надписей. Рисунками Нибура в дальнейшем воспользовался Георг Гротефенд – немецкий ученый, положивший начало дешифровке древнеперсидской клинописи.

Через Сирию, Палестину и Кипр Карстен Нибур в 1767 г. вернулся в Данию. Его труд «Описание Аравии» был впервые опубликован в 1772 г.

Путешествие Али-бея по Аравии

В январе 1807 г. в Джидду в сопровождении многочисленных слуг прибыл весьма знатный паломник по имени Али-бей. Даже склонный к подозрениям местный шериф счел его арабский язык и манеры безупречными. В действительности путешественника звали Доминго Бадья-и-Леблих, и был он уроженцем Барселоны. Еще в 1801 г., получив тайное задание от испанского правительства, Бадья-и-Леблих предпринял путешествие в Северо-Западную Африку, где должен был подготовить переворот против султана Марокко. Собственноручно совершив над собой обряд обрезания и изготовив родословные грамоты на имя Али-бея, снабженные всеми необходимыми печатями и подписями, он высадился в Танжере. Султан встретил его как друга и брата; испанский король Карл IV отказался платить за доверие неблагодарностью и отозвал Али-бея – переворот не состоялся. Теперь путешественнику предстояло совершить дальнюю и опасную поездку в Мекку.

Доминго Бадья-и-Леблих

Первый визит в этот священный город потряс Али-бея до глубины души. Первым из европейских путешественников он подробно рассказал Западу о паломничестве в Мекку, которое он увидел глазами мусульманина. Единственному из европейцев, посетившему Мекку, ему удалось увидеть внутреннюю часть Каабы и участвовать в уборке храма – честь, которая предоставлялась лишь шерифу и немногим другим знатым лицам, им приглашенным. Судя по описаниям Бадья-и-Леблиха, мечеть и ее главная часть – Кааба находились там же, где и сейчас. Даже электрические фонари, пришедшие на смену прежним стеклянным зеленым колпакам, подвешенным к перекладинам, опирающимся на тонкие стойки, расположены в точности так же.

Путешественник не успел пробыть в священном городе и нескольких дней, как в Мекку вошла армия ваххабитов, чтобы «исполнить обряд паломничества и завладеть этим священным городом». По дороге Али-бей встретил караван служителей, изгнанных ваххабитами из святого места. Служители сообщили ему, что ваххабиты разрушили все украшения гробницы пророка, закрыли и опечатали все двери храма и что эмир Сауд завладел несметными богатствами, накапливавшимися там на протяжении многих веков. Путешественнику лично пришлось столкнуться с новыми порядками: отправившись в Медину с караваном, он был остановлен новыми хозяевами святых мест в нескольких лье от священного города. И пока патрульные были поглощены тем, что делили между собой его деньги и часы, он уничтожил свою коллекцию насекомых и растений, собранную за все время пути, так как она могла его скомпрометировать. Путешественнику ничего не оставалось, как отправиться в обратный путь. В 1807 г. Бадья-и-Леблих вернулся в Испанию.

Ульрих Гаспар Зетцен: приключение с трагическим финалом

В 1802 г. Ульрих Гаспар Зетцен, выпускник Гёттингена, отправился в далекое путешествие в Сирию. Прибыв в мае 1804 г. в Халеб (Алеппо), он занимался изучением арабского языка, делал выписки из трудов восточных географов и историков, а весной 1805 г. совершил поездку по центральным районам Сирии, посетив попутно Дамаск. В этой области сохранилось много памятников Античности. Путешественника манили малоизученные пространства на восточном берегу Иордана и Мертвого моря. С большим трудом ему удалось найти проводника. 19 января 1806 г. они выехали из Дамаска. Вместе со своим проводником Зетцен прошел все земли, лежащие за Мертвым морем до самых границ Аравии, в поисках следов древнего города Петра. Он собрал ценные сведения о свойствах воды Мертвого моря, исправил ошибки на картах, отыскал и описал развалины многочисленных древних городов, свидетельствовавших о былом процветании этих мест в эпоху Римской империи. Спустя 9 месяцев Зетцен вторично объехал Асфальтовое озеро (Мертвое море), уточнив и дополнив свои первоначальные наблюдения. Затем путешественник перебрался в Каир, где провел 2 года, собирая сведения о внутренних областях Египта и Аравии.

Вид на Халеб. Гравюра XVIII в.

В апреле 1809 г. Зетцен покинул Каир и через Суэц направился в Аравию. Для того чтобы получить возможность увидеть священные города ислама, Зетцен выдал себя за мусульманина-прозелита, желающего завершить свое обращение путешествием в святые места. 10 октября он с караваном паломников прибыл в Мекку. Стараясь не привлекать к себе внимания, путешественник занимался составлением плана города, а также астрономическими наблюдениями, давшими возможность определить его географические координаты. После Мекки Зетцен смог попасть в Медину, куда паломники отправлялись тайком, так как захватившие город ваххабиты запрещали «правоверным посещение всех мест паломничества, за исключением Мекки». В Медине Зетцен начертил план города и сделал несколько рисунков.

23 марта 1810 г. Зетцен отплыл из Джидды в Ходейду, один из главных портов Йемена. Незадолго до этого по этой стране прокатилась междоусобная война, многие города были разрушены. 2 июня Зетцен приезжает в Сану, столицу Йемена, которую он назвал прекраснейшим из городов Востока. Отсюда путешественник отправился на поиски древних надписей, о которых было известно еще Нибуру. В своих поисках Зетцен добирается до Зафара (Дофара) – согласно греческим авторам, это древняя столица химьяритских царей. Здесь Зетцен впервые находит остатки надписей на камнях. Сделанные им копии и зарисовки он отправляет в Европу – так наука впервые познакомилась с химьяритской письменностью.

В старой Джидде. Неизвестный художник

По дорогам внутреннего Йемена Зетцен намеревался пройти до Персидского залива, однако местные жители заподозрили в нем шпиона и волшебника, отобрали и уничтожили

собранные ученым естественно-научные коллекции под тем предлогом, что он пользуется трупами животных для совершения магических обрядов. Зетцен поспешил в Сану, чтобы пожаловаться имаму, но в декабре 1811 г. неожиданно скончался в Таиззе. Полагают, что он был отравлен.

Шейх Иоганн

Иоганн Людвиг Буркхардт с детства мечтал о далеких путешествиях. Его неудержимо манили таинственные страны арабского Востока, о которых в начале XIX в. в Европе рассказывали небывлицы, в которых вымысла было больше, чем правды. Однако, когда в 1809 г. Буркхардт отправился на Восток, перед ним сразу встала проблема: кем он должен выглядеть в глазах местного населения? Выдать себя за араба? Остаться европейцем? И то и другое рискованно. Он придумывает себе имя и биографию: отныне он – Ибрагим ибн Абдалла, индийский купец, мусульманин... Правда, для этого следовало еще знать и Индию, но ведь не зря же Буркхардт столько лет учился – и в родной Швейцарии, и в Лейпциге, и в Геттингене, и в Кембридже! И вот купец Ибрагим ибн Абдалла уже рассказывает своим новым сирийским знакомым в Алеппо о том, какой прекрасный жемчуг добывается в океане недалеко от Бомбея... Он осваивает разговорный арабский язык и его диалекты, изучает турецкий язык. Много месяцев отнимает у него доскональное изучение Корана и комментариев к нему. Он старается узнать обряды, быт и нравы арабов.

В сентябре 1810 г. Буркхардт покинул Алеппо и в одиночку отправился в далекое путешествие. С вершин Ливана он спустился к истокам Иордана, побывал в Сирии и Палестине, посетил развалины античных городов Пальмиры и Апамеи. Иоганн Буркхардт первым из европейцев увидел Петру – легендарный скальный город, о котором писали древние географы – Диодор, Эратосфен, Страбон, Плиний, Птолемей. В наше время тысячи туристов приезжают сюда на автобусах и автомобилях. Они спешат увидеть сказочный город, вырубленный в розовых скалах, и мало кто знает, что открыл его для всего мира швейцарский путешественник Иоганн Людвиг Буркхардт...

В марте 1813 г. Буркхардт отправляется к верховьям Нила. В Фивах, где сосредоточено наибольшее количество памятников древнеегипетского искусства, Буркхардт обнаружил остатки храмов, засыпанных землей и песком, огромную гранитную голову, торчащую среди руин. Он назвал ее головой Мемнона – легендарного сына богини утренней зари Эос и нубийского царя. Следующее открытие необыкновенной важности было сделано им у самой границы Судана. От случайного попутчика он услышал однажды странное название Ибсамбал: так арабы именовали загадочный древний храм с фигурами богов. Вместе со слугой Буркхардт отправился в указанное ему место. Изучая западный берег Нила, он вдруг увидел словно выросшие из-под земли огромные пилоны, между которыми возвышались огромные статуи. Позади – странное сооружение вроде украшенного нишами фасада, прилепленное к скале, а может быть, высеченное в ней. Вокруг – пустыня. И фигуры, и скала, и вход в нее – все засыпано толстым слоем песка... Пройдет немного времени, и археологи раскроют тайны этого величественного сооружения. Сейчас невозможно представить себе историю Египта без открытого Буркхардтом всемирно известного храмового комплекса Абу-Симбел.

Легендарная Петра, какой ее увидел Буркхардт

Весной 1814 г. Буркхардт отправляется в Нубийскую пустыню. До Красного моря он дошел с караваном, которые вез в порт Суакин табак, ткани и рабов. После 10-дневного плавания по Красному морю путешественник высадился в Джидде. Отсюда Буркхардт рассчитывал отправиться в священный город мусульман Мекку, однако «индийского купца» приняли за английского шпиона. Ученый кади Садык-эфенди устроил Буркхардту настоящий экзамен по исламской теологии, после чего объявил, что это самый лучший знаток Корана и шариата, какого он когда-либо встречал, – настоящий шейх!

7 сентября Буркхардт, погрузив вещи на осла, отправился в Мекку. Он вел себя свободно, как прирожденный мусульманин. Едва ли кто-нибудь из европейцев осматривал Мекку столь же тщательно, как Буркхардт. Он изучил все улицы и переулки, обошел все кварталы, вычертил подробный план города. Его переполняли впечатления. Позднее все они войдут в его книгу «Путешествия по Аравии», которая выйдет в свет в 1830 г. К этой книге – 704 страницы! – приложены планы, карты, рисунки, ноты арабских песен. Никогда ни до Буркхардта, ни после него Европа не получала столь подробных сведений о священной земле ислама.

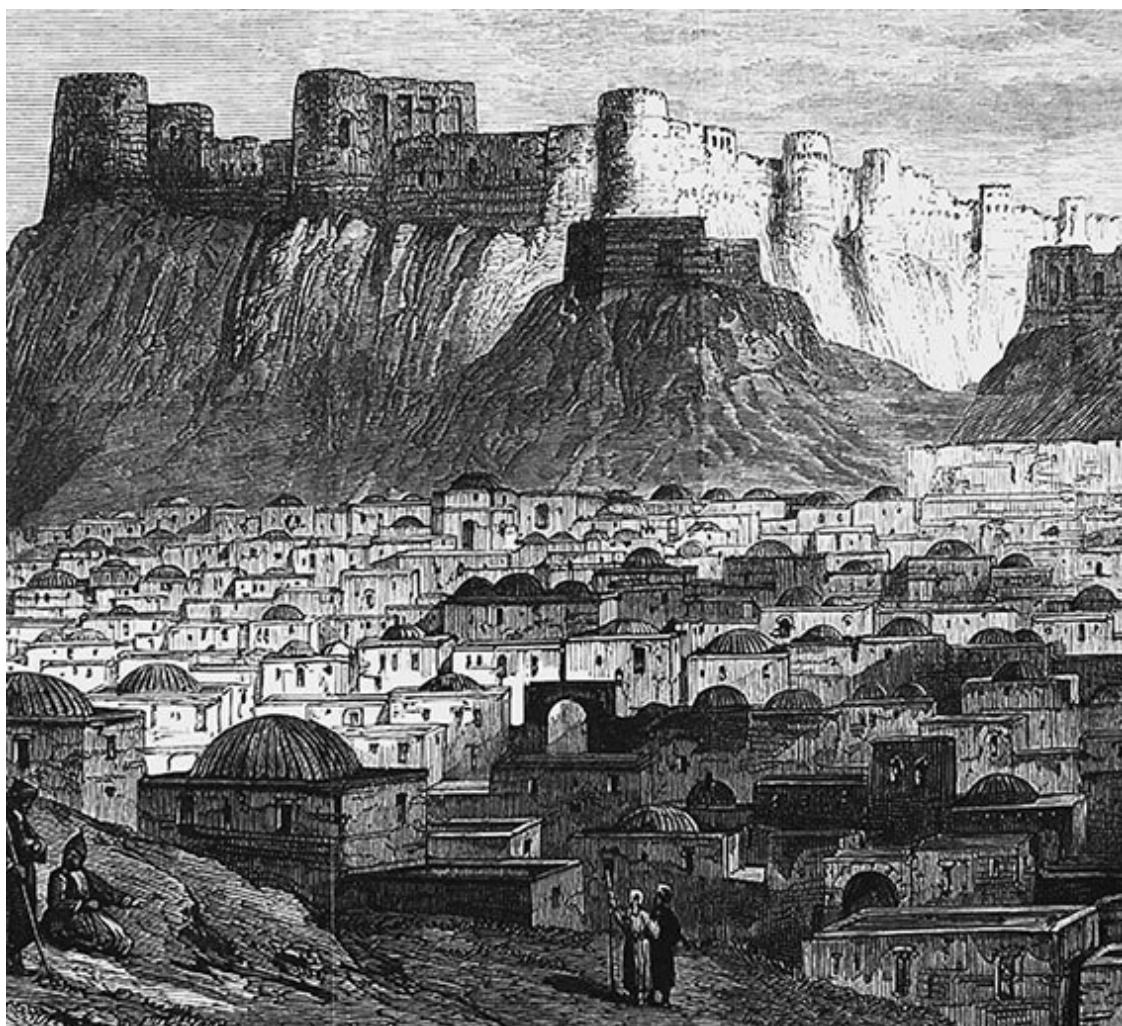
Иоганн Людвиг Буркхардт

24 июня 1815 г. путешественник вернулся в Каир. Трудности, лишения, болезни подорвали его здоровье, опустошили физически и духовно. И все же в апреле 1816 г. он снова отправляется в путь – на этот раз в пески Синайского полуострова, к племенам бедуинов. Он подробно описал их жизнь, занятия, привычки, одежду, оружие... После этого Буркхардту предстояла дорога на юг, в глубь Сахары, к Нигеру и Тимбукту, однако в октябре 1817 г., путешественник заболел тяжелой формой дизентерии. Болезнь длилась всего 5 дней...

Тело Иоганна Буркхардта было погребено на мусульманском кладбище в северо-восточной части Каира, со всеми почестями, положенными шейху и хаджи. Он прожил всего 33 года. При жизни Буркхардта ничего из написанного им опубликовано не было. Лишь с 1819 г. начали выходить его обширные труды «Путешествие в Нубию», «Путешествие в Аравию», «Путешествие по Сирии и Палестине», «О бедуинах и ваххабитах», «Арабские пословицы и поговорки»... «Мало кто из путешественников был наделен такой тонкой наблюдательностью, – писал о Буркхардте один из современников. – Он обладал особым чутьем, помогавшим ему распознавать истину даже в тех случаях, когда он не мог руководствоваться личными наблюдениями... Его всегда трезвые рассказы насыщены фактами, и тем не менее они читаются с бесконечным наслаждением. Он заставляет в них любить себя и как человека, и как ученого, и как превосходного наблюдателя».

Опасный путь в Персию

В январе 1810 г. два британских офицера, Чарлз Кристи и Генри Поттинжер, высадились в небольшом портовом городке неподалеку от Карачи и под видом торговцев лошадьми направились на север. Целью их опасного путешествия являлось топографическое и географическое исследование глубинных районов Персии и Афганистана. Пройдя через заболоченную низменность Ласбела, путешественники поднялись в горы и, сильно страдая от холода, добрались до Калата, тогдашней столицы Белуджистана. После короткой остановки в городе Кристи и Поттинжер пошли на запад, через бесплодный унылый край, и в марте прибыли в Нушки (современный Пакистан), где разделились, чтобы собрать больше сведений о стране. Кристи двинулся на запад и вышел к реке Гильменд. Переправившись через нее, он пошел на север через Систанскую равнину, усеянную руинами древних городов, и в августе прибыл в Герат. Проведя в этом городе около месяца, Кристи вновь отправился в путь – на этот раз на запад. По большой караванной дороге он добрался до Исфахана, столицы Персии, пройдя по совершенно неисследованным землям восточной части Иранского нагорья более 1600 километров.

Герат, Афганистан. Середина XIX в.

Между тем Поттинжер, оставшийся в Нушки, получил в конце марта 1810 г. тревожные вести: английских офицеров разыскивают местные власти. Поттинжер поспешил покинуть

город. Следуя долиной пересыхающей реки Баддо, он оказался среди красных песков Белуджистанской пустыни, подобно огромному морю тянущейся с востока на запад. Поттинжер отыскал в этом неприветливом краю высохшее русло какой-то речки. Решив, что она должна впадать в океан, путешественник пошел вдоль русла, но в итоге заблудился в пустыне. Ему пришлось пережить страшную песчаную бурю – самум, сменившую сильным дождем, и все же благополучно достичь цветущей зеленой долины у подножия Иранского нагорья. Отсюда Поттинжер направился на запад и вышел на караванную дорогу, по которой в мае 1810 г. добрался до Йезда. Он в одиночку прошел вдоль южной окраины Иранского нагорья, о которой географы той поры не имели никакого представления, более 1500 километров. Вернувшись на родину, Поттинжер опубликовал книгу «Путешествия в Белуджистан и Синд», включив туда дневник Чарлза Кристи, который, как оказалось, был убит в Исфахане в 1812 г.

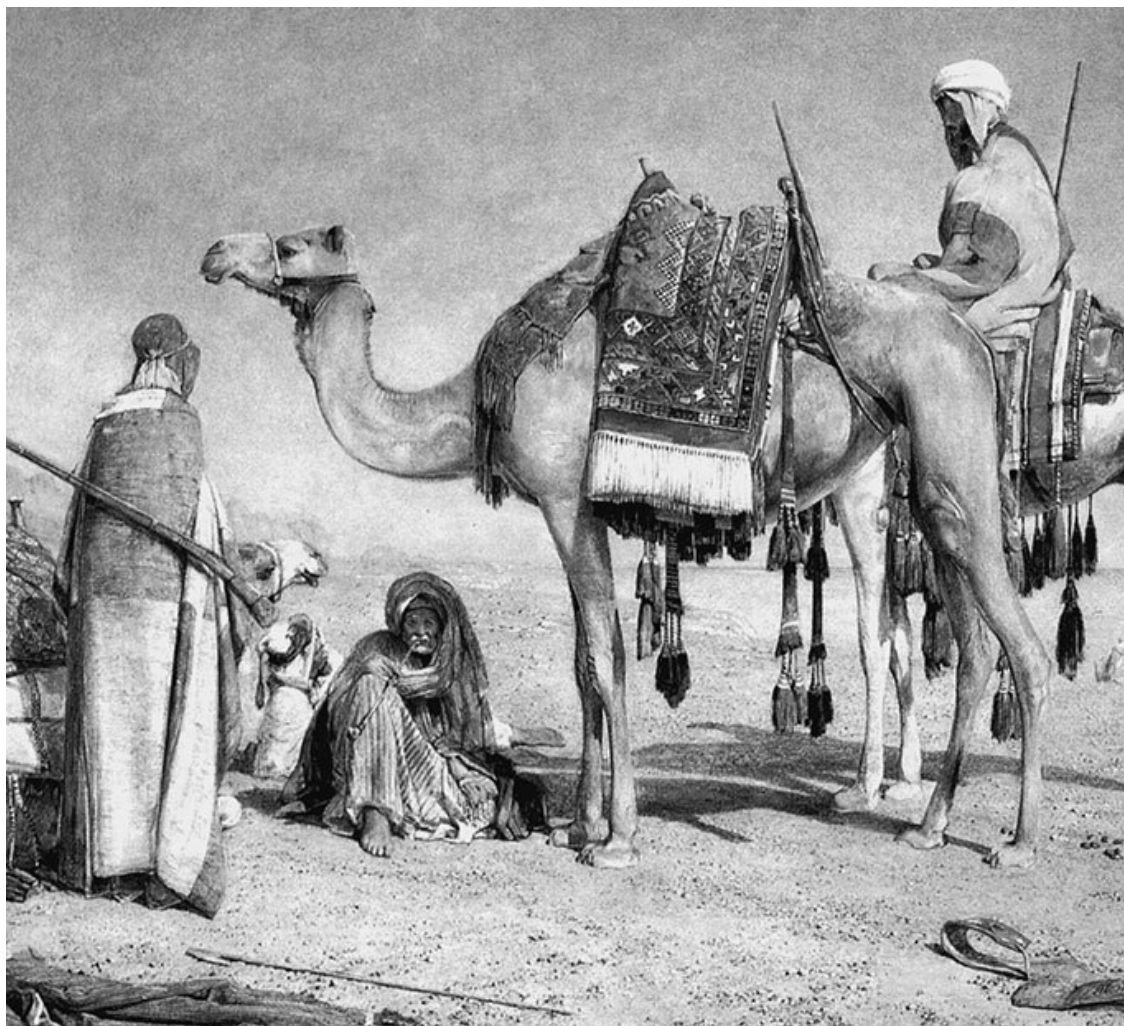
Марш через Аравийский полуостров

В египетской армии, прошедшей в 1818 г. с запада на восток через всю Аравию, находилось несколько военных советников и врачей из Европы, но никто из них не оставил записок об этом походе. Так что вся слава первооткрывателя центральных областей Аравии досталась английскому офицеру Джону Форстеру Сэдлиеру. Вице-губернатор Индии направил его с поручением к египетскому командующему. В июне 1819 г. Сэдлиер высадился в Эль-Катифе на побережье Персидского залива, где находился один из египетских отрядов, и узнал, что армия уже начала отступление из Аравии. Сэдлиер принял решение идти в сопровождении охраны через полуостров, рассчитывая нагнать командующего. Почти 3 месяца он шел по Аравии, постепенно поднимаясь от приморской низменности на востоке через пустынную равнину, центральное плато и плоскогорье до Янбо (побережье Красного моря). С помощью компаса определял направление дороги и отмечал расстояния между всеми пунктами маршрута. Из дневника Сэдлиера, опубликованного в 1866 г., европейцы получили первые достоверные (пусть и очень скудные) данные о центральной полосе Аравийского полуострова протяженностью более 1200 километров, до того времени совершенно неизвестной географам.

Барон Вреде в песках Хадрамаута

Барон Адольф Густав фон Вреде, уроженец Баварии, отправился на Восток в поисках неизведанных тайн. Он стремился проникнуть в такие районы, куда европейцев, как иноверцев, не пускали. Для этого нередко переодевался, перевоплощался, выдавал себя за мусульманина. В 1826 г. Вреде высадился на побережье Малой Азии, в Смирне (Измир), и в сопровождении одного турецкого купца отправился в путешествие в Багдад. Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Вреде служил военным советником в турецкой армии, потом ненадолго вернулся на родину. Однако Восток неудержимо манил его, и барон снова отправился в путешествие. Находясь на турецкой службе, он немало поездил по Египту и Малой Азии, а в 1843 г. вознамерился пройти древним караванным путем через Хадрамаут в Южной Аравии. До него здесь не бывал еще ни один европеец.

Вреде отправился в этот дальний и опасный путь из Эль-Мукаллы, маленького портового города на южном берегу Аравии. В своих записках он описывает трудности пути по пустынному плоскогорью, где ничто – ни деревья, ни кусты – не нарушало однообразия необъятной равнины. Однако даже по сыпучим пескам, которые ветер нагоняет на караванную тропу, образуя местами целые барханы, выносливый верблюд способен передвигаться с хорошей скоростью: с поклажей 300–450 килограммов он преодолевает 30–35 километров в сутки. А верховой верблюд пробегает с седоком без остановки и до 130 километров. Есть за что любить бедуину своего друга! Быстроходные отряды бедуинов нападали на путешественников, не забывая «гуманно» оставить обобранным до нитки купцам несколько верблюдов и указать путь до ближайшего оазиса. Барон Вреде миновал подобной участи. У него был верный и надежный проводник. Путешественник благополучно достиг Эль-Хурайбы, откуда двинулся на юго-запад до побережья и далее до Джауль-эш-Шайха. Он выдавал себя за египтянина по имени Абд эль-Худ, совершающего паломничество к могиле знаменитого пророка Худа. Однако даже безупречное знание языка не спасло его от подозрений. Дважды ему угрожали возмущенные толпы, а в Сифе он был пленен и ограблен тамошним султаном. Только благодаря заступничеству одного ученого араба путешественника не казнили, а выслали обратно в Эль-Мукаллу. Отсюда Вреде добрался до Адена и морским путем через Красное море вернулся в Египет. Его рассказы наделали в Европе много шума. Некоторые авторитетные ученые скептически отнеслись к сообщению Вреде, но, как оказалось, зря. Однако потребовалось 130 лет, чтобы с барона сняли последние обвинения в хвастовстве и лжи.

Бедуины на привале

Георг Валлин в Аравии

Заветным желанием финского ориенталиста Георга Августа Валлина было проникнуть туда, где не бывал еще ни один европейский ученый, – в самое сердце Аравии. Между тем путешествие по Аравии в первой половине XIX в. было делом чрезвычайно опасным: любому иностранцу здесь грозила неминуемая смерть. Надеяться на защиту охранных грамот от турецких властей не приходилось: подавляющее большинство местного населения читать не умело.

Мечта Валлина исполнилась в 1843 г. Получив в Хельсинкском университете стипендию, он приехал в Каир и до весны 1845 г. совершенствовался в языке. Наконец, Валлин под видом мусульманина Абд-уль-Вали отправился в путешествие. Его путь лежал на север и затем на восток через земли кочевых племен хувейтат, шарарат и аназа. Более 3 недель продолжался этот этап путешествия, закончившийся в Эль-Джауфе, многолюдном оазисе в глубине Сирийской пустыни. Валлин провел здесь около 4 месяцев. К югу от Эль-Джауфа лежала вторая, самая трудная часть пути – через песчаную пустыню Нефуд во внутреннюю Аравию. В летние месяцы отсюда уходят даже бедуины, караван же из-за жары может идти только ночью. Только через 5 дней пути маленький караван добрался до первого селения Центральной Аравии – Джуббы. В его окрестностях Валлин посетил гору Джебель-Муслиман и нашел здесь много древних надписей и наскальных рисунков – верблюдов, всадников, вооруженных длинными копьями, диких животных. Еще несколько дней пути, и путешественник вступил в Хаиль – столицу эмирата Джебель-Шаммара. Валлин стал первым европейцем, попавшим в эту страну.

Георг Август Валлин в арабской одежде

Из Хаилья путешественник намеревался двинуться на юго-восток, в столицу Недждского эмирата Эр-Рияд, чтобы оттуда добраться до Йемена. Но длительное путешествие и двухмесячное пребывание в столице Джебель-Шаммара полностью истощили его кошелек. Пришлось возвращаться в Каир. С одним из караванов, шедшим через Медину в Мекку, Валлин в конце ноября покинул Хаиль. Весной 1846 г., пробыв в Аравии почти год, он благополучно добрался до побережья Красного моря и через Джидду отплыл в Египет.

Второе путешествие по Аравии Валлин предпринял в 1848 г. На этот раз исследователь избрал другой путь. На картах того времени белым пятном оставалась часть Северо-Западной Аравии – Мадиян древних географов. Чтобы собрать сведения об этом районе, Валлин решил пройти в Неджд с запада, из порта Мувайла на побережье Красного моря. Он пересек и описал

горный массив эш-Шефа; потом, продолжая идти на восток, миновал обширное пространство, покрытое застывшими потоками лавы, и первым из европейцев вышел к большому селению Тайма, упоминаемому еще античными географами. К концу весны путешественник во второй раз добирается до Хаиля, намереваясь идти отсюда в южный Неджд. Однако местные жители узнали о его европейском происхождении. После этого идти дальше было уже нельзя. Так Валлин вторично должен был остановиться на полпути к цели...

Из Хаиля путешественник направился в Багдад, а затем еще целый год путешествует по Ираку, Ирану и Сирии, покуда отсутствие средств не заставляет его осенью 1849 г. оставить Восток и вернуться на родину.

Валлин стал первым исследователем Северной Аравии, описавшим пустыню Большой Нефуд, хребты на северо-западе и центральное плато. По неизученной территории прошел более 1300 километров. По его данным и при его непосредственном участии в Лондоне была составлена лучшая по тем временам карта северных и центральных районов Аравийского полуострова.

Карло Гуармани в городе «темнокожих иудеев»

Итальянец Карло Гуармани отправился в Аравию, идя по стопам своего предшественника, финна Георга Валлина. Он вышел в путь 26 января 1864 г. в костюме бедуина, выдавая себя за торговца лошадьми; его сопровождали шейх одного из бедуинских племен и два всадника-араба. У Гуармани были с собой два рекомендательных письма к вождям местных племен, в которых он представлялся как закупщик лошадей, посланный турецким правительством, однако это была слабая защита: если бы путешественника разоблачили, его не спасли бы никакие письма.

Как настоящий бедуин, не имея при себе ничего, кроме изношенной одежды, теплого плаща из кожи ягненка и меха с водой, Гуармани приехал в селение Тайма, где до него уже побывал Валлин. Отсюда его путь лежал в Хайбар, город, расположенный неподалеку от караванной дороги на Медину. Об этом городе сообщал еще средневековый путешественник Лодовико ди Вартема; он писал, что его населяют 4–5 тысяч «обрезанных иудеев, темнокожих и ненавидящих мавров». Местный губернатор гостеприимно встретил «турецкого» эмиссара, так что Гуармани смог осматривать город столько, сколько хотел. Население его в действительности составляли не «темнокожие иудеи», а потомки эфиопских рабов; их отношения с бедуинами («маврами») оставались сложными и во времена Гуармани. Темнокожие жители города ежегодно должны были выплачивать своим соседям чувствительную дань.

Дальше на восток Гуармани намеревался идти с кочевым бедуинским племенем атайба, к которому путешественник присоединился, оставив Хайбар. Но это племя в то время находилось в состоянии войны с саудовским эмиром Фейсалом ибн Саудом. Гуармани, однако, стремился увидеть Неджд и встретиться с эмиром Фейсалом и его сыном. Однако неподалеку от резиденции эмира его остановил отряд бедуинов. Рекомендательные письма не помогли: путешественнику пришлось поворачивать назад. Гуармани направляется по маршруту, уже пройденному Валлином, но в обратном направлении...

Конный караван бедуинов

Из Дамаска он возвратился в Иерусалим. Опубликованная им по результатам путешествия книга содержала интересные подробности о жизни бедуинских племен и изобиловала новыми сведениями о ранее неизвестных районах Центральной Аравии.

Азиатские странствия Арминия Вамбери

Арминий Вамбери, журналист и профессор Будапештского университета, был убежден, что корни венгров следует искать в Азии. Первой его целью стал Стамбул. Он прибыл сюда в 1857 г. и сразу окунулся в стихию турецкого языка, который до этого был ему знаком лишь по книгам. Вскоре по всей турецкой столице разнеслась молва о чужеземце, который читает в кофейнях «Ашик Кериб» совсем как настоящий турок! Единственный из европейцев, он получил разрешение учиться в медресе – мусульманской школе – и вскоре мог на равных с исламскими богословами участвовать в религиозных диспутах.

Арминий Вамбери в облачении дервиша

При близком знакомстве с турецким языком Вамбери нашел в нем, особенно в его восточном, хангатайском, диалекте много общего с венгерским. Может быть, древние мадьяры действительно были связаны родственными узами с турками? В поисках ответа на загадку

нужно было идти дальше на восток – в Персию, в Афганистан, в степи Туркменистана... Вамбери решил, что второе путешествие он совершит именно туда.

В 1861 г. Вамбери возвращается в Венгрию. Будапештская академия наук дает добро на новое путешествие в Азию, но средств выделяет, увы, до обидного мало. Для того чтобы отправиться на Восток, Вамбери пришлось надеть личину странствующего дервиша. В таком виде он под именем Решид-эфенди отправился в путь из турецкого порта Трапезунд (теперешний Трабзон) вместе с небольшим караваном. В Тебризе Вамбери был представлен персидскому шаху и получил от него грамоту, скрепленную печатью, что было весьма важно для дальнейшего путешествия: к шахской грамоте с почтением относились вожди туркестанских племен. И снова дервиш Решид-эфенди отправляется в путь верхом на осле... Путешественник вскоре привык к жаре, дождям и ветру, научился спать в седле и ездить на любом выючном животном. Он учил новые языки, наблюдал нравы и обычаи местных жителей. Одним из первых европейцев Вамбери посетил Герат, Мешхед, Шираз, Бухару и Хиву. Пребывание в Бухаре осталось памятно для него сердечными встречами с ученым и поэтом Рахим-беем – они по очереди читали друг другу стихи персидских поэтов... Свои путешествия Вамбери описал в книгах «Путешествия по Средней Азии», «Сцены из жизни Средней Азии», вызвавших живой отклик читающей публики и ученых.

Старая Хива

Вокруг света

«Ты первый обошел вокруг меня»

К 37 годам португалец Фернан Магальяниш (испанцы называли его на свой лад – Фернандо Магеллан) уже имел за плечами богатую биографию. Вместе с эскадрой адмирала д'Алмейды он побывал в Индии, на далеких Молукках – Островах пряностей. Португальцы ходили в Индию путем, открытым Васко да Гаммой, в обход Африки. Магеллан, побывав на Молукках и вспомнив все, что до сих пор говорили об этих землях европейские картографы, задумал пройти иным путем, отправившись от берегов Пиренейского полуострова на запад. По существу, его идея возрождала давний проект западного морского пути в Индию, которым пытался пройти Колумб, открывший вместо Индии Америку. Разница была в том, что Магеллан уже знал, что Америка существует. Он был уверен, что океан, омывающий Молуккские острова с запада, а Америку с востока – один и тот же. И вероятно, он не настолько велик, чтобы его нельзя было пересечь...

10 августа 1519 г. от причалов Севильи в далекий путь вышли 5 кораблей, ведомых Магелланом. Экспедиция шла вдоль берегов Западной Африки. На широте Зеленого Мыса началась полоса штормов и встречных ветров. Шестьдесят дней подряд хлестал дождь. Густая серая пелена накрыла корабли. Однако наконец погода прояснилась. Корабли быстро шли на юго-запад. 23 ноября вдали показался бразильский берег...

Идя вдоль побережья Южной Америки, в конце марта 1520 г. корабли Магеллана достигли 45° ю. ш. Здесь, в небольшой, укрытой от ветров бухте, остановились на очередную стоянку. Недовольство начальником экспедиции, зревшее среди командиров кораблей и части команды, прорвалось: в ночь на 1 апреля вспыхнул бунт. Экипажи трех кораблей – «Виктория», «Консепсьон» и «Сан-Антонио», возглавляемые своими капитанами, – отказались подчиняться Магеллану. Моряки, оставшиеся верные начальнику экспедиции, частью были заколоты, частью закованы в цепи. Ночью мятежники пытались покинуть бухту. Началось настоящее сражение...

Утром Магеллан послал на мятежную «Викторию» верных ему людей. Капитан судна отказался подчиняться приказам начальника экспедиции и был убит. Два других мятежных корабля тоже вынуждены были сдаться. Порядок был восстановлен. Магеллан горел нетерпением обогнуть Америку и наконец выйти в Великое Южное море. В конце апреля корабль «Сант-Яго» получил приказ разведать дорогу на юг. Его возвращения ждали долго. Наконец, на берегу появились два человека – усталые, замерзшие, голодные. Это были матросы с «Сант-Яго». Они принесли дурные новости: корабль разбился на скалах...

Фернан Магеллан

Наступил май, а за ним июнь – в Южном полушарии это начало зимы. Эскадра осталась на зимовку у побережья Патагонии. 24 августа корабли Магеллана, наконец, вышли из бухты Сан-Хулиан и двинулись на юг. 21 сентября обогнули мыс, который моряки называли мысом Одиннадцати Тысяч Дев. За ним среди мрачных утесов виднелся узкий извилистый проход, который мог быть или устьем реки, или проливом. Попробовали воду: она оказалась соленой. Очевидно, это и есть долгожданный проход в Великое Южное море...

Вдоль берегов тянулась цепочка заснеженных горных вершин. Ночью в глубине неведомой земли пылали огни множества костров, разожженных туземцами. Испанцы назвали ее «Тьерра-дель-Фуэго» – «Огненная Земля». В этом узком и мрачном проливе эскадра Магеллана лишилась еще одного корабля: под покровом ночи исчез «Сан-Антонио». Позже выяснилось, что его команда попросту повернула назад и вернулась в Испанию.

18 ноября 1520 г. три оставшихся корабля вышли в океан. Стояло время штилей, и, очарованный его спокойной гладью, Магеллан назвал этот океан Тихим. Переход через него оказался самым тяжелым испытанием для моряков.

Тихий океан в своей центральной и западной частях буквально кишит островами, однако волею судьбы корабли Магеллана почти за 4 месяца так и не встретили суши. Запасы воды и провизии таяли с каждым днем. Моряки питались кожей, древесными опилками, корабельными крысами. Наконец, 6 марта на горизонте показалась земля. Это был один из островов Микронезии, затерянный в океане. Туземцы встретили пришельцев недружелюбно: произошла

стычка. Пополнить припасы практически не удалось. Моряки снова снялись с якоря и вышли в море.

16 марта путешественники подошли к острову Самар (в группе Филиппинских островов). Его жители оказались гораздо более гостеприимными. Здесь моряки получили вволю продуктов и пресной воды. На следующем филиппинском острове, Себу, Магеллан понял, что цель его путешествия уже где-то близко: один встретившийся им туземец знал язык слуги Магеллана, вывезенного им с Малакки. Однако добраться до желанной цели мореплавателю было не суждено: 27 апреля 1521 г., вмешавшись в межплеменные распри жителей острова, он был убит.

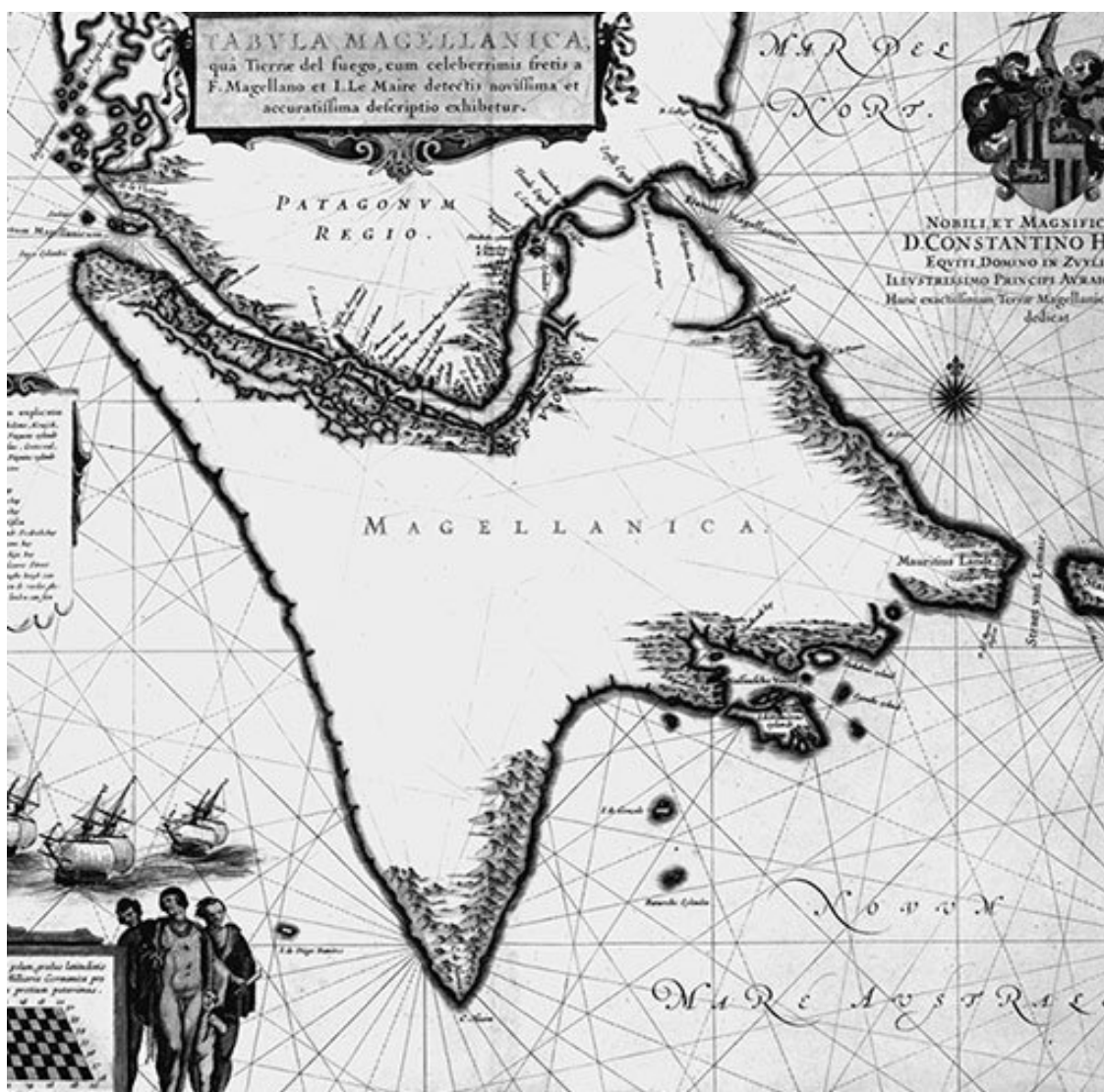
Эскадра, лишившаяся своего адмирала, двинулась дальше. Командование принял Эль-Кано, капитан «Консепсьона». Людей оставалось слишком мало. Один корабль – «Консепсьон» – пришлось сжечь. Изрядно обветшавший «Тринидад» давал сильную течь. «Виктория» под командованием Эль-Кано ушла далеко вперед. Командир «Тринидада» Эспиноса сделал было попытку вернуться в Америку, но раздумал, повернул назад и кое-как сумел добраться до Молуккских островов.

Гибель Магеллана

«Виктория», имея на борту 47 испанцев и 13 туземцев, шла через Индийский океан. Потрепанный корабль давал течь, провизии не хватало. В пути часть экипажа умерла от болезней, некоторые были казнены за провинности, другие убиты в стычках. Несколько раз корабль подвергался нападениям португальцев. Когда «Виктория» зашла за припасами на острова

Зеленого Мыса, португальцы хотели задержать ее. Тогда Эль-Кано, подняв паруса, бежал из гавани, оставив часть своих людей на берегу.

Древняя карта Магелланова пролива. 1635 г.

8 сентября 1522 г., после трехлетнего отсутствия, «Виктория» причалила к набережной Севильи. Из 256 человек, ушедших с Магелланом, на берег сошли всего 18, причем все они были измучены до крайности. Встречали их как истинных героев. Действительно, это были герои: нужно было обладать исключительным мужеством и настойчивостью, чтобы довести это беспрецедентное плавание до логического финала. Два имени руководителей экспедиции – Магеллана и Эль-Кано – следует поставить рядом друг с другом. Магеллан задумал и добился осуществления экспедиции, он только благодаря его настойчивости был открыт пролив, который по праву носит его имя, и именно он впервые пересек океан, который называют Великим. Однако первое кругосветное плавание совершил все же Хуан-Себастьян Эль-Кано. После возвращения король возвел его в рыцарское достоинство, а на гербе Эль-Кано появилось изображение земного шара, окруженное надписью: «Ты первый обошел вокруг меня».

Первое плавание русских кораблей вокруг света

В июле 1803 г. из Кронштадта в первое в истории русского флота кругосветное плавание отправились шлюпы «Надежда» и «Нева». Это предприятие совместно финансировалось Российско-Американской компанией и русским правительством. Начальником экспедиции и капитаном «Надежды» был назначен Адам (в России его называли Иваном) Крузенштерн, «Невой» командовал Юрий Лисянский.

Плавание к берегам Бразилии, длившееся почти 2 месяца, было очень изнурительным. 14 ноября 1803 г. русские корабли впервые в истории отечественного флота пересекли экватор. В феврале 1804 г. экспедиция обогнула мыс Горн, вышла в Тихий океан и направилась к Гавайским островам, где их пути должны были разойтись: «Неве» предстояло идти к острову Кадьяк за грузом пушнины, а «Надежде» – в Японию, чтобы доставить туда русское посольство, а затем на Камчатку, также за пушниной. Однако из-за густого тумана и шторма, разыгравшегося у мыса Горн, «Надежда» и «Нева» потеряли друг друга гораздо раньше. Крузенштерн взял курс к берегам Японии. Лисянский, не зная об этом решении, направился к острову Пасхи, где была условлена встреча обоих кораблей в случае, если они потеряют друг друга. Не найдя здесь «Надежды», «Нева» направилась к Маркизским островам, и 29 апреля встретилась с «Надеждой» у острова Нука-Хива. 13 мая русские корабли вновь пересекли экватор, только теперь уже с юга на север. Дальнейший их путь лежал через Гавайские острова. Здесь мореплаватели расстались: Крузенштерн пошел на запад, к Японии, а Лисянский – на северо-восток, к берегам Северной Америки.

На пути к Нагасаки «Надежда» попала в страшный шторм. Буря несла корабль прямо на прибрежные скалы, и только изменившееся в последнее мгновение направление ветра спасло корабль от гибели. Пройдя вдоль западного побережья Японии, Крузенштерн добрался до Сахалина и отсюда взял курс на Камчатку. Из гавани Петропавловска «Надежда» совершила короткий рейс к берегам Сахалина, который Крузенштерн ошибочно считал полуостровом. В середине августа 1805 г. «Надежда» возвратилась на Камчатку, откуда вышла в Кантон (Гуанчжоу) для встречи с «Невой».

Между тем «Нева», покинув Гавайские острова, направилась к острову Кадьяк, куда пришла 1 июля 1804 г. Во владениях Российско-Американской компании «Нева» пробыла более года. За это время Лисянский обследовал остров Кадьяк и восточное побережье Аляски. В августе 1805 г. «Нева», приняв на борт груз пушнины, направилась в Кантон. Более месяца шлюп шел через Тихий океан, не встречая никаких признаков земли, но поздним вечером 3 октября 1805 г. корабль неожиданно сел на рифы близ неизвестного необитаемого острова; чтобы снять его с мели, потребовалось приложить немало усилий. А 10 ноября, когда «Нева» уже миновала Марианские острова, началась сильнейшая буря, которая буквально положила корабль на бок. Невероятными усилиями команды судно удалось спасти. 22 ноября «Нева» прибыла на рейд Макао, где в это время уже находилась «Надежда». В феврале 1806 г. оба корабля отправились в дальнейший путь через Южно-Китайское море и Индийский океан в Европу. В середине апреля у мыса Доброй Надежды корабли в тумане опять потеряли друг друга из виду, и дальнейший путь уже прошли по отдельности. 22 июля 1806 г. «Нева» бросила якорь на Кронштадтском рейде, а две недели спустя сюда пришла и «Надежда». Первое плавание русских кораблей вокруг света завершилось.

«Нева» в гавани Св. Павла на острове Кадьяк. Гравюра по рисунку Лисянского

Плавание «Урании»

Экспедиция Луи-Клода де Фрейсине стала первым после падения Наполеона масштабным французским исследовательским предприятием. Она носила подчеркнуто научный характер. Главная цель плавания заключалась в изучении явлений земного магнетизма, а также природы дальних стран и туземных народов.

17 сентября 1815 г. корвет «Урания» под началом Фрейсине вышел из Тулона; на его борту находилась и жена капитана, не испугавшаяся трудностей длительного плавания. 6 декабря «Урания» вошла в гавань Рио-де-Жанейро. Отсюда путешественники повернули на восток и 7 марта 1816 г. уже были в Кейптауне. Дальнейший маршрут «Урании» пролегал к острову Маврикий, бывшей французской колонии, которая по условиям мирного договора 1815 г. оказалась в руках англичан. Впрочем, путешественников здесь приняли доброжелательно, и Фрейсине задержался здесь гораздо дольше, чем первоначально рассчитывал. Затем «Урания» направилась к острову Реюньон. После падения Маврикия он стал главной базой французского флота в Индийском океане, здесь путешественники рассчитывали пополнить запасы провизии. И именно отсюда им предстояло отправиться в далекое плавание к берегам Австралии...

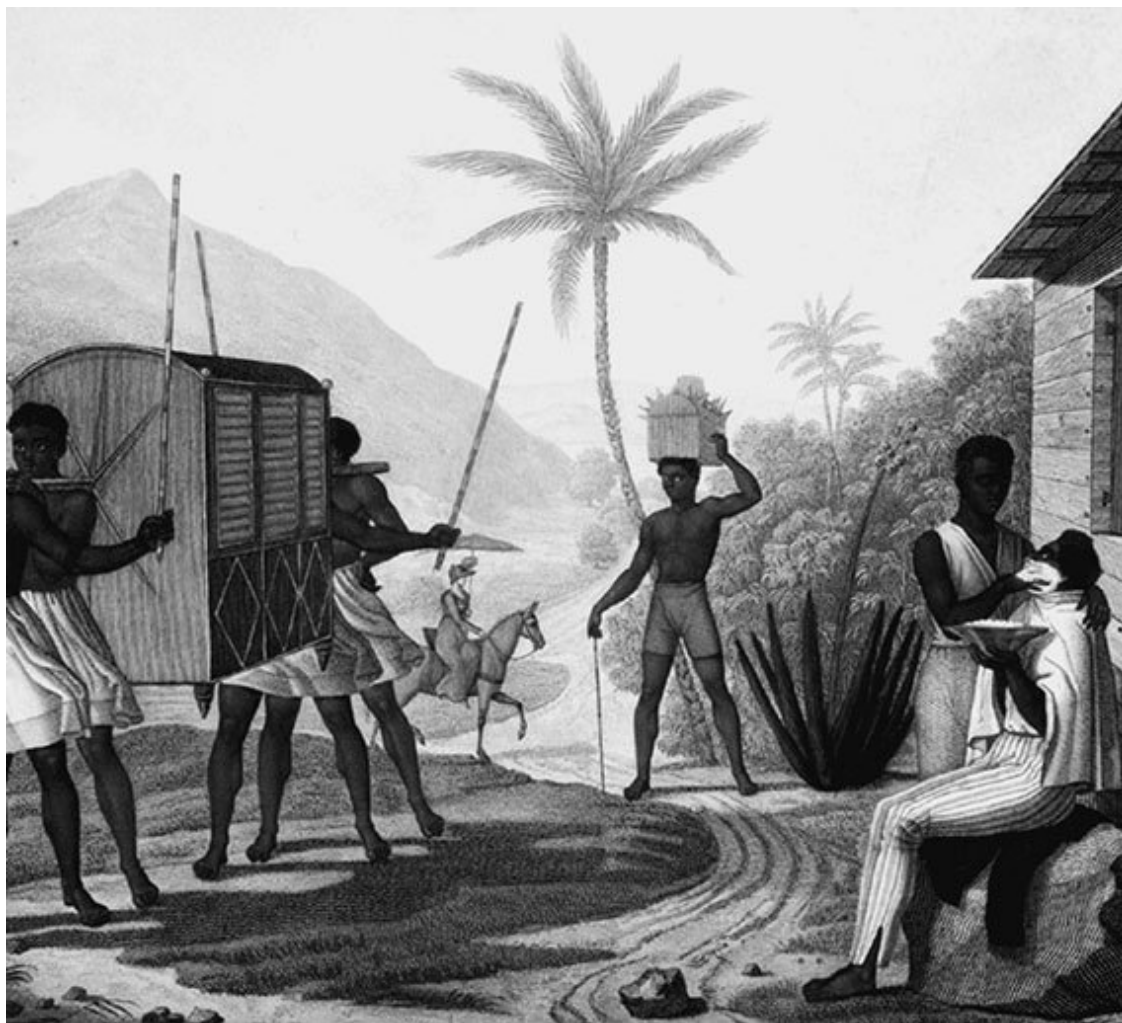
12 сентября «Урания» бросила якорь у входа в залив Шарк на западном побережье Зеленого континента. Высадившийся на берег отряд имел несколько встреч с аборигенами, державшимися, впрочем, крайне боязливо. Не найдя пресной воды, французские моряки пошли по пути, уже проложенному их предшественниками: подняв паруса, они покинули берега Австралии и двинулись к острову Тимор. Отсюда корвет, держась вблизи малоизученных островов, продолжал свой путь к островам Адмиралтейства, а отсюда – к Каролинскому архипелагу. 17 марта 1819 г. Фрейсине бросил якорь у побережья Гуама, а в начале августа уже обогнул с юга Гавайские острова. Прибыв на Оаху (Гавайи), Фрейсине стал на якорь в гавани Гонолулу. Теплый прием, оказанный жителями, заставил французов пожалеть, что они не направились прямо сюда.

7 октября «Урания» пересекла экватор. К востоку от архипелага Самоа был открыт островок, не указанный на карте, который назвали островом Роза, по имени жены Фрейсине. Кстати сказать, это стало единственным открытием за все путешествие. 13 ноября были замечены огни, указывавшие вход в Порт-Джексон, или Сидней. Вид европейского города, процветающего среди почти дикой природы, глубоко поразил французских путешественников.

25 декабря 1819 г., после длительной стоянки в бухте Сиднея, «Урания» снова вышла в море и взяла курс на восток, намереваясь достичь мыса Горн. Плавание до берегов Огненной Земли прошло без всяких приключений. Беспрепятственно обогнув мыс Горн, «Урания» стала на якорь в бухте Буэн-Сусесо. Впрочем, стоянка была непродолжительной, и корвет, двинувшись снова в путь, вскоре вошел среди густого тумана в пролив Ле-Мер. На третий день погода прояснилась. Требовалось пополнить запасы пресной воды, так что командиру пришлось выбирать между заходом в какую-нибудь бухту на побережье Аргентины или на Фолклендских островах. Фрейсине решил идти к островам. Все уже радовались тому, что плавание прошло без всяких приключений. Но мореплавателей ждало тяжелое испытание.

Во время входа в залив Франсез впередсмотрящие заметили скалы. В это время судно находилось на расстоянии всего полулье от берега. Осторожный Фрейсине приказал отклониться на 2 румба, но его предусмотрительность оказалась роковой: корвет неожиданно ударился о подводную скалу. Обломки дерева, всплывшие на поверхность, сразу же внушили опасение, что повреждение серьезно. Вода с силой врывалась в трюм. Нужно было выбрасываться на берег, однако его повсюду опоясывали скалы, и лишь в самой глубине залива находился песчаный пляж, пригодный для посадки судна на мель. Между тем дул встречный ветер, насту-

пала ночь, а «Урания» была до половины наполнена водой. Можно представить себе отчаяние командира! И все же корабль удалось посадить на мель.

Один из рисунков, выполненных во время плавания «Урании». Маврикий, 1818 г.

Когда при свете наступившего дня моряки увидели окружавший их ландшафт, ими овладело глубокое уныние: ни одного дерева, ни травинки на этих пустынных берегах! С помощью тех ничтожных средств, какие имелись в их распоряжении, исправить полученные корветом повреждения было невозможно. Однако уцелел большой баркас. Фрейсине решил добраться на нем до Монтевидео и привести оттуда спасательное судно. Но когда баркас был уже готов к отплытию, у входа в залив неожиданно появился парусник... Пока шли переговоры с его капитаном, в залив вошло еще одно судно – «Меркурий».

8 мая 1820 г. путешественники прибыли в Монтевидео. Здесь Фрейсине купил «Меркурий» и, переименовав его в «Физисьен», взял курс к берегам Франции. 13 ноября 1820 г. судно бросило якорь в Гавре. За время кругосветного плавания, продолжавшегося 2 года и 2 месяца, путешественниками было пройдено 18 862 морских лье. Многие материалы экспедиции погибли во время кораблекрушения, но тем не менее естественно-научные коллекции, переданные Фрейсине Французской академии, представляли собой значительную ценность.

Отто Коцебу: три витка вокруг планеты

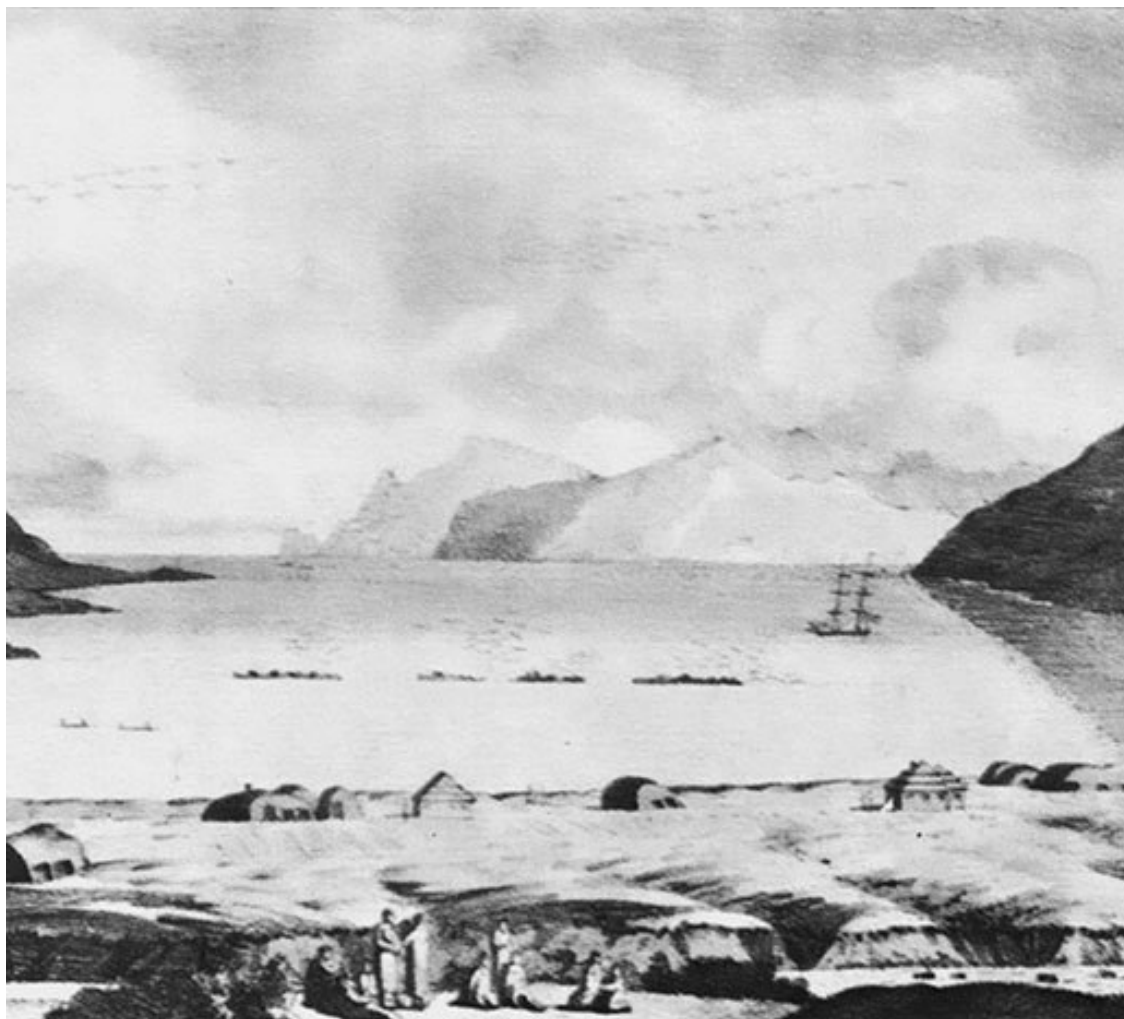
Отто Коцебу, уроженцу Таллина (Ревель), посчастливилось трижды обогнуть земной шар. В свое первое путешествие (1803–1806 гг.) он отправился еще совсем юным гардемарин-ном, вместе с экспедицией Крузенштерна. Второе путешествие, совершенное им на небольшом двухмачтовом бриге «Рюрик» уже в качестве командира корабля, принесло мореплавателю широкую известность.

«Рюрик» отправился в кругосветное плавание с научными целями, на средства государственного канцлера графа Н.Н. Румянцева, известного мецената. На борту судна находилось несколько ученых-естествоиспытателей, но в программу исследований входили главным образом гидрографические работы. Кроме того, Коцебу было предписано, «следуя из Берингова пролива по северной стороне Америки, искать соединения Великого океана с Атлантическим», то есть попытаться отыскать Северо-Западный проход.

Экспедиция начала свой путь из Кронштадта 30 июля 1815 г. После захода в Копенгаген и Плимут «Рюрик» вышел в Атлантический океан и направился к проливу Дрейка. 23 января путешественники миновали мыс Горн, а 13 февраля судно бросило якорь в заливе Консепсьон на чилийском побережье. Здесь Коцебу пробыл около месяца, готовясь к трудному переходу через Тихий океан, и 9 марта покинул Чили. Первой остановкой стал остров Пасхи, население которого встретило моряков очень враждебно. Коцебу пробыл здесь недолго, и вскоре «Рюрик» уже шел курсом на Камчатку. 19 июня экспедиция была в Петропавловской гавани. Предстоял самый ответственный этап маршрута – плавание по Северному Ледовитому океану.

В начале июля «Рюрик» вышел из Авачинской губы и направился на север. Обойдя с запада остров Святого Лаврентия, лежащий в северной части Берингова моря, «Рюрик» подошел к мысу Принца Уэльского – крайней западной точке американского побережья. Отсюда Коцебу повел бриг вдоль берега, пытаясь найти проход в Атлантический океан. Вскоре, однако, выяснилось, что судно находится в глубоко вдающемся в сушу заливе, который был назван заливом Коцебу. Отсюда экспедиция повернула назад. 19 сентября «Рюрик» был уже у острова Уналяска. Поскольку в условиях надвигающейся зимы продолжать плавание в высоких широтах было невозможно, Коцебу отправился далеко на юг, в экваториальную зону Тихого океана. В этом плавании экспедиция подробно обследовала Маршалловы острова (группы Ралик и Ратак), острова Крузенштерна и группу Гавайских островов.

В середине марта «Рюрик» вновь направился в северную часть Тихого океана на поиски Северо-Западного прохода. После посещения острова Святого Павла (в группе островов Прибыловых) Коцебу повел корабль на север, но вскоре встретил тяжелые льды. Это непреодолимое для маленького судна препятствие заставило моряков повернуть назад. На обратном пути «Рюрик» прошел через Индийский океан вокруг мыса Доброй Надежды, потом через Атлантический океан и 13 августа 1818 г. вошел в устье Невы. Научные результаты плавания были весьма значительны. Коцебу был произведен в капитан-лейтенанты и награжден орденом, а в 1823 г. ему вновь было поручено командовать кораблем, отправлявшимся в кругосветное плавание, – шлюпом «Предприятие».

Порт на острове Уналайска, каким увидели его русские моряки. Рисунок 1816 г.

9 августа 1823 г. экспедиция покинула Кронштадт и отправилась западным путем к русским владениям в Северной Америке. Оказавшись снова в Тихом океане, Коцебу продолжил ранее начатые здесь исследования. Побывав на Таити, мореплаватели отправились к островам Самоа, где Коцебу удалось открыть новую группу островов, названных островами Беллинсгаузена. 19 апреля 1824 г. судно направилось к берегам Камчатки. Выполнив необходимые для Российско-Американской компании работы, Коцебу 23 августа 1825 г. повел шлюп в обратный путь. На пути между Гавайскими и Марианскими островами экспедиция открыла несколько небольших коралловых островов, в том числе атолл Бикини. Всего же за время плавания на «Рюрике» и «Предприятии» было открыто 399 новых островов. О своих кругосветных путешествиях Коцебу написал несколько книг, которые принадлежат к числу лучших произведений географической литературы XIX столетия.

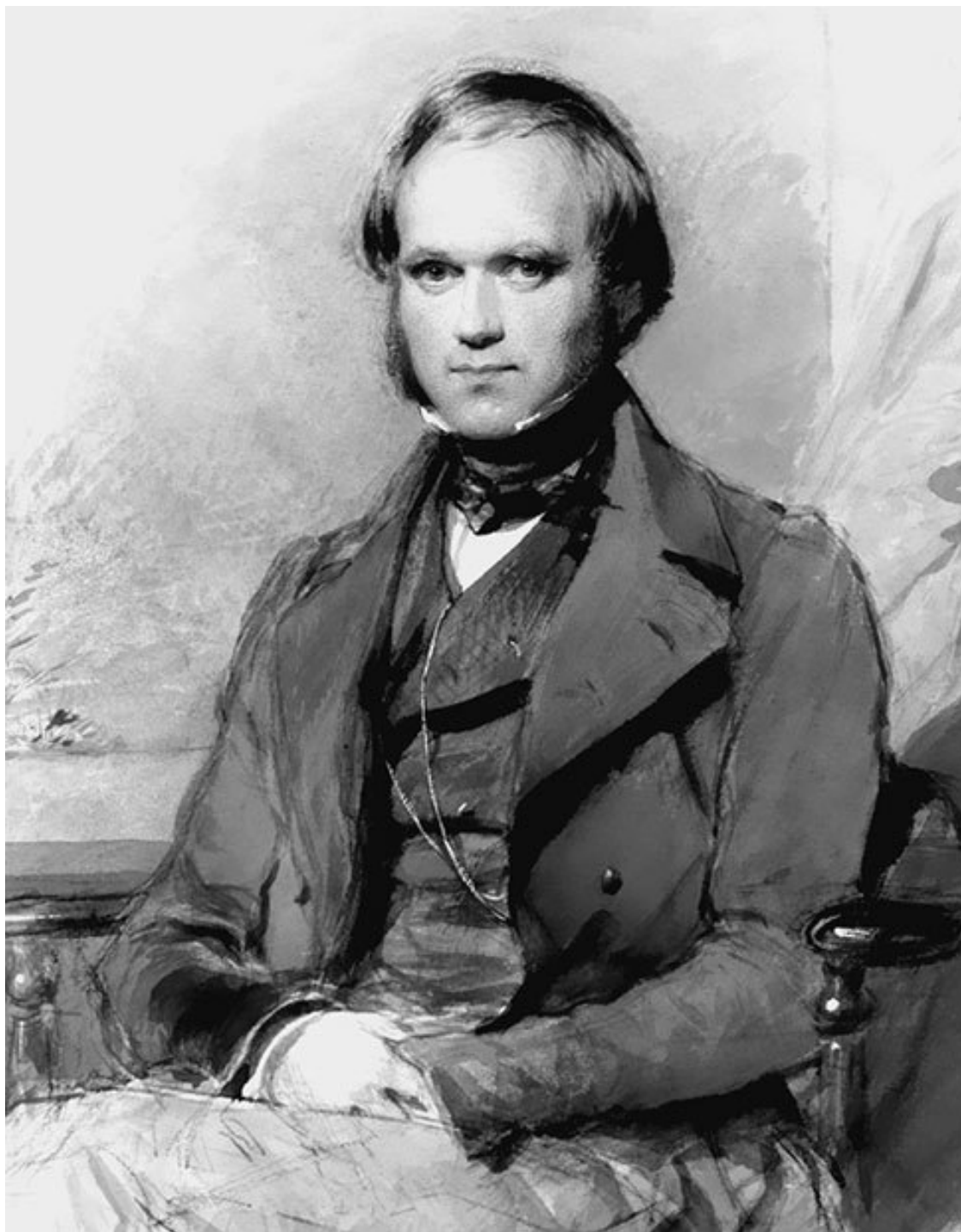
Экспедиция на «Бигле»

27 декабря 1831 г. из Девонпорта (Англия) в кругосветное плавание на судне «Бигль» отправилась экспедиция капитана Роберта Фиц-Роя. Фиц-Рой был известен как крупный гидрограф и метеоролог. Это был его второй рейс на «Бигле». Основной задачей экспедиции являлась съемка побережья Южной Америки и прилегающих островов в целях составления подробных морских карт, а также проведение серии хронометрических измерений в разных точках планеты. В качестве натуралиста на борту «Бигля» отправился в кругосветное путешествие никому не известный в ту пору Чарлз Дарвин.

17 января «Бигль» пересек экватор и 4 апреля прибыл в Рио-де-Жанейро. Следуя вдоль восточного побережья Южной Америки, экспедиция миновала Монтевидео и дошла до Байя-Бланки. С согласия Фиц-Роя Дарвин от Байя-Бланки до Буэнос-Айреса проехал сухим путем.

До 10 июня 1834 г. «Бигль» оставался у восточных берегов Южной Америки. За это время путешественники дважды побывали на Фолклендских островах и на Огненной Земле, произвели съемку восточных берегов Патагонии, а Дарвин совершил ряд пеших походов по Аргентине и Уругваю, изучая здешнюю природу. Пройдя через Магелланов пролив, «Бигль» 28 июня бросил якорь в порту Сан-Карлос на острове Чилоэ у побережья Чили. На картографирование берегов Южной Америки от полуострова Трес-Монтес на юге до Кальяо (Перу) на севере ушло более года. Лишь 7 сентября 1835 г. «Бигль» оставил берега Южной Америки и направился к Галапагосским островам. Этот архипелаг, состоящий из десяти больших островов и еще нескольких мелких, расположен вблизи экватора. Все острова образованы вулканическими породами. Во время стоянки Дарвин очень подробно изучил крайне своеобразную флору и фауну этих островов. Взяв отсюда курс на острова Общества (Товарищества), «Бигль» 15 ноября достиг острова Таити, а отсюда еще около месяца шел к Новой Зеландии. Стоянка здесь была очень короткой: уже спустя 10 дней «Бигль» шел в Сидней (Австралия), куда прибыл 12 января 1836 г.

Обогнув Австралию с юга, путешественники побывали на Тасмании, после чего, пройдя мимо южных берегов Австралии и сделав остановку в заливе Короля Георга (юго-западная Австралия), вышли в Индийский океан. 1 апреля 1836 г. на горизонте показались острова Киллинг (Кокосовые), расположенные на расстоянии 600 миль от Суматры. Эта группа островов привлекла особое внимание Дарвина, так как они все состоят исключительно из кораллов и в прошедшие времена представляли собой подводные рифы. Изучение этих островов позволило Дарвину позднее создать первую теорию происхождения и развития коралловых рифов. 29 апреля 1836 г. «Бигль» был уже у острова Маврикий. Пройдя в виду южной оконечности Мадагаскара, путешественники достигли Кейптауна, потом побывали на острове Святой Елены, а 1 августа «Бигль» вновь бросил якорь у побережья Бразилии, завершив, таким образом, кругосветное плавание. Наконец, 6 августа 1836 г. «Бигль» взял путь на северо-восток к берегам Англии. Все путешествие продолжалось 5 лет и 136 дней – срок необычайно долгий. За это время Фиц-Рой и его помощники провели обширные работы по нанесению на карту берегов Южной Америки. Осуществляя эти исследования, Фиц-Рой затратил крупные личные средства; навигационные карты, созданные на основе его съемки, сохраняли свою актуальность вплоть до Второй мировой войны.

Чарльз Дарвин

Семилетняя одиссея «Спленидо»

Город и порт Дубровник, ныне известный туристический центр на Адриатическом побережье, в Средние века славился как один из крупнейших центров морской торговли. К началу XVI в. дубровницкий морской флот по количеству был третьим в мире. Великие географические открытия и открытие новых мировых рынков повлекли за собой кардинальные изменения. Морская торговля переместилась из Средиземноморья в Атлантический океан. В XVII в. корабли дубровницкого флота плавали в основном уже только в порты Адриатики, а спустя 100 лет морская мощь Дубровника вообще сошла на нет. Однако морские традиции в одночасье не умирают, и в XIX в. капитан Иво Висин, уроженец Боки-Которской, стал первым моряком с Балканского полуострова, совершившим путешествие вокруг света.

Бюст во славу Иво Висина

Иво Висин родился в 1806 г. в семье со старыми морскими традициями. Еще в юности он мечтал побывать в дальних странах, однако в то время парусные суда из Дубровника и Боки-Которской уже ходили только на короткие расстояния. В 1850 г. Висин заказал в Риеке постройку брига. Судно было названо «Спленидо» и имело водоизмещение 311 тонн и 11 человек экипажа. Под командованием Висина оно отправилось в путешествие вокруг света 11 февраля 1852 г., выйдя из Антверпена с грузом тканей для Вальпараисо. Обогнув мыс Горн и

благополучно добравшись до порта назначения, «Спленидо» затем с грузом продовольствия направилось в Сан-Франциско и далее через Тихий океан в Гонолулу. В 1853–1859 гг. «Спленидо» плавал в водах Китайского моря и дошел до Австралии. Во время этого плавания Висину пришлось пережить немало опасностей: борьбу с разъяренной стихией, нападения пиратов, бунты экипажа (который он, кстати сказать, несколько раз менял). В феврале 1859 г. Висин решил возвратиться домой. Выйдя из Сингапура, пройдя через Индийский океан и обогнув мыс Доброй Надежды, «Спленидо» направился в Триест, куда прибыл 30 июля 1859 г. Это путешествие вокруг света продолжалось 7 лет 6 месяцев и 19 дней. После прибытия в Триест капитану Иво Висину был вручен почетный флаг за заслуги в области мореплавания.

Долгий путь к Америке

Сага об Ари, сыне Марса, доблестном викинге

«Морское течение отнесло Ари в Страну белых людей – Хвитрамманнaland, которую многие называют Большой Ирландией. Эта страна находится в море на западе близ Славного Винланда... Из этой страны Ари не смог вернуться и был там крещен. Впервые об этом рассказал лимерикский мореплаватель Храфн, долгое время живший в Лимерике, в Ирландии. Как сообщил Торкель, сын Геллирса, люди из Исландии говорили, со слов ярла Торфина с Оркнейских островов, что Ари опознали в Стране белых людей и уехать оттуда он не мог, но пользовался там большим уважением».

Так знаменитый исландский историк и поэт Снорри Стурлусон, автор «Круга земного», повествует о плавании викинга по имени Ари, сын Марса. Дальнейшая судьба этого мореплавателя осталась неизвестной, но известия о сделанном им открытии далеко перешагнули пределы Скандинавии и до сих пор доставляют головную боль историкам: что за страну открыл Ари?

О стране Хвитрамманнaland (Большая Ирландия) писали средневековые европейские и арабские авторы. О ней упоминает один из крупнейших арабских географов того времени Идриси. Сами ирландцы называли эту страну Тир-на-Фер-Финн – «Страна белых людей». О лежавшей на западе Стране белых людей было известно в Исландии, на Оркнейских и Фарерских островах, в Гренландии. Но никто из писавших о ней в те времена ни на йоту не приблизился к разрешению загадки. И потом – почему земля Хвитрамманнaland, открытая Ари, носила название Большой Ирландии?

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, вспомним, что ирландские монахи в VII–VIII вв. предприняли ряд дальних плаваний в северной части Атлантического океана. На новооткрытых островах устраивались небольшие монашеские общины. Известное «Плование святого Брендана» упоминает, например, о том, как Брендан и его спутники обнаружили на одном из островов в Северной Атлантике монастырь с ирландскими монахами, давшими обет молчания.

Когда начались морские походы викингов (VIII в.), северные острова начали быстро пустеть: уединенные ирландские монастыри-колонии либо подвергались разграблению, либо монахи, не искушая судьбы, сами уходили оттуда. Средневековый ирландский хронист Дикилл (IX в.) писал в 825 г.: «Среди океана к северу от Британии находятся другие острова, до которых при постоянном попутном ветре можно доплыть от северных островов Британии без остановок за двое суток... здесь около ста лет обитали отшельники, приплывшие из нашей собственной страны, Ирландии. И как острова эти прежде были безлюдными от сотворения мира, так и теперь не осталось на них отшельников по вине разбойничающих норманнов».

А вот «показания» другой стороны: исландский историк Ари Торгильссон Фроде (1067–1148) так повествует о прибытии первых викингов в Исландию: «В те времена Исландия от гор до берега была покрыта лесами, и жили там христиане, которых норвежцы называли папарами. Но позднее эти люди, не желая общаться с язычниками, ушли оттуда, оставив после себя ирландские книги, колокольчики и посохи; из этого видно, что они были ирландцами».

Сообщения норманнских авторов о плаваниях ирландцев к берегам Исландии, первое из которых датируется 795 г., позволяют поставить вопрос: что мешало этим же ирландцам в поисках новых земель уходить дальше к западу? Да ничего! Во всяком случае, викинги, попав из Исландии в Гренландию, и здесь нашли следы пребывания ирландских монахов: каменные жилища, фрагменты кожаных лодок и утварь. Но все же страна Хвитрамманнaland, она же

Большая Ирландия, – это не Гренландия. Страна белых людей, куда попал Ари, сын Марса, все равно находится западнее.

В «Саге об Эйрике Рыжем» об этой земле говорится так:

«Плывя из Винланда при южном ветре, они попали в Маркланд. Там они встретили пять скрелингов (то есть эскимосов. – *Примеч. авт.*): одного бородатого мужчину, двух женщин и двух детей. Люди Карлсефни схватили мальчиков, остальные же скрелинги убежали и скрылись под землей. Мореплаватели увезли с собой обоих мальчиков, обучили своему языку и окрестили их. Мальчики... говорили, что против страны скрелингов лежит другая земля. Там жили люди, которые ходили в белых одеждах, громко кричали и носили шесты с привязанными к ним флагами. Полагали, что это была Страна белых людей, или Большая Ирландия».

Большая Ирландия, расположенная «против» Гренландии и населенная белыми людьми, которые ходят в белых одеждах, совершают процессии с флагами и громко кричат... Что это? Ответ может быть только один: это – сведения о первой христианской колонии в Америке, основанной монахами-ирландцами в VIII в. или ранее!

Викинги в своём корабле. Фрагмент французского манускрипта. Около 1100 г.

О том, что страну Хвитрамманнaland, называвшуюся также Большой Ирландией, населяли именно христиане, говорит тот факт, что, когда язычник-викинг Ари, сын Марса, попал в эту страну, его там немедленно окрестили. А весьма ясный и правдоподобный рассказ мальчиков-эскимосов о процессиях людей в белых одеждах с пением и с «флагами» (хоругвями) можно трактовать как ритуальные процессии (крестные ходы).

Мысль о том, что в Америке какое-то время (по-видимому, непродолжительное) существовала ирландская христианская колония, обсуждается учеными вот уже более 100 лет. Скорее всего, страна Хвитрамманнaland располагалась на побережье Лабрадора или Ньюфаундленда. Известно, что в 1970-х гг. на побережье Ньюфаундленда, в бухте Сент-Лунэр, археологи обнаружили загадочные знаки, процарапанные металлическим предметом на валуне. Эти знаки напоминали буквы так называемого огамического письма, которым пользовались древние ирландцы.

Во всей этой истории неясным остается еще одно обстоятельство: почему Ари, сын Марса, так и не смог вернуться на родину? Ведь если доблестный викинг попал в плен к безоружным монахам, то вряд ли ему составило бы большого труда вырваться из их рук. Тем не менее Ари остался там навсегда, и кто-то из викингов (возможно, люди ярла Торфинна Сигурдссона с Оркнейских островов) даже видел его там: «Ари опознали в Стране белых людей, и уехать оттуда он не мог, но пользовался там большим уважением». А в саге об Эйрике Рыжем говорится о бородатом мужчине, которого викинги встретили в достигнутой ими Западной стране...

Как бы то ни было, судьбу Ари, сына Марса, мы уже никогда не узнаем – он навсегда остался в этой загадочной стране, уйдя вместе с ней в область легенд и преданий.

Путешествие в страну Винланд

В 1960-х гг., после того как норвежский археолог Хельге Ингстад обнаружил на северной оконечности Ньюфаундленда остатки норманнского поселения X – XI вв., окончательное признание получил тот факт, что викинги еще за 500 лет до Колумба достигли северо-восточного побережья Америки. Аргументы были настолько весомые, что осенью 1964 г. президент США Линдон Джонсон подписал закон о ежегодном праздновании 9 октября Дня Лейфа Эйриксона. Тем самым норманнский мореплаватель был официально признан первооткрывателем Нового Света.

...После того как викинги прочно утвердились в Гренландии, им оставалось сделать последний шаг: достичь Америки. Норманнскую колонию отделял от гигантского континента лишь пролив Дейвиса, ширина которого в самом узком месте не превышала 200 миль. Пересечь его не составляло никакого труда для тех, кто смело отправлялся в 1000-километровые рейсы по бурному океану. Во время своих промысловых экспедиций вдоль западного побережья Гренландии норманны в ясные дни видели вдали высокие горы Баффиновой Земли...

Викинги жили в Гренландии около 500 лет. Могли ли они не побывать на американском побережье? «Мы были бы вправе это утверждать, даже если бы не располагали письменными источниками, – пишет Хельге Ингстад. – Но нам повезло, у нас есть источники, повествующие о плаваниях норманнов из Гренландии в неведомую страну на западе. Эти источники – исландские саги».

Саги называют этот Североамериканский континент Винландом (Хельге Ингстад установил, что это название следует переводить как «богатая страна», «плодородная страна», «земля лугов и пастбищ»). В исландских сагах сообщается о 6 плаваниях викингов в Америку. Первое совершил Бьярни, сын Херьюльфа, в 985 г. Правда, его поход оказался неудачным. После многодневных блужданий в океане он увидел к западу от Гренландии незнакомый низкий берег, поросший лесом. Не решившись высадиться, Бьярни навсегда лишил себя славы первооткрывателя Америки. Им стал Лейф, сын Эйрика Рыжего.

В 1000 г., расспросив Бьярни о виденной им земле и купив его издававший виды, но еще крепкий корабль, Лейф Эйрикссон отправился на запад. Счастье улыбнулось ему – недаром Лейф вошел в историю как Лейф Счастливым.

В путешествие с Лейфом отправились 35 человек. «Они снарядили свой корабль и, когда все было готово, вышли в море и сначала достигли земли, которую видел Бьярни, – повествует сказание. – Они приблизились к этой земле, бросили якорь, спустили лодки и высадились на берег. Вся земля от берега до самых ледников напоминала сплошной плоский камень и показалась им совсем непривлекательной. Тут Лейф сказал: “С этой землей у нас получилось не так, как у Бьярни, ибо мы вступили на нее. Теперь я дам ей имя и назову ее Валунной Землей (Хеллуланд)”. После этого они вернулись на корабль, поплыли дальше и нашли другую землю. Они приблизились к ней, бросили якорь, спустили лодку и высадились на берег. Страна эта была плоской и лесистой. Повсюду простирались белые песчаные отмели, а берег полого спускался к морю. Тогда Лейф сказал: “Этой земле мы дадим подходящее имя и назовем ее Лесной Землей (Маркланд)”. Они тут же вернулись на свой корабль. Затем они два дня плыли на юго-запад при северо-восточном ветре и снова приблизились... к острову, расположенному севернее той земли, на которую они высадились. Вернувшись на корабль, они прошли проливом между островом и мысом, выдающимся к северу. Они стали обходить этот мыс с запада. Во время отлива морское дно обнажилось, их корабль сел на мель, а вода ушла далеко. Но им так не терпелось высадиться на берег, что они не стали ждать, пока море опять поднимет их корабль, а сразу же отправились на сушу».

Там была река, вытекавшая из озера. Когда прилив снова поднял их корабль, они сели в лодку, отправились к кораблю и отвели его вверх по реке в озеро. Там они бросили якорь, вынесли свои спальные мешки и разбили палатки. Они решили обосноваться там на зиму и соорудили большие дома. И в реке, и в озере было много такой крупной рыбы, какой они никогда прежде не видывали. В этой благословенной стране, по их мнению, не надо заготавливать на зиму корм для скота. Зимой там не бывает морозов и трава остается почти такой же зеленой, как летом. День и ночь не так различаются своей продолжительностью, как в Гренландии или Исландии...»

Памятник Лейфу Эрикссону. Рейкьявик, Исландия

После Лейфа в Винланде побывали его брат Торвальд – примерно в 1001–1003 гг., затем другой брат, Торстейн. Пятое путешествие осуществил богатый и знатный викинг Торфинн Карлсефни в 1005–1007 гг., а последнее – исландцы Хельги и Финнбоги, с которыми отправилась в далекий путь и сестра Лейфа Эрикссона – Фрейдис (примерно 1010–1020 гг.). Последняя экспедиция была самой неудачной: Фрейдис развязала кровавую усобицу внутри небольшого отряда колонистов. Таков был драматический финал норманнской колонии в Северной Америке...

В поисках ее следов Хельге Ингстад обследовал весь северо-восток США и часть Канады. Пять лет, с 1960 по 1964 г., длились археологические раскопки в Ланс-о-Мидоузе. В общей сложности находок оказалось не так уж и много, но они бесспорно доказывали, что обнаруженное поселение принадлежало викингам. Значит, средневековые саги оказались верны! Отваж-

ные скандинавские мореходы еще за пять веков до Колумба открыли Северную Америку и даже сделали попытку обосноваться на ее побережье. Однако их путешествия в Америку не имели никаких исторических последствий. Путешествия в Винланд были забыты к концу XIV в.

Загадка принца Мадога

Эта история получила широкое распространение во второй половине XVI в., когда Англия начала предъявлять свои претензии на земли Северной Америки, и продолжала сохранять популярность в последующие столетия. Действительно, сюжет истории был захватывающий: рассказывали, что в 1170 г. валлийский принц по имени Мадог ап Оуэн Гвинедд вместе со своим братом Риридом отправился в плавание через океан на запад и там открыл огромный, ранее неизвестный континент...

Об этом рассказывают пространные, хотя и не вполне ясные поэтические повествования валлийских бардов – Лливарха ап Лливелина (ок. 1173–1220) и Маредудда ап Риса (ок. 1450/60—1483). Согласно им, принц Мадог был сыном знаменитого короля Оуэна Гвинедда (Оуэна ап Грувудда), скончавшегося в 1170 г. После его смерти в Уэльсе началась жестокая междоусобная война. Не желая принимать в ней участия, Мадог и его брат покинули родину, и на нескольких кораблях, сопровождаемые небольшим числом приверженцев, взяли курс на запад. После долгого плавания они пристали к берегу незнакомой земли, отличавшейся плодородием и населенной необычными людьми, язык и нравы которых поразили валлийских мореплавателей (предполагается, что это могла быть Флорида). Высадившись на побережье, Мадог основал здесь колонию, оставив в ней сотню своих людей, а сам отправился в обратное плавание к берегам Уэльса, чтобы набрать новых поселенцев. Во второй трансокеанский рейс он вышел во главе эскадры из 10 кораблей, на борту которых находилось несколько сотен мужчин и женщин. Согласно фольклорной традиции больше из-за океана никто не возвращался, однако какие-то сведения о судьбе колонистов все же просочились в Уэльс. Рассказывали, что Мадог и его спутники достигли Миссисипи и долго путешествовали по внутренним речным путям Северной Америки, основывая колонии и сталкиваясь с различными индейскими племенами. Их путь завершился где-то на Среднем Западе США. Согласно поздней версии легенды, валлийцы начали вступать в браки с индейцами, в результате чего образовалось несколько смешанных этнических групп, в большей или меньшей степени сохранивших в своем языке и культуре валлийские признаки. Спутникам Мадога и их потомкам приписывалась постройка некоторых искусственных сооружений в Алабаме и других местностях Среднего Запада, действительно не характерных для местного коренного населения.

Вероятное изображение принца Мадога

О говорящих по-валлийски индейцах сообщал миссионер Морган Джонс, в 1669 г. попавший в плен к индейцам тускарора. Позже некоторые путешественники также заявляли, что встречались с валлийскоговорящими индейцами. В настоящее время легенда об открытии Америки валлийцами признается большинством специалистов малодостоверной: в числе 13 сыновей Оуэна Гвинедда не было ни одного по имени Мадог, а в Америке не найдено никаких достоверных исторических или археологических доказательств присутствия здесь валлийцев. Скорее всего, легенда о Мадоге развилась из средневековых преданий о морском плавании некоего валлийского героя, совершившего нечто значительное, но вряд ли добравшегося до Америки. В дальнейшем эта легенда вдохновляла несколько поколений поэтов, романистов и историков, создавших в итоге романтический образ валлийского принца – первооткрывателя Нового Света.

Фантастическое плавание братьев Дзено

В 1558 г. в Венеции была опубликована книга, в которой рассказывалось об удивительном плавании, совершенном неким рыцарем по имени Николо Дзено за полтора столетия до этого. В 1380 г. этот рыцарь «для завоевания славы и почета» построил и оснастил корабль и отправился на нем в дальнее плавание к берегам Англии и Фландрии. Буря отнесла корабли далеко на северо-запад, где он в итоге потерпел крушение у некоего острова Фрисланда, которым правил государь с труднопроизносимым именем Дзихнми. Николо Дзено поступил к нему на службу, а потом пригласил во Фрисланду еще и своего брата Антонио, отправив ему в Венецию письмо. Несколько лет братья провели на службе короля Фрисланды, совершая дальние походы и однажды добравшись до страны Эстланда, а в другой раз – до некоей «страны холода» Энгронеланд, где Николо Дзено заболел и вскоре после возвращения на Фрисланду скончался. Его брата король Дзихнми отправил с несколькими кораблями на запад. Пройдя около 1000 миль, они достигли страны Эстотиланд, пережили множество приключения, и в конце концов благополучно вернулись на Фрисланду, а в 1405 г. Антонио Дзено вновь оказался в Венеции...

Венеция. XVI в.

Почти сразу появления книги ее сенсационное содержание вызвало споры по поводу ее достоверности. Критики отмечали, что ни на океане, ни на суше нет и подобия земель, соот-

ветствующих описаниям Дзено. В то же время главные герои романа Николо и Антонио Дзено – не вымышленные лица, что подтверждается историческими документами. В 1385 г. Николо был участником плавания во Фландрию, однако в венецианских архивах о его необычайных приключениях ничего не сообщается: наоборот, документально доказано, что уже три года спустя, в ноябре 1388 г., Николо Дзено снова жил в Италии. В то же время «Книга Дзено» свидетельствует об отличном знании ее автором таких географических объектов, как Исландия и Гренландия, а также о знакомстве с североамериканскими индейцами. Эти необычные для 1558 г. знания способствовали тому, что «Книгу Дзено» считали описанием подлинного путешествия. Странные названия, встречающиеся в книге, большей частью можно легко связать с существующими географическими наименованиями: так, во Фрисланде легко угадывается Исландия, Эстланда – искаженное название Шетландских островов, а Энгронеланд – Гренландии. Любопытно и то, что после выхода в свет «Книги Дзено» на различных европейских картах север Атлантики стал изображаться точно по приложенной к ней карте Николо Дзено. Мартин Фробишер во время все трех своих экспедиций (1576–1578 гг.) к берегам Гренландии имел при себе карту Дзено и утверждал, что она ему очень пригодилась и оказалась вполне надежной. Откуда авторы книги получили такие точные сведения – неизвестно, но вряд ли от Николо Дзено: скорее всего, этот мореплаватель все же никогда не бывал далее Фландрии.

Открытие Индии, которая оказалась Америкой

«Была полночь 11 октября 1492 года. Еще каких-нибудь два часа – и свершится событие, которому суждено изменить весь ход мировой истории. На кораблях никто полностью не осознавал этого, но буквально все, от адмирала до самого молодого юнги, пребывали в напряженном ожидании. Тому, кто первым увидит землю, обещана награда в десять тысяч мараведи, а теперь уже всем было ясно, что долгое плавание близится к концу... Сутки были на исходе, и в светлой звездной ночи три суденышка, подгоняемые попутным ветром, стремительно скользили вперед...»

Так американский историк Дж. Бейклесс описывает волнующий миг, предшествовавший открытию Америки Колумбом...

Христофор Колумб (Коломбо; испанцы звали его Кристоаль Колон) родился около 1451 г. в Генуе в семье ткача-шерстобита. Хотя прозаическое занятие отца и родни не имело отношения к дальним плаваниям, Колумба с детства властно влекло море. Еще в юности он отказался следовать по стопам отца. Он стал картографом. Приблизительно в возрасте 25 лет генуэзец попал в Португалию. Увлеченный смелыми начинаниями португальцев, которые стремились найти новый путь в Индию в обход Африки, он много размышлял об этом, изучая итальянские и португальские карты. Колумб был знаком с античными теориями шарообразности Земли и задумывался о возможности попасть в Индию, двигаясь не на восток, а на запад.

Колумб предложил свой смелый план королю Португалии, но тот отверг его. Тогда генуэзец пытался заинтересовать английского короля, но Генрих VII не пожелал тратить деньги на сомнительное предприятие. Наконец, Колумб обратил свой взор на Испанию. Он долго и безуспешно добивался встречи с королем Фердинандом Арагонским, который в это время осаждал последний оплот мавров – Гранаду. Отчаявшись, Колумб уже решил покинуть Испанию и отправиться во Францию, но в последний момент удача улыбнулась итальянцу: его согласилась принять королева Изабелла Кастильская.

Христофор Колумб

Изабелла, властная и решительная женщина, выслушала иностранца благосклонно. Его план сулил новую славу Испании и несметные богатства ее королям, если бы они сумели попасть в Индию и Китай раньше других христианских государей. В 1492 г. королевская чета, Фердинанд и Изабелла, подписала с Колумбом договор, согласно которому он назначался адмиралом и вице-королем всех земель, которые откроет и приобретет для испанской короны.

3 августа 1492 г. из порта Палос на атлантическом побережье Испании вышли три небольших каравеллы – «Санта-Мария», «Пинта» и «Нинья». Около 100 человек команды, самый минимум продовольствия и снаряжения. Во главе этой экспедиции стоял незаурядный человек, одержимый смелой мечтой – пересечь с востока на запад Атлантический океан и добраться до сказочно богатых царств Индии и Китая.

Два месяца тяжелейшего плавания по океанским просторам... Казалось, морской пустыне не будет конца. На исходе были запасы продовольствия и пресной воды. Люди устали. Часами не сходивший с палубы адмирал все чаще слышал возгласы недовольства и угрозы со стороны матросов.

Однако все с борта кораблей замечали признаки близкой земли: птиц, прилетавших с запада и садившихся на мачты. Однажды дозорный увидел землю, и все предались веселью, но наутро она исчезла. Это был мираж, и команда вновь погрузилась в уныние. Между тем все признаки говорили о близости желанной земли: птицы, проплывающие зеленые ветки деревьев и палочки, явно остроганные рукой человека.

Колумб высаживается на берег маленького острова 12 октября 1492 г.

В ту ночь капитан Мартин Пинсон на «Пинте» шел впереди маленькой флотилии, а вахтенным на носу судна был матрос Родриго де Триана. Именно он и увидел первым землю, вернее, отблески призрачного лунного света на белых песчаных холмах. «Земля! Земля!» – закричал Родриго. И через минуту гром орудийного выстрела возвестил о том, что Америка открыта.

На всех кораблях убрали паруса и стали с нетерпением ждать рассвета. Наконец он наступил, ясный и прохладный рассвет пятницы, 12 октября 1492 г. Первые лучи солнца осветили загадочно темневшую впереди землю.

С кораблей спустили шлюпки. Ступив на берег, адмирал поднял королевское знамя и объявил открытую землю владением Испании. Это был маленький островок, который Колумб окрестил Сан-Сальвадор – «Спаситель» (ныне Гуанахани, один из островов Багамского архипелага). Остров оказался обитаемым: его населяли веселые и добродушные люди со смуглой, красноватого оттенка кожей...

Первая встреча европейцев с американскими аборигенами. Первые, самые яркие впечатления о Новом Свете. Здесь все казалось необычным и новым: природа, растения, птицы, животные и даже люди. И хотя в то знаменательное утро 12 октября 1492 г. жизнь огромного Американского континента внешне ничем не была нарушена, появление трех каравелл в теплых водах у берегов Гуаханани означало, что история Америки вступила в новую, полную драматических событий эру.

Возвращение Колумба в Испанию в марте 1493 г. на двух уцелевших, но сильно потрепанных кораблях превратилось в подлинный триумф великого мореплавателя. Однако золота, пряностей, драгоценных камней – всего, к чему стремились участники экспедиций и те, кто их финансировал, – найти за океаном не удалось. А тем временем португальцы сделали последний рывок на своем пути в Индию: в 1498 г. Васко да Гама обогнул Африку и достиг желанной цели, вернувшись с богатым грузом пряностей. Это стало чувствительным ударом для Испании.

Золотой мираж Индии

Вернувшись в марте 1493 г. в Испанию, Колумб уже 24 сентября того же года вновь вышел в море. На этот раз в составе экспедиции насчитывалось 17 кораблей, а на их борту – около 2000 человек, многим из которых предстояло стать первыми испанскими поселенцами в Новом Свете. 22 ноября 1493 г. Колумб основал колонию на северо-западном побережье острова Эспаньола (ныне Гаити), где испанцы впервые нашли золото. Месторождение, однако, оказалось очень бедным, и спустя 3 года Бартоломе Колумб, брат великого мореплавателя, перенес колонию на южный берег острова, где был основан город Санто-Доминго.

Между тем Христофор Колумб упорно разыскивал Индию. 30 апреля 1494 г. он достиг Кубы, 5 мая открыл Ямайку. Курсируя вдоль берегов новооткрытых островов, Колумб – на основании сведений, почерпнутых из описания путешествия Марко Поло, – усиленно искал Малаккский полуостров. Но его надежда не оправдалась. 20 августа Колумб вернулся на Эспаньолу и, оставив губернатором колонии своего брата Бартоломе, отплыл в Испанию. А 10 апреля 1495 г. король Фердинанд и королева Изабелла опубликовали указ, разрешающий любому испанцу совершать путешествие в Индию, селиться там, исследовать и осваивать новые земли и торговать с аборигенами.

30 мая 1498 г. Колумб в третий раз отправился к берегам Индии – на этот раз с шестью кораблями. 31 июля он высадился на острове Тринидад, в течение первой половины августа исследовал побережье Венесуэлы, обнаружил устье реки Ориноко и описал открытые им земли как часть неизвестного нового континента, по-видимому, представляющего собой южную часть Китая. 19 августа Колумб прибыл на Эспаньолу. В колонии назревал бунт: многие поселенцы были недовольны, считая, что Колумб ввел их в заблуждение относительно богатств Нового Света. В октябре 1499 г. Колумб был вынужден обратиться к королю с просьбой назначить в колонию специального королевского уполномоченного, чтобы помочь ему в управлении.

Этим уполномоченным стал Франсиско Бобадиля, рыцарь ордена Калатрава; однако данные ему полномочия оказались значительно шире тех, о чем просил Колумб. Прибыв в Санто-Доминго в августе 1500 г., он немедленно выдвинул против Колумба и его братьев Бартоломе и Диего обвинения в злоупотреблениях. Арестовав адмирала, Бобадиля отправил его в Испанию. Впервые Колумб пересекал океан в цепях...

В октябре 1500 г. арестованный Христофор Колумб высадился в Кадисе, а спустя два месяца его приняла в Альгамбре королевская чета. Тронутые несчастным видом адмирала и его слезами, их величества милостиво обошлись с Колумбом. Он был освобожден, но королева уже никогда не вернула ему прежних полномочий.

11 мая 1502 г. Колумб отправился в свой последний, четвертый рейс к берегам Америки на четырех небольших кораблях с экипажем в 150 человек. Целью этого плавания был поиск Малаккского пролива, ведущего в Индийский океан, – адмирал продолжал упрямо верить в то, что он нашел морской путь в Индию. Оставив Эспаньолу, он, после краткой остановки на Ямайке, 30 июля 1502 г. достиг побережья Центральной Америки. В течение двух месяцев корабли Колумба исследовали берега Гондураса, Никарагуа и Коста-Рики. 14 сентября адмирал высадился близ мыса Грасиас-а-Дьос (Никарагуа) и исследовал область, которой он дал название Серабора. Здесь Колумб наткнулся на многочисленные выходы золотой руды и, расспросив местных индейцев, установил, что драгоценный металл в больших количествах добывается в районе, лежащем далее на восток и носящем название Верагуа. Колумбу удалось собрать множество образцов золотой руды и получить приблизительное описание золотых копей.

Продолжая идти на юго-восток, Колумб достиг северного побережья Панамы и 2 ноября 1502 г. высадился на берег в районе лагуны Чикири. После двух недель отдыха и исследования

окрестностей адмирал приказал поднять паруса и взять курс на Санто-Доминго, но спустя три дня из-за сильной бури был вынужден вернуться к побережью Панамы. Место своей второй высадки Колумб назвал Ретрете – «место отступления». Здесь он оставался до 5 декабря, пока море наконец не успокоилось, и сильно потрепанные за время долгого плавания корабли снова подняли паруса.

7 января 1503 г. испанцы достигли устья большой реки, которую индейцы называли Кебира и которую Колумб окрестил испанским названием Рио-Белен. Аборигены рассказывали смутные вещи – будто там, дальше к западу, земля кончается, и за ней снова расстилается безбрежное синее море... Можно ли выйти в это море на кораблях? Ведет ли туда какой-нибудь пролив или протока? Индейцы не знали. Всматриваясь в горизонт, адмирал видел на западе только голубеющие в туманной дымке горы.

Встреча испанцев с аборигенами

Колумб назвал эту горную цепь Сан-Кристобаль. Неужели там, на западе, лежит Индийский океан, на поиски которого он потратил столько долгих лет и положил столько сил? Неужели судьба вновь окажется к нему немилостивой и он не сможет найти пролив, ведущий к заветной Индии?

Колумб резко меняет свои планы и лихорадочно начинает искать проход к лежащему на западе океану. Он бесплодно рыщет вдоль побережья Панамы, пересекает залив Сан-Блас, лавируя между островами архипелага Мулато, в нескольких местах подходит к берегу – все напрасно... Панамский перешеек лежит между ним и Западным океаном непреодолимым

барьером. Прохода нет. Истрепанные долгим плаванием, изъеденные морским червем корабли еле держатся на воде. Пора возвращаться...

16 апреля 1503 г. Колумб взял курс на Эспаньолу.

Великий мореплаватель умер в Вальядолиде (Испания) 20 мая 1506 г. в полном забвении и нищете. Современники, что нередко случается в истории, не сумели по достоинству оценить истинное значение сделанных Колумбом открытий. Да и сам он так и не понял, что обнаружил новый континент, считая до конца жизни открытые им земли Индией. Лишь после экспедиций Бальбоа, Магеллана и Веспуччи стало очевидно, что за океаном лежит совершенно новая, неведомая земля. Но назовут ее Америкой (по имени Америго Веспуччи), а не Колумбией, как того требовала справедливость. Более благодарными к памяти Колумба оказались последующие поколения соотечественников. Значимость его открытий была подтверждена уже в 20—30-х гг. XVI в., когда после завоевания богатых царств ацтеков и инков в Европу хлынул широкий поток американского золота и серебра. То, к чему великий мореплаватель стремился всю свою жизнь, и то, что он так упорно искал в Западных Индиях, оказалось не утопией, не бредом безумца, а самой настоящей реальностью.

Пинсон идет по следам Колумба

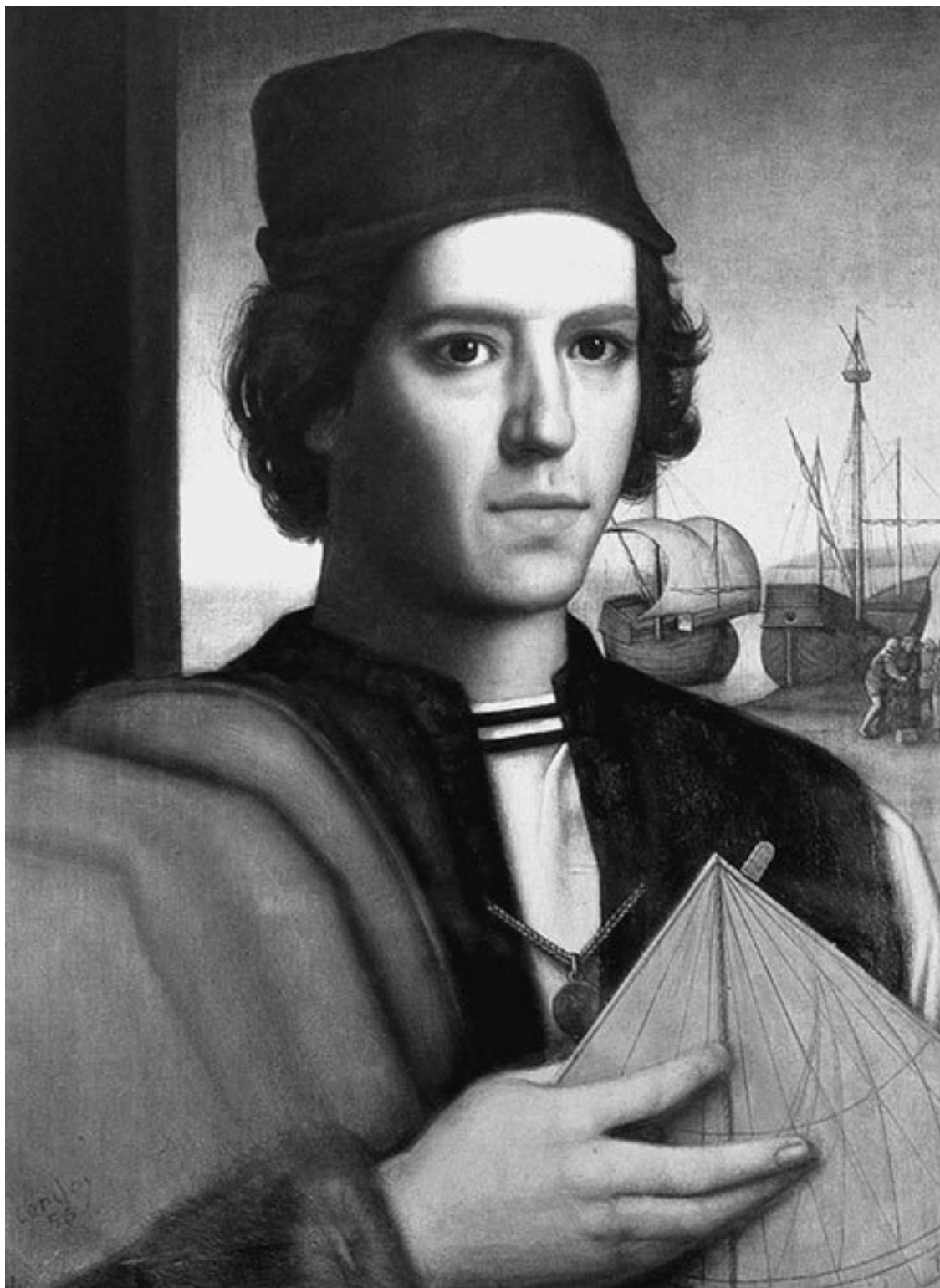
Висенте Яньес Пинсон был одним из соратников Колумба: в качестве капитана каравеллы «Нинья» он сопровождал великого гемуэца в первом его плавании. А 1 декабря 1499 г. Пинсон вновь отправился за океан, на этот раз уже в качестве начальника экспедиции, в состав которой входили 4 корабля. От островов Зеленого Мыса Пинсон взял курс на юго-запад и первым из испанских мореплавателей пересек экватор. 26 января 1500 г., после двухнедельного перехода через океан, на горизонте неожиданно открылась земля – мыс Сан-Роки (у 5°30' ю. ш.). Пинсон высадился на берег страны, позднее названной Бразилией, и от имени испанской короны вступил во владение ею.

От мыса Сан-Роки флотилия двинулась на северо-запад. Дойдя до устья какой-то мелководной реки, Пинсон выслал вверх по ней четыре лодки. На берегу его люди столкнулись с вооруженными индейцами, начался бой. Восемь испанцев были убиты.

Продолжая путь на северо-запад, моряки через несколько дней потеряли из виду землю, но когда они зачерпнули забортную воду, то она оказалась годной для питья! Корабли немедленно повернули к берегу, однако достигли его, лишь пройдя около 200 километров. Так было открыто устье реки Пара (правый рукав Амазонки), а далее, у самого экватора, Пинсон обнаружил устье самой гигантской реки. Воды Амазонки превращали часть океана близ устья в «пресное море»; соленую воду моряки сумели обнаружить только на глубине около 12 метров.

Идя от устья Амазонки вдоль берега на северо-запад, Пинсон достиг Гвианы. Он проследил около 3000 километров побережья и решил, что такая протяженная береговая линия может принадлежать только континенту, который он принял за Азию. Затем Пинсон прошел еще дальше на северо-запад и в начале апреля обнаружил дельту другой великой южноамериканской реки – Ориноко. Отсюда флотилия направилась к Эспаньоле, следуя вдоль цепи Малых Антильских островов.

Сделав короткий привал на Эспаньоле, экспедиция направилась к Багамским островам, но на пути туда во время урагана погибли два судна. Два уцелевших корабля 29 сентября 1500 г. вернулись в Испанию.

Висенте Яньес Пинсон

В 1505 г. Пинсон начал готовиться к новой трансокеанской экспедиции, целью которой должны были стать поиски к юго-западу от «полуострова Куба» морского прохода из Атлантического в «Восточный (Тихий или Индийский) океан». Прошло, однако, три года, прежде чем его намерения осуществились. Экспедиция на двух (по другим данным – трех) кораблях вышла из устья Гвадалквивира в конце июля 1508 г. Спустя несколько месяцев корабли Пинсона были уже у южного побережья Кубы. Они прошли вдоль еще неизвестного западного

участка кубинского берега между заливами Батабаньо и Корриентес и обогнули мыс Сан-Антонио. Убедившись, что далее берег круто поворачивает на северо-восток, экспедиция двинулась на юг. Корабли Пинсона достигли острова Гуанаха (Бонака), где в 1502 г. уже побывал Колумб, затем повернули на запад и вошли в Гондурасский залив. Здесь Пинсон открыл цепь островов Ислас и, дойдя до материкового берега, положил начало открытию полуострова Юкатан.

Так и не найдя морского прохода в «Восточный океан», корабли Пинсона повернули на север и прошли вдоль побережья Гондураса по крайней мере до 18° с. ш. В начале 1509 г. экспедиция повернула на юго-восток, к Дарьенскому заливу, а оттуда вдоль побережья Колумбии добралась до залива Пария. Относительно дальнейшего маршрута источники расходятся. По одной версии, исследования на этом закончилось. Но по сведениям историка Антонио Эрреры, писавшего в конце XVI в., Пинсон от залива Пария отправился на юг и, пройдя вдоль побережья южноамериканского материка, достиг 40° ю. ш., то есть дошел до залива Байя-Бланка к юго-западу от Ла-Платы.

Три плавания Алонсо де Охеда

Испанский моряк Алонсо де Охеда стал одним из самых замечательных продолжателей открытий Колумба. Он сопровождал великого генуэзца во втором его плавании, а в 1499 г. снарядил собственную экспедицию в Новый Свет. В этом плавании принимал участие никому не известный в ту пору флорентийский торговец Америго Веспуччи.

Корабли Охеда подошли к берегам Нового Света районе нынешней Гвианы и двинулись вдоль побережья на запад. По пути Охеда завязывал дружественные отношения с туземцами, вел с ними торговый обмен. Миновав устье Ориноко, экспедиция вошла в глубокий, тихий, как озеро, залив Маракайбо. На его восточном берегу путешественники с удивлением увидели большие индейские поселения на сваях: с помостов к воде спускались легкие лестницы, по каналам и протокам между домами сновали каноэ... Испанцы назвали эту землю Венесуэла – маленькая Венеция. Имя это сохранилось и поныне. Охеда не нашел здесь ожидаемых драгоценностей, однако его плавание имело большое значение, поскольку он впервые разведал южноамериканское побережье от устья Амазонки до мыса Маракайбо.

В июне 1500 г. Охеда вернулся в Кадис, а в 1502 г. отправился в новое плавание. На этот раз его преследовали неудачи. В конце концов два его спутника арестовали Охеду, заковали в кандалы и, обвинив в противозаконных действиях, отвезли на остров Эспаньола. Лишь после долгих мытарств Охеде удалось оправдаться. Но эта неудача не сломила его. В ноябре 1509 г. он вновь отправился к берегам Южной Америки. В составе экспедиции, покинувшей под началом Охеда Эспаньолу, было около 300 человек, и среди них Франсиско Писарро, будущий завоеватель Перу. Экспедиция благополучно добралась до побережья Панамы, откуда Охеда с группой спутников отправился в глубь страны на поиски золота. Этот поход окончился катастрофой: ночью на небольшой испанский отряд, остановившийся на привал, неожиданно напали индейцы. 69 членов экспедиции погибли, лишь Охеде и еще одному солдату удалось спастись. Поодиночке они после тяжелых лишений достигли берега; упавшего без чувств Охеду лишь совершенно случайно нашли товарищи.

Домик туземцев

В результате этого плавания Охеда основал на берегу залива Ураба колонию Сан-Себастьян. Условия жизни первых колонистов были крайне тяжелые: они терпели голод и болезни, почти постоянно были вынуждены отражать набеги индейцев, и когда с Эспаньолы в Сан-Себастьян пришло первое судно, Охеда немедленно направился на нем за помощью, оставив вместо себя Франсиско Писарро. По дороге Охеда поссорился с капитаном корабля, и тот велел заковать его в цепи. Однако, когда разыгрался шторм, моряки освободили Охеду и поручили ему, как более опытному капитану, управление кораблем. Охеда привел разбитый бурей корабль к южному побережью Кубы. Здесь экипаж высадился на берег и, преодолевая страшные трудности и терпя лишения, с большим трудом добрался до Гаваны. Это путешествие стало последним в карьере Охеды.

Несчастье Америго Веспуччи

Этому флорентийскому путешественнику (а может быть, и не путешественнику – некоторые исследователи считают, что Америго Веспуччи никогда не был в Америке) несказанно повезло (или не повезло): величайшее в мире географическое открытие оказалось совершенно случайно связано с его именем. Огромный континент в его честь сегодня называется Америкой, хотя открыл этот континент совсем не Америго...

С Колумбом Америго Веспуччи был хорошо знаком: он принимал участие в подготовке 2-й и 3-й экспедиций великого генуэзца, и сам Колумб считал его своим близким другом. В то же время Веспуччи был едва ли не тайным его соперником: из письма самого Веспуччи от 4 сентября 1504 г., адресованного флорентийцу Пьеро Содерини, известно, что он в 1497–1498 гг. совершил какое-то секретное плавание в Западное полушарие и достиг, как считается, берегов Центральной Америки. В 1499–1500 гг. на средства, полученные с помощью Веспуччи, испанец Алонсо Охеда организовал экспедицию к побережью современной Гвианы. Веспуччи также участвовал в этой экспедиции. В 1501 г. он перешел на службу к португальскому королю и до 1504 г. участвовал в одной, а может быть, и в двух португальских экспедициях к берегам Нового Света. Предполагается, что именно Веспуччи открыл устье Амазонки и первым обследовал северо-восточное побережье Бразилии. В 1504 г. он вернулся в Испанию. В 1505 г. ему было пожаловано кастильское подданство «за услуги, которые он оказал и еще окажет кастильской короне». Что делал Веспуччи в последующие два года, неясно: то ли опять плывал в Западное полушарие, то ли только снаряжал в Севилье корабли для этой цели...

В XVII–XVIII вв. почти все ученые склонялись к мнению, что Америго Веспуччи был сознательным обманщиком, стремившимся присвоить себе славу Колумба. До сих пор нет сколько-нибудь убедительных доказательств, что Веспуччи был капитаном какого-либо корабля. Неизвестно – за одним исключением, – какие обязанности он выполнял во время своих плаваний, и только в одном случае точно известно, под чьим начальством он плывал. Некоторые исследователи сомневаются даже в том, действительно ли Веспуччи совершил путешествия, о которых он сам рассказывал. Александр Гумбольдт считал, что имя Америго Веспуччи появилось на карте случайно и в этом следует видеть не вину, а беду флорентийского мореплавателя: «Что касается имени великого континента, общепризнанного и освященного употреблением в течение многих веков, то оно представляет собой памятник человеческой несправедливости... Название “Америка” появилось... благодаря стечению обстоятельств... Стечение счастливых обстоятельств дало ему (Америго Веспуччи. – *Примеч. авт.*) славу, а эта слава в течение трех веков ложилась тяжким грузом на его память, так как давала повод к тому, чтобы чернить его характер. Такое положение очень редко в истории человеческих несчастий».

Америго Веспуччи

Так в результате этого «несчастливого случая» Америго Веспуччи дал свою имя заокеанскому континенту. Назвать вновь открытые земли по имени Америго Веспуччи предложил в 1507 г. немецкий картограф Мартин Вальдземюллер. На карте Яна Рейса 1508 г. названия «Америка» еще нет – недавно открытый материк называется Землей Святого Креста, или Новым Светом. Впервые название «Америка» появляется на глобусе Иоганна Шенера в 1511 г. Вначале оно было принято только для Южной Америки, но в 1530-х гг. распространилось и на северную часть континента.

Наперегонки с Колумбом

В свое время слава венецианца Джованни Кабото (*англ.* Джон Кабот) соперничала со славой Колумба и Васко да Гамы, но в итоге ему суждено было остаться в тени своих более удачливых конкурентов. Хотя если бы он вернулся из своей последней экспедиции, кто знает, чье имя стояло бы первым в числе великих путешественников и первооткрывателей...

С юных лет Джованни Кабото совершал далекие путешествия. Почти одновременно с Колумбом ему пришла мысль о возможности достичь Индии с запада. Однако средств на организацию такой экспедиции у него не было, и заветная мечта до поры оставалась мечтой.

В 1484 или в 1490 г. Джованни Кабото и его сын Себастьян оставили Венецию и переселились в Англию, в Бристоль, где основали корабельную компанию. Так Джованни Кабото стал Джоном Каботом. В те годы Бристоль был оживленным океанским портом, откуда из года в год отправлялись корабли на поиски неведомых земель. Но заметных результатов эти экспедиции не давали.

Положение изменилось, когда Кабот получил от короля Генриха VIII официальное разрешение присоединять к Англии любые острова или материки, какие ему только удастся открыть. При этом ему было пожаловано исключительное право колонизации и торговли во вновь открытых землях. Подобно Колумбу, Кабот намеревался предпринять путешествие на запад, прежде всего, чтобы найти обозначенный на картах легендарный остров Бразил в Атлантике, а может быть, также достигнуть Восточной Азии.

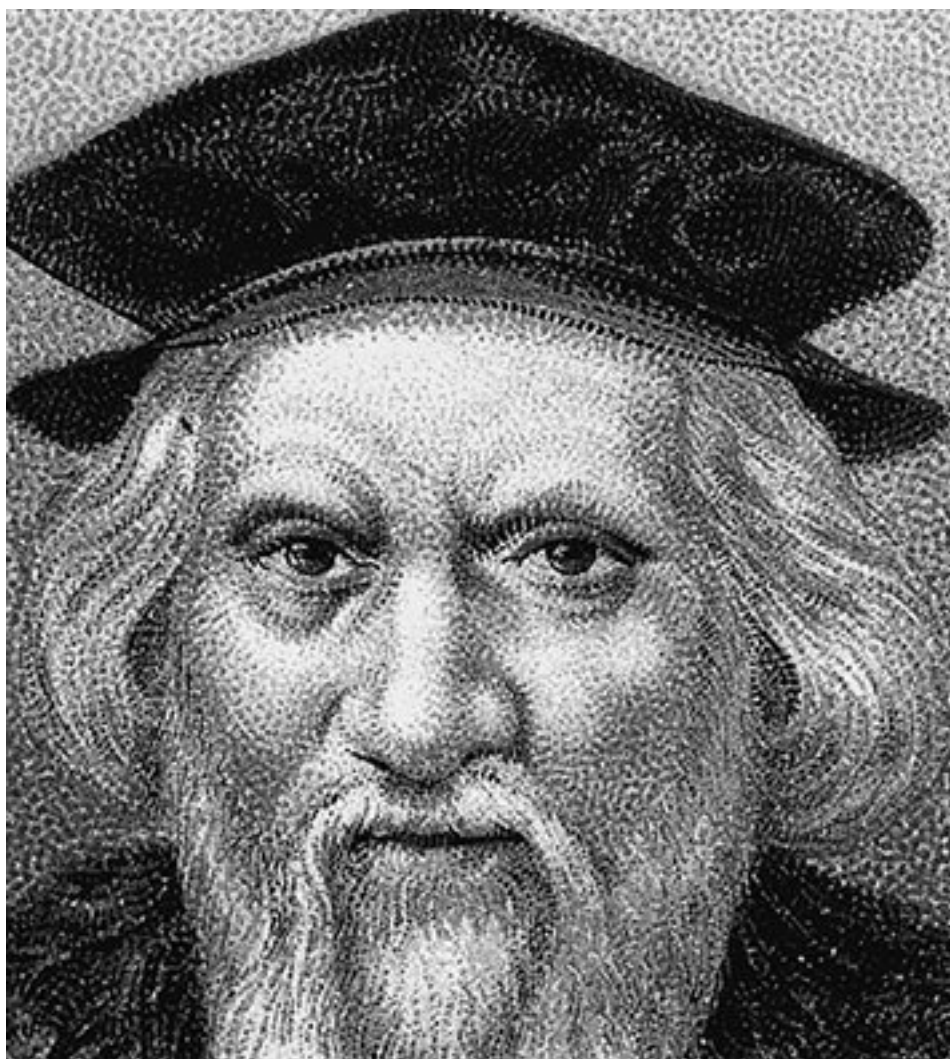
Первое плавание Кабота было неудачным. Корабли сбились с пути, команда взбунтовалась и потребовала возвращения домой. Между тем Бристоля достигли известия о первых открытиях Колумба. Размышляя над ними, Кабот пришел к выводу, что плавание в северо-западном направлении должно привести в «Катай» (Китай) и Индию гораздо быстрее, чем по пути, избранном Колумбом. В свое второе плавание он отправился 2 мая 1497 г. на небольшом судне «Мэтью». На втором корабле шел его сын, Себастьян Кабот.

Экспедиция отправилась Бристоля в северо-западном направлении. Джон Кабот явно искал путь в Индию через Северо-Западный проход. «Кабот направил свой путь так далеко к Северному полюсу, что в июне встретил огромные горы плавающего льда и увидел долгий день, — писал в 1533 г. в своем труде «Океаника» Петрус Англерийс. — Он нашел в этом плавании свободную ото льда землю. Увидев перед собой такие огромные массы льда, Кабот был вынужден повернуть на запад и идти вдоль берега...» 24 июня экспедиция достигла североамериканского материка. Это было первое достоверное открытие Американского континента со времен норманнов. Впервые после норманнов нога европейца ступила на Американский континент. Вспомним, что Колумб в 1492–1497 гг. открыл лишь острова в Карибском море, и только 1 августа 1498 г. он в первый раз высадился на земле собственно американского материка.

Высадившись на берег близ острова Кэп-Бретон, члены экспедиции подняли два флага: британский и венецианский. Затем, обогнув Нью-Брансуик, корабли Кабота пришли к устью реки Святого Лаврентия. Подобно Колумбу, Кабот еще не имел ясности о том, что же за земля перед ним, и полагал, что это может быть Азия и что вот-вот он встретит подданных Великого хана...

Затем «Мэтью» прошел около 300 миль вдоль восточного побережья Северной Америки на юго-запад. Иногда моряки иногда высаживались на берег. Он почти везде был безлюден. Кое-где англичане видели силки, установленные кем-то для ловли дичи, и надрезы, сделанные на деревьях. Нет, это явно не была земля Великого хана. И здесь не было ни золота, ни серебра, ни жемчуга...

Из-за недостатка припасов Кабот повернул обратно и прибыл в Англию в том же 1497 г. после трех месяцев плавания.

Джованни Кабото

В Англии Кабота встретили с большим почетом. Правда, болезненно скупой Генрих VIII наградил мореплавателя мизерной премией всего в 10 фунтов стерлингов. Зато популярность Кабота была безмерна. Но раздавались и другие голоса. По мнению многих, экспедиция Кабота не оправдала себя. Она стоила больших средств и, в отличие от экспедиции Колумба, не доставила никаких прибылей и даже надежд на прибыли. Покрытые лесами, почти необитаемые берега новой земли никак не могли быть берегами Китая или Индии. И в течение нескольких десятилетий англичане не предпринимали новых попыток западным путем плыть к Восточной Азии.

Что же касается самого Кабота, то он, как и Колумб, полагал, что открыл дорогу в Восточную Азию. И в мае 1498 г. с небольшой флотилией он снова отправился в путь – продолжать свои открытия. Из этого плавания вернулся лишь один-единственный корабль – тот, который из-за повреждений был вынужден повернуть обратно. Остальные бесследно пропали.

Есть гипотеза, что Джон Кабот умер в пути. Но более вероятно, что он все же снова достиг американского побережья и, скорее всего, повернул на север в поисках загадочного Северо-Западного прохода, ведущего к легендарным богатствам Индии. То, что такой путь существует, Джон Кабот предположил одним из первых и одним из первых попытался найти его в надежде, что он окажется для европейцев самой удобной морской дорогой в Азию.

Джованни да Вераццано в устье Гудзона

Джованни да Вераццано был выходцем из Флоренции. Он много путешествовал и в конце концов поселился во Франции. Есть предположение, что Вераццано и известный французский пират Жан Флорин (Флери) – одно и то же лицо. В 1523 г. этот пират ограбил испанский корабль с богатой мексиканской добычей. А в следующем году по странному совпадению от берегов Франции на поиски Китая отправляется флотилия из четырех кораблей во главе с Джованни да Вераццано.

Едва выйдя в море, корабли попали в сильнейший шторм, получили повреждения и вынуждены были вернуться к берегам Бретани. После починки судов Вераццано на одном из них отправился сперва на остров Мадейра, а оттуда далее на запад. Спасаясь от бури, Вераццано отклонился к северу от курса и достиг берегов Америки около 34° с. ш., то есть между мысом Фэйр и мысом Гаттерас в нынешней Северной Каролине. Низкая и очень протяженная песчаная коса отделяла корабль от видневшегося вдали материка, так что моряки долго не мог найти в ней прохода или хотя бы места, удобного для якорной стоянки. В поисках его Вераццано прошел сперва немного к югу, затем повернул к северу и таким образом достиг устья реки Гудзон, где моряки впервые увидели индейцев, встретивших их вполне дружелюбно. Потом экспедиция продолжила движение на север и добралась до Ньюфаундленда, который к тому времени уже был хорошо известен морякам из Бретани и Нормандии. Отсюда Вераццано вернулся во Францию.

Памятник Джованни да Вераццано

Открытия Вераццано оказались очень важными и были в дальнейшем использованы экспедицией Жака Картье. Позже открытые Вераццано реку и залив повторно открыл Генри Гудзон, именем которого они и были названы. Впрочем, американцы уже в наши дни постарались восстановить историческую справедливость и назвали именем Вераццано один из самых больших мостов в Нью-Йорке.

Жак Картье открывает Канаду

В 1534 г. французский король Франциск I решил, наконец, включиться в гонку за сокровищами Нового Света, к которым уже устремились испанцы, португальцы и англичане. Выбор его пал на Жака Картье – опытного моряка, прославившегося как удачливый капер. К тому времени французские рыбаки из Бретани и Нормандии освоили маршрут плавания к побережью Ньюфаундленда, и Картье решил идти по их стопам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.